Волхвы, колдуны упыри в религии древних славян

Annotation

Эта книга объединяет работы, посвященные "баснословным временам идолослужения": верованиям древних славян, их представлениям о сверхъестественных способностях волхвов, колдунов и ведьм, о нечистой силе, упырях и оборотнях, обо всех тех загадочных и страшных существах народных мифов и легенд, которые нашли свое место в повседневной жизни наших далеких арийских предков.

- Александр Николаевич Афанасьев, Григорий Андреевич Глинка
  - А. Н. Афанасьев Нечистая сила
    - Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков
    - Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни
    - Процессы о колдунах и ведьмах
  - Г. А. Глинка. Древняя религия славян
    - Вступление
    - Боги выспренние
      - Перун
      - Златая мать

- Световид
- Знич
- Белбог
- Сильный бог
- Дажбог
- Живот
- Лед
- Коляда
- Услад
- Лада
- Леля
- Полеля
- Дид
- Дидилия
- Мерцана
- Боги земные
  - Триглава
  - Волос
  - Могош
  - Купало
  - Родомысл
  - Сьва
  - Зевана
  - Чур
  - Прове
  - Радегаст
  - Коре
  - Ясса
  - Позвизд
  - Догода
  - Зимстерла
  - Зимерзла
- Преисподние, или подземные, боги
  - Чернобог
  - Ний
  - Стрибог
  - Яга баба
  - Кикимора
- Водные боги
  - Царь морской
  - Чудо морское
- Полудухи
- Богатыри
- Озера и реки

Александр Николаевич Афанасьев, Григорий Андреевич Глинка Волхвы, колдуны упыри в религии древних славян

А. Н. Афанасьев Нечистая сила

Нечистая и смертная сила в верованиях наших предков

Древнейшие представления о боге-громовнике носят двойственный характер: являясь, с одной стороны, божеством светлым, разителем демонов, творцом мира и подателем плодородия и всяких благ, он, с другой стороны, есть бог лукавый, злобный, приемлющий на себя демонический тип. Эта двойственность в воззрениях первобытных племен возникла под влиянием тех естественных свойств, с какими выступает гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачные облака и вредные испарения, то посылающая град и бурные вихри, опустошающая поля, леса и нивы и карающая смертных молниями. Шествуя в тучах, громовник усваивает себе и их великанские признаки и, согласно с представлением туч темными подземельями, становится богом подземного (адского) царства. Чтобы обозначить эти различные, одна другой противоположные стороны в характере громовника, народ давал ему и соответственные им прозвания, которые впоследствии перешли в имена собственные, обособились и разъединили единое божество на две враждебные личности: рядом с небесным Зевсом является другой, владычествующий не на небе, а под землею, - Ζεύς χαταχνόνίος, Jupiter niger, то есть Плутон, царь того света и усопших; возле благого, плодородящего Тора -лукавый Локи.

Этот последний вполне соответствует Гефесту (Вулкану), богу подземного огня, искусному ковачу молниеносных стрел, о котором греческий миф рассказывает, что раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю и что вследствие этого падения Гефест повредил ногу и навсегда остался хромым. Локи, хотя и числится в обществе асов и признается их товарищем, тем не менее есть существо коварное, обманчивое, состоящее в самом близком родстве с демоническими силами; низвергнутый с неба и окованный цепями, он потрясает землю; подобно Гефесту, он хром и также клеймит богов злыми насмешками. Хромоту соединяет древнее сказание и с славным кузнецом Völundr'oM. Быстрота молний заставила сближать их не только с летучими, окрыленными стрелами, ной с ногами, как необходимыми орудиями движения, резвого бега.

Отсюда объясняется, почему русский сказочный эпос изображает героев - представителей весенних гроз - с ногами по колено в золоте, почему греки давали своим богиням эпитеты сребро- и златоногих, почему, наконец, подвижная избушка ведьмы (ходячее облако) стоит и повертывается на курьих ножках, т. е. на ногах петуха (кура), имя которого доныне употребляется в значении огня. Богатырские кони и козлы Тора, ударяя своими копытами по облачным скалам, высекали из них молниеносные искры и открывали путь дождевым источникам. Так как молния падает с воздушных высот изломанной, искривленной линией [1 - Римляне чтили Марса под образом кривого меча - hasta curva.], то полет ее фантазия стали сравнивать с шатким, нетвердым бегом хромоногого человека или животного; а громовому удару стали приписывать отшибание пят или повреждение ноги у героя громовника, когда он является в облачные подземелья добывать оттуда золото солнечных лучей и живую воду дождя.

Такой удар наносят ему тяжелые двери демонских кладовых или железные врата адовы; под дверью здесь разумеется то отверстие, какое прорубает в темных тучах Перунова палица. Когда заблестит молния, чехи говорят, что это Бог отворяет в небесном чертоге дверь или окно и что в ту минуту поют там хоры ангелов, т. е. слышится грозовая песня. Зевсу в битве его с Тифоном были подрезаны на ногах жилы; по свидетельству индийского мифа, Кришна, славный победитель дракона, был ранен в подошву, откуда объясняется и греческое предание об ахиллесовой пяте; наши сказочные герои иначе не могут освободиться из подземного мира, как отрезав свои икры и скормив их дракону или вихрю-птице, на крыльях которых вылетают они на белый свет. То же увечье испытывают и мифические животные, в которых издревле олицетворялись грозовые тучи. Так, козел Тора охромел, потому что у него была разбита кость задней ноги; а конь Бальдура вывихнул ногу в то самое время, как этот бог сопутствовал Одину в его бурном поезде. По указанию русской сказки, когда царевич

доставал живую воду, толкучие горы (тучи) отшибли его богатырскому коню задние ноги. Падение молнии на метафорическом языке обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она в данном случае: бог-громовержец или демон-туча терял свой золотой волос, зуб, палец, фаллос, перо из своих крыльев или ногу. Звери, в образе которых народные предания живописуют грозовые явления (собака, заяц и др.), весьма часто представляются треногими; немецкие саги заставляют дикого охотника ездить на треногом коне и бросать с высоты воздушных пространств заднюю ногу оленя или коня, которая потом превращается в золото.

Взирая на извив молнии как на тот непрямой путь, которым шествует бог-громовник, древний человек, под непосредственным воздействием языка, связал с этим представлением понятия коварства и злобной хитрости. В эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятие не могло быть иначе выражено, как чрез посредство материальных уподоблений. Поэтому кривизна служила для обозначения всякой неправды, той кривой дороги, какою идет человек недобрый, увертливый, не соблюдающий справедливости; до сих пор обойти кого-нибудь употребляется в смысле: обмануть, обольстить. Лукавый - хитрый, злобный, буквально означает: согнутый, искривленный, от слова лук - согнутая дуга, с которой и смертные, и сам Перун бросают свои стрелы; лукать- бросать, кидать, излучина, лукоморье - изгиб морского берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всех кельтских наречиях kam - кривой, в кимр. - худой, злой, а в ирланд. - сильный, могучий, кимр. kamu, ар-мор. kamma - натягивать лук. Напротив, с понятием правды соединяется представление о прямоте душевной; прямить - говорить правду (напрямки, впрямь), прямой человек -честный, неподкупный, идущий прямым путем.

Лукавство и хитрость считались у грубых первобытных племен существенными признаками ума, мудростью; другие выражения сближают ум с быстротою - понятием, неразлучным со всеми представлениями стихийных духов: владим. - достремиться (стремный, стреадый- скорый, проворный) - догадаться, достремливый - то же, что дошлый: смышленый, догадливый, буквально: добегающий, достающий до цели; перм. угонка - сметливость, догадка; с тем же значением употребляется и слово дамет («не в дамет» = невдомек, от дометнуть). Серб, хитар, тождественное с нашим хитрый, значит быстрый, хорут. hiteti- спешить, старослав. хы(и)тити- схватить, поймать; сравни чеш. chwatati, новгор. и твер. хвататься - торопиться, серб, дофатити (дохитити) - достигнуть и рус. хват- молодец; хапать- схватывать и олон. хапистый - молодцеватый.

Следовательно, хитрый первоначально могло означать то же, что и прилагательное ловкий, т. е. тот, который удачно, скоро ловит, а затем уже - умный. Приведенный ряд слов переносит нас в те отдаленные времена охотничьего быта, когда меткость стрелы, быстрота в преследовании дичи были главными достоинствами мужчины, ручательством за его ум. Наряду со словом лукавый, которое сделалось нарицательным именем черта (у немцев: der böse, feindliche, unholde, у Отцов Церкви: antiquus hostis), хитник также служит для обозначения нечистого духа как коварного обольстителя и втоже время похитителя небесного света и дождей, а впоследствии - похитителя душ христианских; сравни: вор и проворный.

Под влиянием указанных воззрений и языка бог разящих молний переходит в хромоногого демона, и доныне у разных народов продолжают давать этот эпитет дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux, хромой бес, хромой черт; в Воронежской и других губерниях нечистого называют «Антип беспятая»; чехи поминают kulhaveho, certa и kulhave hromy. В народных сказках черт нередко является искусным кузнецом, с чем как нельзя более гармонируют и его черный вид, и его пребывание в покрытых сажею и горящих адским пламенем пещерах; в самый короткий срок он может перековать в гвозди огромное количество железа; в Германии думают, что, ударяя кузнечным молотом в полночь, можно вызвать нечистого духа. Падающие с облачного неба, молниеносные духи (чеш. Svetlonosi, то есть эльфы [2 - Svetlonosi собираются на лугах и полях, танцуют, сбивают путников с дороги и бросаются им на спину; можно накликать их свистом.]) в эпоху христианства смешались с теми некогда светлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоумие были низринуты, по библейскому сказанию, во мрак преисподней. Я. Гримм относит название Loki к корню

lukan (claudere -запирать, claudus - хромой); сканд. lokfi nis, consummatio, loka - запор, засов у дверей: свидетельство языка- в высшей степени любопытное и знаменательное, так как молния исстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему их на все время холодной зимы; «замкнутое небо», то есть небо, не посылающее дождей.

В качестве демона Локи замыкает облака, налагает на них крепкие запоры, задерживает небесные воды и производит неурожаи.

В противоположность Тору, покровителю земледелия и произрастителю хлебных злаков, он засевает поля сорными травами; в Норд-Ютланде вредная для скота трава называется Lokkens havre - подобно тому, как на Руси осот считается чертовым зельем: nu saaer Lokken sin havre (теперь Локи сеет свою траву). В Средние века черта представляли под символом молота, засова и запора. В шведской песне о Torkar'е черт, похитивший молот, назван trolltram, от сканд. trami, tremill, др. - нем. dremil - засов у дверей. Седьмой день, посвященный италийцами Сатурну (dies Satumi), у германских племен называется: Soeteresdag, Soetemesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag; англосакс, soetere - insidiator, скрывающийся в засаде враг, подстерегающий злоумышленник (др. - нем. säzari, ср. - нем säze - insidiae=läga, läge). Такое название субботнего дня приводит на мысль сканд. laugardagr, швед, lögerdag, дат. loverdag, что в более раннюю эпоху могло быть равносильно выражениям Lokadagr, Logadagr - день, посвященный Локи.

Итак, Локи соответствует Сатурну, жестокому богу преисподней; с именем этого последнего и с именем созвучного ему Сатаны народ и связал свои воспоминания о древнем национальном божестве демонического характера. В Священном Писании Сатана есть отец лжи; сканд. Locki - verführer, vertocker, nachsteller, дат. Loke löjemand (lovmand) намекает на lyve - лгать, обманывать (prat, loi); Гримм подозревает сродство между словами lüge - ложь, обман и logi - огонь, вихрь. У немцев, русских и чехов существует примета: если огонь горит с треском и прыгают из печи искры, то в семье произойдут ссора и брань. Слово wind употребляется в значении клеветы, ложного доноса, windbeutel - лжец; точно так же в русском языке «слова, сказанные на ветер» означают: пустые речи, враки, ветреный человек - беспутный; у датчан есть пословица: lögn er et skadeligt uveir («Ложь - опасная буря»).

Der lügner - не только лжец, но и насмешник, шутник, каким и представляется Локи в сказаниях Эдды; наши поселяне дают черту, домовому и лешему название шута, шутика.

Старинные хроники свидетельствуют, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Так, Массуди в «Золотых лугах» говорит, что во храме, построенном на Черной горе, стоял идол, изображавший Сатурна, в виде старца, с палкою в руках, которою он разгребал кости умерших; под правою его ногою были видны муравьи, а под левою сидели вороны и другие хищные птицы. Видукинд упоминает о медном идоле Сатурна у вагров. Славянское имя этого бога, следуя глоссам Вацерада, было Ситиврат. Словаки местом входа в ад назначают пропасти горы Ситна (название, стоящее, может быть, в связи с именем Ситиврата) и злого духа называют пропастником, препадником.

Вообще следует заметить, что народные предания и поверья о нечистых духах изображают в них демонов грозовых туч и бурных вихрей, авих адском жилище - мрачные вертепы облачных гор. На это мы уже не раз указывали в предыдущих наших сочинениях, посвященных великанам, карликам, водяным, лешим и другим стихийным духам, с которыми постоянно смешиваются черти. Вритра, Аги, Cushna и другие демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловеченные явления природы, ибо деятельность их обнаруживается в потемнении неба громовыми тучами, в воздымании бурь и опустошении нив градом; обитая в облачных горах или среди дождевых вод, они похищают небесных коров и дев, солнце, месяц и дождь и сражаются с Индрою - молния против молнии. В шуме весенних гроз предки наши созерцали битву громовника с демоническими силами, которых он разит своим молотом, палицей или стрелами, и доселе существует поверье, будто ударом молота по наковальне можно наложить на черта оковы. К тем сведениям, какие собраны по этому предмету выше, мы добавим свидетельство старинного англосаксонского памятника, сходного по содержанию с русским стихом о Голубиной книге. Здесь, между прочим, описывается борьба Сатаны с Богом: дьявол претворяется в тьму, а Господь- в свет, первый принимает образ

исполинского змея, а последний - копья.

Наконец, сожженный Божьей молнией, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождем, Сатана признает себя побежденным, и Господь налагает на него железные цепи. Под другим поэтическим воззрением гроза и крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбою или пляскою, и до сих пор поселяне наши убеждены, что зимние вьюги и метели посылаются нечистою силою; появление и исчезновение чертей сопровождаются бурею и треском ломающихся деревьев. Манихеи и другие еретики внесли в свое учение догмат, что буря есть дыхание заключенного в оковах дьявола, что гром - скрежет его зубов, злобное ворчание, а дождь - капли его пота. В сербской рукописи XIV века содержится отрывок заклятия против нечистой силы, в котором читаем: «… запрещаю ти четирими патриархи, запрещаю ти, диаволе, 308 святых отец, иже в Никеи, да не имаши власти на троудех христианьскых (то есть над нивами) одьждити (одождити) боурею и злим градом».

По мнению чехов, вместе с вихрями, подымающими пыль столбом, движутся злые духи и причиняют людям болезни; сражаясь в воздухе, черти бросают друг в друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусков и падают на землю градом; когда приближается бурная гроза, чехи заклинают ее следующей заповедной формулой: «zaklinam vas, andele pekelni kteri posilate krupobiti na tento svet, neskod'te ourodam bozim, ani zemi, ani chmelnicim, ani lukam, ani lidem, ani hovadum, ani zadnemu stvoreni bozimu. abyste na skaly a na hustiny sli». Подобно тому в Ведах встречаем молитву: «.не повреди нам, Рудра, на сынах наших и внуках, на лошадях и коровах!». От XVI века дошли до нас сказания, в которых опустошительные бури изображаются как дело нечистых духов: в 1570-х годах в некоторых местностях Богемии жители наблюдали их полет в стремительных вихрях, а в одной деревне рассказывали, будто дьявол свел любовную связь с бабою (ведьмою) и научил ее напускать грозу и град; когда виновную бабу спалили на огне, то черти подхватили ее душу и унесли в вихре.

В 1585 году крестьянин, у которого град выбил ниву, так выразился о своем несчастий: «.vsak Pan Buh tehda spal, kdyz nam cert to obili zdrtil a kroupami potloukl!». В народных клятвах доныне дается черту стихийное значение: «hat dich der teufel aber herzu tragen?», «wo führt ihn der teufel her?», «daz dich der tiuvel hin füere!», «var du dem tiuvel in die hant!», «fahr hin zum teufel!», «le diable t'emporte!», «куда тебя черт занес! (или завел)», «чтоб тебя черт брал!». Сравни с заклятиями: «was für ein wetter führt dich her!», «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?», «wo schlägt dich der hagel her?», «ich will des wetters sein!», «ich bin des donners!», «каким ветром тебя занесло сюда?»; у словаков: «kde tarn ides do Paroma!», «kde si bol u Paroma?» Клятва: «zum teufel!» (к черту!) равносильна выражениям: «zum dormer!» и «dass dich der hammer!» Рядом с благословением: «gott waits!» в устах народа слышится: «des wake der teufel, der dormer!».

Названия teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятые деньги) тождественны. Черту приписывается быстрота вихря или несущихся в грозе духов неистового воинства; подобно эльфам, черт может внезапно появляться, исчезать, оборачиваться в различные образы и делаться то великаном гигантских размеров, то карликом, способным пролезть в замочную скважину или в пустой орех. В средневековых сагах герои приносятся из дальних стран домой с необычайною скоростью чертом и большею частию чрез воздушные пространства.

Так, король Карл в единую ночь прискакал с востока во Францию на дьяволе, превратившемся в коня. Известна легенда о святом пустыннике, которого в несколько часов свозил черт в Иерусалим или в Рим [3 - «Сказание о великом святителе о Иване, архиеп. великого Новаграда, како был единой нощи из Новаграда в Иерусалиме-граде и паки взвратися».]. Другие саги допускают замену нечистого духа ангелом, указующим на быстроногого коня: знак, что первоначально тут разумелся не злой демон христианского учения, а созданный язычеством стихийный дух (ветр) или сам Вуотан, несущий своего любимого героя в бурном полете облаков. Как представитель легко изменчивых облаков и туманов, черт может превращаться во все те образы, в которых древнейший миф олицетворял тучи. Согласно с эпическими названиями облаков ходячими, а ветров буйными, черти вечно бродят по свету и отличаются неустанною,

беспокойною деятельностью; на областном наречии шатун означает и бродягу, и дьявола. По быстроте своего полета тучи уподоблялись хищным птицам, легконогому коню, гончим псам и диким козлам и козам, а ради той жадности, с какою они пожирают (помрачают) небесные светила, - волку и свинье.

Все эти животненные формы принимает и нечистый. Из сейчас указанной саги видно, что он, наравне с ведьмами, может превращаться в борзого коня; в других сказаниях он, подобно Вуотану и Донару, выезжает на черном коне или в колеснице; осужденных грешников увозят в адские бездны черные кони; Локи превращался в кобылу и породил осьминогого Слейпнира от великанова жеребца Svadhilfari. Прибавим, что и водяные представляются наполовину, а иногда и совсем в лошадином образе; а кобольдам народные поверья дают лошадиную ногу. Черт нередко показывается в виде собаки и даже называется hellehund, напоминая тем греческого Цербера; как адский пес, он стережет спрятанные в облачных подземельях сокровища, оберегает небесные стада и участвует в дикой охоте - этой поэтической картине весенней грозы, почему его называют также: hellehirte и hellejager.

В силу мифического сродства мертвецов с стихийными духами создалось верование, будто он охотится за душами усопших, как гончая собака за убегающей дичью: «ffihrt dich der zauch (др. - верхненем. zoha - сука) schon wieder her?» Представление черта козлом ставит его в особенно близкие отношения к Тору. На праздничных сборищах ведьм Сатана является в образе черного козла, которому они воздают божеские почести; в заклятиях козел служит заменою древнего бога. В Швейцарии народ не употребляет в пищу козлиных ног, потому что такие же ноги имеет и сам черт: это обыкновение объясняется из мифа о козлах Тора, мясом которых утолял он свой голод, а из собранных костей снова воскрешал убитых и съеденных животных и сильно гневался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною.

Наподобие Тора черт ездит по ночам на козле и щелкает бичом или правой рукою машет серебряным молотом, а в левой держит молнии. О превращениях злого духа в свинью и волка было сказано выше. Черт охотно воплощается в черного ворона, коршуна и сову; немцы называют его hellerabe, и не только ради хищности и черного цвета этой птицы, но и потому особенно, что ворон посвящался Одину, шествующему в грозе и бурях. Животненные формы даются бесам в придаток к тем безобразным человеческим формам, в которых рисовались они воображению первобытных племен; наделенный козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостом, черт внешним видом своим сближается с античными фавнами и сатирами и нашими лешими; он так же космат, как skraten и pilosen; острые когти его и крылья суть признаки звериного и птичьего типов.

По летописному свидетельству, боги, живущие в безднах, «видом черны, крылаты, с хвостами и летают под небо». Сходно с эльфами, цвергами и пиксами, черти любят пляски и музыку. Наряду с бесами мужеского пола предания говорят о чертовках, которые по характеру своему совпадают с облачными, водяными и лесными женами и девами. У малорусов есть поговорка: «Дождался чертовой матери». В народных сказках в жилище черта сидит его бабка, мать или сестра, которая в большей части случаев оказывается благосклонною к странствующему герою, прячет его от своего сына и помогает ему в нужде (с тем же значением изображается и мать ветров); сам же черт, ворочаясь домой, чует носом человеческое мясо, как чуют его великаны и змеи.

По мнению малорусов, если «дощъ йде кризь сонце (то есть при солнечном сиянии), то черт жинку бье» или «дочку замижъ виддае»; чехи говорят: «cert beli svoubabu, ci svou matku neb chot'» (любовницу); французы: «le diable bat sa femme». В Германии о быстро сменяющейся погоде - то ясной, то дождливой и пасмурной - выражаются поговоркою: «Der teufel bleicht seine grossmutter», в Швейцарии: «Der teufel schlägt seine mutter»; когда гром гремит при солнечном сиянии, немцы говорят: «Der teufel schlägt seine mutter, dass sie ol gibt». Польско-русинское присловье утверждает, что ведьмы (чаровницы) сбивают масло в то самое время, как черт бабу колотит. Очевидно, черт выступает здесь в роли громовника; в шуме летней грозы он бьет свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требует от нее масла, то есть дождя. Туча, в недрах которой рождается молния, почиталась ее матерью; в сказках упоминается мать грома, литов. Percuna tete. С другой

стороны, та же облачная нимфа, под иным поэтическим воззрением, представлялась любовницею или женою грозового демона, с которою он сочетается молниеносным фаллосом [4 - Народные поговорки утверждают, что «черт и баба - родня между собою», «где черт не сможет, туда посылает бабу».].

Вместе с присвоением громовнику и сопутствующим ему духам характера демонического, сатанинского, жилища их, т. е. облачные подземелья и пещеры, получили значение страшного царства нечистой силы; в то же время царство это признано было обиталищем умерших, ибо и в языке, и в поверьях смерть роднилась с нечистою силою [5 - Напомним, что суббота (dies Saturni) есть по преимуществу день поминок.], а тени усопших - с грозовыми гениями. И та и другие неслись в рядах неистового воинства и дикой охоты, сопровождали Одина в его воздушных поездах и вместе с ним скрывались в облачные горы и дождевые источники. Те же самые образы и краски, какие созданы были поэтическим настроением древнего человека для туч, служили и для обрисовки царства демонов и мертвых.

Прежде всего, это есть мир подземный, куда ведет трудный путь чрез пропасти и горные ущелья, - мир непроницаемой тьмы и страшно клокочущего, всепожигающего пламени: тьма указывает на помрачение неба черными тучами, а пламя - на горящие в них молнии. Таково было воззрение арийских племен. Веды знают ужасный, подземный мир Naraka, в котором царствует богиня Nirriti; по учению древних греков, души усопших отходят в подземный, вечно туманный и мглистый ад (άίδης, αδης), где властвует бог Аидес (Гадес), являющийся во всей грозовой обстановке: он имел шлем-невидимку, жезл и злато блестящую колесницу (метафоры облака и молнии).

Греческому аду соответствуют германская гелла и славянское пекло. Сканд. He1 (гот. Halja, др. - нем. Hellia, Hella, англосакс. Hell) принимается в двух значениях: как название того света (unterwelt) и как имя царствующей там богини - точно так же, как греч. Агбпц; и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись в мужском образе. Ульфила переводится абг|<;, словом halja; верхненемецкий переводчик Священного Писания infernus передает через hella, а gehenna- через hellafi ur и hellawizi. Геллу, сверх того, чтили язычники как богиню смерти, существо злое, забирающее души усопших в свою печальную область, откуда уже нет возврата.

По свидетельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змеи; она наполовину или совсем черного цвета, подобно тому, как, олицетворяя смерть, народное воображение рисует ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежит глубоко в утробе земли, под корнем мировой ясени Игдразилли и носит имя Nifl heimr или Nifl hel=nebelwelt, nebelholle (облачный, туманный мир или ад); ее чертог -Eliudhnir (страдание, бедствие), блюдо - Hungr (голод), нож - Sultr (с тем же значением), т. е. она пожирает с ненасытным голодом. В Средние века изображали ад жадно раскрытым, поглощающим людской род зевом, подобным волчьей пасти; старинные памятники говорят о бездне, дверях и челюстях адских.

Идеи зияющей бездны, отверстой пасти, ворот и крепких, неодолимых запоров так естественно возникали в данном случае, что разные народы постоянно обращались к этим образам. Наши церковные и лубочные изображения Страшного суда рисуют ад в виде открытой, огнедышащей пасти чудовищного змея [6 - У пророка Исайи, V, 14: «И расширил ад душу свою, и разверзе уста своя». На стенной живописи вологодского Софийского собора под стопами Спасителя, изводящего из ада души праотцев, изображены сокрушенные врата, вереи и заклепы. - Изв. Ими. Археол. об-ва., IV, 24.].

Усопшие едут в область Геллы на конях или в колеснице («fara til Heljar»); созвездие Большой Медведицы называют не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые Млечному Пути, указывают на него как на дорогу, которая ведет умерших на тот свет, -любопытные данные, ярко свидетельствующие, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическим обозначением небесных, облачных пещер. Греки помещали ад то в недрах земли, то за пределами воздушного океана, где находились и блаженные острова. Рядом с подземной страною Naraka индийское верование указывает на фиговое дерево (acvattha = Игдразилль), под сенью которого пребывают праотец Яма и все блаженные - Pitris, наслаждаясь невозмутимым покоем и вместе с богами вкушая бессмертный напиток.

Рядом с геллою скандинавский миф называет валгаллу (valhöll). На высоком небе высился Asgardhr- город светлых асов, где хозяином и владыкою был Один; окруженный крепкими стенами, город этот заключал в себе славные чертоги и валгаллу. Эта последняя имела 540 дверей, вместо кровли была покрыта золотыми щитами, на стенах ее висели блестящие мечи и давали свет, озаряющий всю залу. Сюда поступали падшие в битвах герои (einherien) и продолжали свои воинские занятия; каждый день они сражались на дворе и умерщвляли друг друга, но когда наступало время трапезы - убитые восставали и пировали за одним столом с победителями, вкушая бессмертные яства и вдохновительный мед; в битвах этих принимал участие и сам Один.

Ясно, что герои валгаллы суть стихийные духи, сражающиеся в летних грозах и пьющие живую воду дождя, - представление, перенесенное потом на доблестных народных витязей, души которых смешиваются с бессмертною свитою Одина. В царство же Геллы поступают умершие от старости и болезней; первоначально это - место пребывания усопших, а никак не место наказания грешников; о казнях и муках нет ни слова в древнейших памятниках, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно из злых и нечестивых людей, но все скончавшиеся не в пылу сражений, даже самые благородные и возвышенные личности, отходили сюда, как свидетельствуют примеры Брунгильды и Бальдура. По греческому верованию, почившие герои поступали в мрачные вертепы ада.

Тем не менее из этих мифических основ с течением времени, когда выработалась известная сумма нравственных правил, должны были развиться представления о различной участи, ожидающей по смерти добрых и злых. Слабые зачатки таких представлений встречаем уже в мире языческом, оделившем небесное царство Ямы и блаженных праотцев от подземной области Нараки. С забвением исконного смысла старинной метафоры, уподобившей облака горам и подземельям, и с перенесением ада в действительные недра земли сказания о нем стали противополагаться мифу о небесных (райских) обителях богов и их любимцев [7 - Между небом и подземным царством ада земля составляет средину - Midhgardh (media domus).].

Уже Гомер различает Тартар от елисейских полей; Тартар лежал еще глубже ἀδης’α - в бездне, где томились заключенные великаны, буйные противники богов, - и позднее признан был за ту часть подземного царства, в которой злые осуждены терпеть казни; в елисейских же полях проводят беспечальные дни тени блаженных. У германцев также было верование, принимаемоеЯ. Гриммомза сравнительно позднейшее, чтоВсевышний (Allvater) дарует людям бессмертные души и как скоро труп покойника будет сожжен на костре или сгниет в могиле - душа доброго возвращается к Одину на небо. (Gimill, Vingolf), а душа злого идет в Nifl heimr.

Собственно же говоря, строгое различие между грядущими судьбами добрых и злых и местами их посмертного пребывания указано христианством, которое потребовало от человека высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутренним достоинствам. В XIII веке уже утвердилось за геллою ее теперешнее значение подземного царства мук, в котором пребывают души осужденные, проклятые. В древних верхненемецких памятниках употребляется в смысле ада bech (pech - pix, смола); новые греки называют преисподнюю πίσσα. Этот смоляной ад известен у славян и литовцев под именем пекла (польск. piekfo, серб. пакао, слов. pekel, илл pakal, литов. pekla, др. - прус. pickullis), каковое, каковое слово происходит от глагола печь, пеку и равно означает и смолу, которая гонится чрез жжение смолистых деревьев, и геенское пламя [8 - Описание слав, рукой. Моск. синод, библ., отд. I. 109: пекло - смола; отд. II, вып. II, 239; пекла моуки - inferni poenas; Церковнослав. словарь Востокова: «посмоли же ковчег пеклом»; пекол, пекл, пькол - смола или асфальт.]. Венгерское pokol (ад) заимствовано от славян -точно так же, как германские племена заимствовали от римлян infem.

На Руси смолу называют варом, а слово «деготь» имеет в санскрите корень dah (dagh) -гореть [9 - Г. Микуцкий сближает dah с славянским жег; «д» изменяется в «ж», как в словах: орудие - оружие, куделя - кужеля (Зап. Р. Г. О. по отдел, этногр., I. 589).]. Следуя буквальному значению этих слов, предки наши связывали их с представлениями весенних вод и дождей, рождающихся под действием яркого солнца и молниеносного Перуна из растопленных снегов и туч. Таким образом, смола и деготь издревле были

метафорами дождя, а слово «пекло» к обозначению «ада» перешло от понятия громовой тучи, пылающей молниями и преисполненной кипучею влагою живой воды. В старинных славянских рукописях греч. тартароЛ переводится грозою: «инии грозе предаются». У люнебургских вендов ад - smela = смола. Литовский Pokole (Poklus, др. - прус. Pikolos, Pekolos) есть бог-пекельник, владыка того света, тождественный Гадесу; черт по-литовски - pyculas (др. - прус. pickuls).

По народным поверьям, появление и исчезание нечистых духов всегда сопровождается громовым треском и удушливыми парами, распространяющими серный или смолистый запах. Малороссийская поговорка «Як дидько по пеклу шибаетця» указывает на властвующего там Сатану, или подземного Перуна; как у славян имя Деда Перуна перешло в название дьявола, так у немцев alt есть не только прозвание Тора, но сверх того означает и черта, и великана; сравни наше: «старый черт». Славяне полагают пекло под землею, куда надо спускаться чрез разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдины русские убеждены, что душа во время «обмиранья» (летаргии), руководимая Николаем-угодником, странствует в подземном царстве и видит там адские муки.

По свидетельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести их по смерти в лучшие места ада (in meliores inferni sedes). В Шлезии «пеклом» называют склепы с погребальными урнами; а словацкий pikuljk принадлежит к разряду домовых гениев, в образе которых чтились духи усопших предков. В народных сказках герои, отправляясь на тот свет, нисходят туда чрез глубокую яму. Словаки рассказывают об одном охотнике, который по указанию Бабы-яги ездил вади спускался для того в пропасть; его вез летучий змей (дракон-туча), и когда не хватило запасов, странствующий молодец вынужден был дать змею кусок мяса от собственной ноги и остался навсегда хром.

Те же подробности находим в наших, немецких и норвежских сказках, повествующих о возвращении героев с того света - из далекой страны чудовищных демонов; но место змея заступает громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сияние. В заговорах нечистая сила посылается «в океан-море (или небо), в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, в тартарары - во тьму кромешную». Изображая ад пеклом, т. е. возжженною смолою, народная фантазия соединила с ним представление об огненной, бурно клокочущей реке, которая у греков называлась ргфАеувтзои (огненный поток) [10 - Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλέγω - пожитаю. Калевала упоминает огненную реку; волны ее бьют в скалу, на вершине которой сидит орел (молниеносная птица) и точит свой клюв.]. Миф о кончине мира, живописующий разрушение в шуме весенних гроз старой, одряхлевшей за зиму природы, свидетельствует, что в то страшное время протечет река огненная.

При конце Вселенной настанет царство Антихристово, светила небесные померкнут, архангелы вострубят в рога - и мгновенно воскреснут мертвые. «Лосем, - говорит Кирилл Туровский, - огнь неугасимый потечеть от въстока до запада, поядая горы и камение и древа, и море иссушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небеса совиются), и вся видимая сущия вещи, развее человек, вся от ярости огненныя яко воск истают, и згорит вся земля. И сквозь той огнь подобает всему человеческому роду пройти... В них же суть неции, мало имуще съгрешения и неисправления, яко человеци, понеже есть Бог един без греха, да сим огнем искушени будут, очистятся и просветятся телеса их яко солнце, по добродетели их: праведным дает свет, а грешным опаление и омрачение.

Прешедшим же им огненную сию реку, огньнная си река, по Божию повеленью, послуживше и отшедши к западу, учинится во озеро огненное на мучение грешным.

Посем будет земля нова и ровна, якоже бе искони, и бела паче снегу, и потом повелением Божиим пременится и будет яко злато; изидеть из нея трава и цвети и много различнии и неувядающи никогда же. и взрастут древа не яко видимая си суще, но высотою, лепотою, величеством невозможно есть изглаголати усты человеческыми» [11 - Пам. XII в., 100-1; Рукой. графа Уварова, вып. I, 118-9. В стихирах недели мясопустной, по рукописи XV столетия, читаем: «.. река же огньная пред соудищем течет, оужасая вьсех. плачю и рыдаю, егда во оуме приимоу огнь неоугасимый, тмоу кромешноую и пропасть глоубокоую, лютого червия неоусыпающего и скрежет зоубный». - Калеки пер.,

VI, с. XVII].

В стихе о Страшном суде сказано: протечет река огненная и запылает огонь от земли до неба и пожрет камни, леса, птиц и зверей.

Сойдут с небес ангелы грозные,
И снесут они орудия огненные
И погонят грешных в реку огненну.

Вслед за тем начинается великий потоп, омывающий греховную землю. На картинах Страшного суда изображается и эта неугасимая река, с толпами захваченных ею грешников. В путевые записки Коробейникова и Грекова при описании святых мест Палестины занесено предание: «.и тою подолью, сказывают, хочет течи река огненная в день Страшного суда». В народном стихе Михаил-архангел представляется в роли Харона [12 - Имя, указывающее на грозовое божество (χάροφ, χαροπός). - Der Ursprung der Myth., 273.]: как на последнего возложена была обязанность переправлять тени усопших через адские потоки, так этот перевозит души праведных через реку огненную «ко пресветлому раю».

В сказках змей и Баба-яга указывают богатырям на огненные источники (тучи), в которые что ни брось - тотчас же все объемлется пламенем Восток, откуда восходит (нарождается) ясное солнце, чтился арийцами как райская страна, царство весны и ее благодатных даров; напротив, запад есть страна ночного мрака, смерти и адских мук. Младенческим племенам все то казалось за истину, что видел их глаз; солнце, удаляющееся вечером с небесного свода, и облака, гонимые за горизонт ветрами, как бы уходят под землю, а потому запад, где умирает дневное светило, признан был за подземное, загробное царство; там полагали греки и свой ἅδης. Весенняя, пожигаемая молниями туча течет с востока огненною рекою, поедает обветшалый мир и затем отходит к западу, где и водворяется на муку грешным Всемирный пожар, действует заодно со Всемирным потопом, как поэтические представления грозового пламени и дождевых ливней, и затем наступает блаженное царство весны: земля, обессиленная рукою старости (то есть зимы), юнеет и обновляется, поля и леса одеваются в зелень и сулят обилие плодов земных. Согласно с представлением зимних туч бесплодными горами и скалами, созданными владыкою демонов и разрушенными богом-громовником, новый мир изображается цветущею равниною. Так как и с огнем, и с водою соединялась идея физического и нравственного очищения, то понятно, почему народ сочетал с огненною рекою двоякое значение: во-первых, адского, наказующего потока и, во-вторых, очистительного пламени (fegefeuer); здесь коренится католический догмат о чистилище (purgatorium).

По свидетельству народного стиха, грешные души, очистившиеся в огненной реке, изымаются из ее хлябей неводом, что напоминает нам ту сеть, с которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловле в водах небесного океана.

И прошел невод мукой вечною,
И вытащил душ праведных (прощенных) из муки вечныя [13 - ЧОИиД, год 3, IX, 215-6.].

Персы верят, что добродетельные души пойдут на небо, а злые, грешные будут прежде очищены огненною металлическою рекою, которая разольется при кончине Вселенной, и потом уже начнется всеобщее, бесконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вечный свет и правда.

Кроме запада, идея ада связывалась с севером, как страною полуночною, веющею зимними стужами. Понятия ночи, зимы, смерти и все потемняющих туч отождествлялись в языке и мифах, что и привело к представлению севера царством демонов и, напротив, заставило юг сблизить по значению с востоком, видеть в нем родину небесного огня. По скандинавскому преданию, царство Геллы лежит на севере. Когда Hermödhr послан был к усопшему Бальдуру, он девять ночей (по-русски следовало бы сказать: девять дней) ехал мрачными глубокими долинами и достиг реки Giöll (strepens - шумно-бурливая), через которую вел мост, покрытый блестящим золотом (то есть радуга, издревле признаваемая за дорогу в небесные обители и путь усопших).

Мост этот сторожила дева Modhgudhri; она объявила страннику, что пять дней перед тем толпа умерших мужей перешла через мост и что жилище Геллы (helvegr) находится

еще глубже и севернее. Мрачные, глубокие долины соответствуют греческому Ερεβος и составляют проход, ведущий к аду (Halja), это - холодная, туманная, охваченная непроницаемым мраком страна Nifl heimr'a, где обитают и носятся темные эльфы.

Посреди этой страны бьет источник Hvergelmir, из которого истекают двенадцать бурливых рек, и между ними Giöll, ближайшая к жилищу богини. Потоки эти суть мифические представления дождевых ключей, так как самый Nifl heimr- поэтическое изображение туманов и сгущенных облаков. Ту же обстановку встречаем и в античных сказаниях о мутном, окруженном постоянными туманами Стиксе [14 - «Styx nebulas exhalat iners».] и других адских реках [15 - D. Myth., 762-4. Дождевые, грозовые потоки равно принадлежат и раю, и аду, только на обрисовку их здесь и там употреблены различные поэтические краски.]. По рассказу Гомера, ад находится у вод великого (воздушного) океана и корабль Одиссея направляется туда северным ветром.

Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелиос…

Ночь безотрадная там искони окружает живущих [16 - Одис., XI, 13-19. Киммериане - жители загробной области, усопшие; Одиссей отправляется к ним опросить душу мудрого Тирезия. «Audi deutet ihr name auf Erebos und Unterwelt, da sie auch ερβέρίοί kiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος, mit ερεβος zusammenhangt, wahrend der name Κι μ έρίοί auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf έρευός führt». - Griech. Myth., Преллера, I, 634. Сравни с преданиями о блаженном народе гипербореях. - Ibid., 189.].

Хотя скандинавский миф, описывая последний день Вселенной, и умалчивает об огненной реке, но зато говорит о всесветном пожаре. В противоположность северному миру зимнего холода и туманов, на юге лежит мир огня, называемый в Эдде Muspellsheimr [17 - Mutspelli (muspille), по объяснению Я. Гримма, - слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится с сканд. spioll - corruptio, spilla - corruinpere, англосакс, spillan-perdere, англ. spill, др. - верхненем. spildan, др. - сакс, spildian; mud, mu (mü) заключает в себе понятия земли или дерева. Следовательно, mutspelli есть поэтическое название огня как потребителя деревьев, пожирателя дров.]. Охранять Muspellsheimr приставлен Surtr (род. Surtar = schwarzbraune) - имя, родственное с словом svartr - niger; вулканические расщелины скал в Исландии называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встречаются как имена великанов. Нигде в обеих Эддах Суртур не выступает в качестве бога; подобно другим великанам, он - враг и соперник асов, демонический представитель грозовых туч: Voluspa огонь называет Surta sen - Surti amicus.

Когда грехи превзойдут меру, на земле станут царствовать жестокость, властолюбие и неправда и Вселенною овладеет суровая зима; тогда должна последовать кончина света. Вооруженный блестящим мечом и окруженный пламенем, Суртур подымется вместе с грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступит войною на богов и предаст Вселенную страшному огню; при его появлении задрожат скалы, люди пойдут путем смерти и небо распадется с треском. Асы будут побеждены, старый мир рушится, и вместо него возникнет новый, благословенный. Ясно, что огненная река, текущая с востока, и пламя всесветного пожара, приносимое с юга, - представления, совершенно тождественные.

Под влиянием христианских сказаний староверхненемецкая поэзия выводит, вместо Суртура, Антихриста и заставляет его сражаться с Ильею-пророком, пролитая кровь которого воспламеняет все горы. Славяне также соединяли идею ада не только с западом, но ис севером; они доныне хранят воспоминания о беспощадной стране смерти, веющей стужею и метелями. Ад, по их мнению, состоит отчасти из пропастей и бездн, наполненных кипучею смолою, отчасти - из снежных и железных гор (то есть из туч, окованных зимним холодом). Из железных гор прилетают зимою морозы, и сюда скрываются они на лето; вообще вьюги и морозы, по народному поверью, происходят от выхождения нечистой силы из адских вертепов. Отсюда же прилетают в известную пору своего губительного влияния, определяемого физическими условиями, весенние лихорадки, коровий мор и другие болезни - обыкновенные спутницы и помощницы смерти, которым простолюдины дают характерный эпитет «замороженные».

Вспомним, что дивии народы (великаны) заключены в горах на самой полунощи. Немцы

полагают жилище черта на севере; этой страны боятся и русские поселяне, и эсты. В древнеславянских переводах и оригинальных произведениях словом «тартар» обозначается подземная пропасть, никогда не освещаемая и не согреваемая солнцем, место вечного, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешников: «а се есть глаголемый тартар- зима несъгреема и мразь лютъ». Лингвисты слово ταραος роднят с ταρταριοω - дрожу от холода.

Таким образом, с адом соединялись самые противоположные представления: яркого пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимого жара и мертвящих морозов. Эти различные данные послужили основою для изображения тех страшных мук, на которые осуждаются грешники. Злые демоны гоняются за душами усопших грешников, схватывают их острыми когтями, связывают как своих пленников и, погружая в адские бездны, предают жестоким казням; поэтому германские племена дают черту названия: henker, diebhenker-палач, вор, мучитель, der morder von anfang, der grausame seelenhenker. Подобно водяным духам, встречающим всякого утопленника с плясками и весельем, черти, по русскому поверью, заводят неистовую гульбу возле трупов удавленника и самоубийцы. «Будет мука розная, - говорит стих о Страшном суде, - иным грешникам будут огни негасимые, иным - зима студеная, иным - смола кипучая, иным - черви ядовитые, а иным - тьма несветимая и пропасть глубокая».

Апокрифическая статья «Хождение Богородицы по мукам», рукописи которой восходят к самому началу письменности [18 - Список Троицкой лавры относят к XII веку. - Пам. отреч. лит-ры, II, 23; Пам. стар. рус. лит-ры, III, 118-124. Хождение по мукам апокрифическая литература приписывает и апостолам, и святым. - Пам. отреч. лит-ры, II, с. 40 и дал.], рисует полную картину адских истязаний: одни грешники и грешницы мучатся в огненном озере (или огненной реке), погруженные по пояс, по грудь, по шею и с головою; другие возлежат на пламенных одрах; многие повешены за ноги, руки, языки, уши, сердце и поедаемы червями и змеями; некоторых дьяволы прободают железными прутьями и рожнами, а иных сосет лютый змей - чудовище с огненным языком и железными когтями. Сравни с рассказом, записанным в Паисьевском сборнике (XIV в.): «. и видехом езеро полно змий, якож бяше не видеть воды под ними, и слышахом плачь и стенанье люто, и бяше езеро то полно человек, и приде глас с небеси, глаголя: си суть людье осужении!».

В одном рукописном отреченном сказании, сообщенном мне проф. Григоровичем, сказано: «Адам поживе на земли лет 930 и умре и прииде смерть Сатанина и взем душу его и внесе во ад мучитись 3000 лет внутре ада во огни горящем, руки и ноги связаны, на шест цепляны». Все эти казни издревле рисовались на иконных изображениях Страшного суда и до последнего времени продолжали служить богатым материалом для лубочных картин. Неразвитый ум и огрубелое чувство простолюдина не в силах представить себе, чтобы муки душевные могли быть нестерпимее телесных, и он убежден, что за тяжкие грехи посадят его в котел с кипящею смолою, повесят за язык, ребро или за ногу, станут бить раскаленными прутьями и мучить на страшном ложе, составленном из острых игл, бритв и ножей, снизу которого пылает жгучий огонь, а сверху капает растопленная сера; он верит, что клеветник и лгун будут по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будут выгребать из печи жар голыми руками, что на опойцах черти станут возить дрова для подтопки адских горнов и воду для приготовления кипятка, что любодейницу будут сосать лютые змеи.

На лубочной картине, изображающей смерть грешника, Сатана говорит осужденному: «любил ты на белом свете мыться и нежиться на мягком ложе; поведите теперь его в мою баню огненную и положите на ложе огненное». Черти ведут его в баню, парят горящими вениками и кладут на раскаленное ложе; в заключение разных истязаний они ввергают грешника в огненный колодезь. Представления эти запечатлены тем материальным характером, который ярко свидетельствует за их глубокую давность; связь их с древнейшими мифами язычества не подлежит сомнению. Сосущие змеи, неусыпающий червь, раскаленные железные прутья и огненные веники суть известные нам метафоры молний; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, - метафоры громоносных туч.

При распределении загробных мук народная фантазия руководилась мыслию о

соответствии наказания с грехом: сейчас указано, что язык, произносивший клевету, должен лизать горячее железо, а руки, загребавшие золото, - загребать жар, который сам метафорически назывался золотом; бабы, которые, торгуя молоком, подмешивают в него воду, осуждаются поливать друг друга водою и т. д. В этом отношении любопытны следующие предания, занесенные в народный рассказ о странствовании души на том свете: «Идемо степом, коли яма така глибоченна, що й дна не видно. Дид (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизти. Гляну, аж се вже другий свит. Скризь сидять померший души, усе по статтям. Идемо, аж миж двомя дубами горить у поломъи чоловик и кричить: ой, проби! укрийте мене, бо замерзну! ой укрийте мене, бо замерзну! Дид и каже: оце той чоловик, що просився до его зимою в хату подорожний, а на двори була метелиця та хуртовина, а вин не пустив, дак той и змерз пид тином Оце ж теперь вин горить у поломии, а ему ще здаетця, що холодно, и терпить вин таку муку, як той подорожний терпив од морозу». По другому варианту такая мука назначается поджигателям: «Идемо дальше, коли лежить чоловик коло криници; тече ему ривчак через рот, а вин кричить: проби! дайте напитьця! Дид и каже: сей не дав чоловикови в жнива води напитьця; жав вин на ниви, аж иде старчик дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоловиче добрий! Дай, ради Христа, води напитьця. А вин ему: оце ж для тебе вивиз! виллю на ниву, а не дам такому дармоеду, як ти! То от теперь ему ривчак через горло бижить, а вин ще пить просить, и довику вичного буде ему так жарко та тяжко, як тому старцеви, що й шов дорогою».

Или: стоит грешник по самые уста в воде, а не может утолить нестерпимой жажды; только вздумает напиться, как вода бежит от него прочь. Подобное мучение, по свидетельству Гомера, было определено Танталу. Весьма вероятно, что мифы эти вначале относились к стихийным духам и великанам, обитателям мрачного Аида, и потом уже были перенесены на души нечестивых людей. Грешник, испытующий холод среди пламени, напоминает нам сказочного богатыря Мороза-Трескуна, заключенного в огненную баню; грешник, томимый вечною жаждою, - великана Опивалу; бабы, осужденные поливать друг друга водою, приводят на мысль предания о ведьмах - похитительницах небесного молока, купающихся в дождевых ливнях, - и греческую басню о Данаидах [19 - Греческие мифы о Титии и Сизифе (Одис, XI) стоят в связи с преданиями о Прометее и великанах, бросающих облачные скалы и горы.].

Народные легенды описывают загробные муки, какие удалось набожному и сострадательному страннику («Христову брату») видеть на пути к дому Небесного Владыки; в других редакциях вместо этого странника выводится добрый молодец, который отправляется к красному Солнышку и по дороге к его царству видит муки грешников. Очевидно, легенда о Христовом брате есть подновленная в христианском духе древнейшая сказка, с заменою языческого божества Солнца именем Спасителя, называемого в церковных песнях «Праведным Солнцем».

В числе осужденных сказочный герой видит мужика: стоит он на дороге весь загрязненный, дует на него буйный ветер и несет ему в рот и в нос густую пыль. Такая кара определена ему мстительными стихийными богами за то, что, живя на белом свете, он затыкал свою избу крепко-накрепко, чтобы ни ветер туда не дул, ни солнышко не пекло. Живописуя ад и чистилище, поэзия и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазией, и Дантова «Божественная комедия» есть лучшее тому свидетельство, ибо в ней поэт совместил все, что только дали ему литературы классическая и средневековая.

Живому неестественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себе есть и высочайшее благо, и высочайшее наслаждение, об исходе которого нельзя думать без особенного тревожного чувства. У всех народов ходит много примет и совершается много обрядов, указывающих на тот страх и то опасение, с которыми смотрят на все, что напоминает о последнем конце. Так, встреча с похоронами считается предвестием несчастия и неудачи; у греков прикосновение к усопшим, долгое пребывание в доме покойника, посещение больных и умирающих требовало очищения; у римлян жрецам воспрещалось прикасаться к мертвому телу.

На Руси кто прикасался к трупу покойника, тот не должен сеять, потому что семена, брошенные его рукою, омертвеют и не принесут плода; если умрет кто-нибудь во время

посева, то в некоторых деревнях до тех пор не решаются сеять, пока не совершатся похороны. В Литве, как только приметят, что больной умирает, тотчас же выносят из избы все семена, полагая, что если они останутся под одною кровлею с мертвецом, то не дадут всходов [20 - Вест. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов, нар., 112. Лужичане приоста]. С другой стороны, так как зерно, семя есть символ жизни, то по выносе мертвого лавку, где он лежал, и всю избу посыпают рожью. Тогда же запирают и завязывают ворота, чтобы отстранить губительные удары смерти и закрыть ей вход в знакомое жилье. Горшок, из которого омывали покойника, солома, которая была под ним постлана, и гребень, которым расчесывали ему голову, везут из дому и оставляют на рубеже с другим селением или кидают в реку, веря, что таким образом смерть удаляется за пределы родового (сельского) владения или спускается вниз по воде.

Все присутствующие при погребении обязаны, по возврате домой, посмотреть в квашню или приложить свои руки к очагу, чтобы через это очиститься от зловредного влияния смерти.

Вместе с болезнями, особенно повальными, быстро приближающими человека к его кончине, смерть признавалась у язычников нечистою, злою силою. Оттого и в языке, и в поверьях она сближается с понятиями мрака (ночи) и холода (зимы). В солнечном свете и разливаемой им теплоте предки наши видели источник всякой земной жизни; удаление этого света и теплоты и приближение нечистой силы мрака и холода убивают и жизнь, и красоту природы.

Подобно тому смерть, смежающая очи человека, лишает его дневного света, отнимает от него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согревала охладелый его труп, и обезображивает лицо покойника предшествовавшими болезненными страданиями и предсмертною агонией. Смерть и черт в народных сказаниях нередко играют тождественные роли. Слова: смерть (лит. smertis, нем schmerz - боль, страдание), мор, Морана родственны по корню с речениями: морок (мрак) - туман, замерек (замерень) -первозимье, замороки - начальные морозы [21 - Предлог «за» означает начало действия; следовательно, приведенные слова буквально означают начало мрака или смерти (зимы).], мара - у нас: злой дух, призрак, у лужичан: богиня смерти и болезней [22 - Volkslieder der Wenden, II, 268. У литовцев и леттов Welnas, Weis - бог смерти превратился в дьявола. -D. Myth., 814.], мерек - черт.

Основу родства означенных речений должно искать в доисторической связи выражаемых ими понятий. Краледворская рукопись сравнивает смерть с ночью, приносящею тьму (захождение солнца = его смерть, а восход = воскресение), и с зимою, представляющею собой смерть природы, как весна есть ее возрождение. Убитый Власлав повалился на земли: wstati ne mozese; Morena iei sypase w noc crnu [23 - Перевод: «встать не может; Морена усыпила его в черную ночь».]

В другом месте Краледворской рукописи встречаем выражение: «po puti wsei z vesny po Moranu» - на пути от весны до Мораны; здесь под весною разумеется юность, а под словом Морана- старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богинею смерти и зимы [24 - Другое имя, даваемое этой богине, - Smrtonoska.]; Вацерад сопоставляет это имя с греческою Гекатою, богинею луны (= ночи) и подземного царства. Поговорки: pujdes na moran; Morena naneisala; proti Mofnenenikofne означают: скоро умрешь; его коснулась смерть; против смерти нет корешка (лекарства). Встречая весну торжественным праздником, славяне совершали в то же время обряд изгнания Смерти или зимы и повергали в воду чучело Мораны.

Сербы дают зиме эпитет «черная»; в одном из похоронных причитаний говорится о покойнике, что он уходит туда, где померкло солнце и царствует черная зима; там будет он вечно зимовать, и лютая змея выпьет его очи. У нас глагол околеть употребляется в двояком смысле: озябнуть и умереть; а глагол истывать (стынуть) - в смысле издыхать.

Гели идея смерти сближалась в доисторическую эпоху с понятием о ночном мраке, то так же естественно было сблизить ееи с понятием о сне. Сон неразделен со временем ночи, а заснувший напоминает умершего. Подобно мертвецу, он смежает свои очи и делается недоступным впечатлению света; остальные чувства его также чужды внешним впечатлениям. Смерть и сон представляются потому в мифологиях различных

народов явлениями между собою близкими, родственными. Гомер называет смерть и сон близнецами, а Гезиод - чадами ночи; и греки, и римляне признавали Ὕπνος (Somnus) братом смерти. Оба брата, по их мнению, живут вместе на западных границах мира- в глубоком подземном мраке, возле царства мертвых [25 - Griech. Myth., I, 657-9: Смерть считали также порождением Земли и Тартара и давали ей эпитет αἰεύπνος - всегда сонная.]; там возлежит Somnus на маковых снотворных цветах в сладком покое, а вокруг его ложа толпятся легкие сновидения в неясных образах [26 - Обзор мнений древних о смерти, судьбе и жертвоприношении, 8, 27; D. Myth., 307, 803; Илиада, XXV, 230-5. Энеида называет ад жилищем теней и сна.]. На такую древнейшую связь понятий смерти и сна указывают и наши предания.

Народная пословица утверждает их братство: «Сон смерти брат». В славянских и немецких сказках богатыри, убитые врагами, воскресая при окроплении их трупов живою водою, обыкновенно произносят эти слова: «Ах, как же я долго спал!» «Спать бы тебе вечным сном, если б не живая вода и не моя помощь», - отвечает добрый товарищ. В современном языке вечный сон остается метафорическим названием смерти; наоборот, сон летаргический слывет в простонародье обмираньем, во время которого, по рассказам поселян, душа оставляет тело, странствует на том свете, видит рай иади узнает будущую судьбу людей [27 - Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодик на 1844, 1888. Поэтому думают, что обмиравшие могут предсказывать, и жрецы пользуются иногда этим суеверием ради собственных выгод. - Ворон. Г. В. 1850, 20.]. Животные, впадающие в зимнюю спячку, по общепринятому выражению, замирают на зиму. Заходящее вечером солнце представлялось не только умирающим, но и засыпающим, а восходящее утром - восстающим от сна; зимняя смерть природы иначе называется ее зимним сном; о замерзших реках и озерах в Тверской губернии выражаются, что они заснули.

Язык засвидетельствовал близость и сродство означенных понятий до осязательной наглядности. Умерших называют:

a) усопшими (успшими, успение) - от глагола спать, усыпить, то есть буквально называют уснувшими, или

b) покойниками - успокоившимися от житейской суеты вечным сном; подобно тому о рыбе говорят, что она заснула, вместо умерла, задохлась. В вышеприведенном месте Краледворской рукописи Морена усыпила Власлава; малорусы, при известии о чьей-нибудь кончине, говорят: «Нехай з'Богом спочивае!» В англосаксонской поэме о Беовульфе сказано: «wyrm liged swaefed säre wund» - змей лежит, спит (вместо издох), тяжело раненный [28 - Номис, 8; Опыт сравнит, обозр. др. памяти, нар. поэзии, II, 20. Итал. cimeterio, фр. ciemeterium, греч. χοίμετηριον (от χοιμαω - дремлю, сплю) - кладбище = усыпальница - Тишкевича: Курганы в Литве и Зап. Руси, 141.].

В Смоленской губернии мертвецы называются «жмурики» (от глагола жмурить - закрывать глаза), то есть сомкнувшие свои очи; в Архангельской губернии существует поверье: кто засыпает тотчас, как ляжет в постель, тот долго не проживет; у литовцев была примета: когда молодые ложились в первый раз вместе, то кто из них засыпал прежде - тому и умереть суждено раньше. Сербы не советуют спать, когда заходит солнце, чтобы вместе с умирающим светилом дня не заснуть и самому вечным сном.

Слово «отемнеть» потребляется в народном говоре в значении ослепнуть и умереть; согласно с этим свидетельством языка, упырей (мертвецов, являющихся по смерти) большею частью представляют слепыми. Как сон сближается с смертью, так, наоборот, бодрствование уподобляется жизни; поэтому жилой означает неспящего, например: «мы приехали на жилых», то есть мы приехали, когда еще никто не спал; глагол жить употребляется в некоторых местах в смысле бодрствовать, не спать. В причитаниях, обращаемых к покойникам, слышатся такие выражения: «И вы, наши родненькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас!» или «Пришли-то мы на твое жицье вековешное, ужь побудзиць-то пришли от сна крепкова».

Эти данные, свидетельствующие о братстве сна и смерти, и то верование, по которому душа во время сна может оставлять тело и блуждать в ином мире и видеть там все тайное, послужили основанием, почему сновидениям придано вещее значение. Для живой и впечатлительной фантазии наших предков виденное во сне не могло не иметь прямого отношения к действительности, среди которой так много было для них

непонятного, таинственного, исполненного высшей, священной силы. Они признали в сновидениях то же участие божества, какое признавали в гаданиях и оракулах; сновидения являлись как быстролетные посланники богов, вещатели их решений. Славяне до сих пор сохранили веру в пророческий смысл снов; таких, которые бы, по примеру сказочного богатыря Василия Буслаева, не верили ни в сон, ни в чох, а полагались бы только на свой червленый вяз, в старое время бывало немного, и христианские проповедники вынуждены были поучать народ не доверять сонным мечтаниям. У черногорцев если жена видела во сне, что муж ее подвергнулся какой-либо опасности, то этот последний непременно отложит задуманное им предприятие. В наших народных песнях есть несколько прекрасных поэтических рассказов, содержанием которых служит «вера в сон». Приведем примеры.

Как по той ли реке Волге-матушке,
Там плывет, гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,
Пушкам, ружьецам изстановлена;
На корме сидит асаул с багром,
На носу стоит атаман с ружьем,
По краям лодки добры молодцы.
Добры молодцы - все разбойнички;
Посередь лодки да и бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красна девица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалася,
Во слезах она слово молвила:
Нехорош вишь сон ей привиделся —
Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Растаял мой золот перстень.
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрелену,
Асаулу быть поиману,
Добрым молодцам быть повешенным,
А и мне-то, красной девице,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке [29 - Варианты этой песни см. у Сахарова, I, 204, 224.].

Потеря обручального кольца, по народной примете, - худой знак, вещающий расторжение брака и любовной связи; распущенная коса - символ печали по усопшему другу или родичу.

Другая песня:

Ох ты, мать моя, матушка,
Что севоднешну ноченьку
Нехорош сон мне виделся:
Как у нас на широком дворе
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печище котище лежит,
По полу ходит гусыня,
А по лавочкам голуби,
По окошечкам ласточки,
Впереди млад ясен сокол.

Пустая хоромина - чужая сторона, углы опали и бревна раскатились- род-племя отступилось, кот- свекор, гусыня - свекровь, голуби - деверья, ласточки - золовки, ясен

сокол - жених [30 - О. 3. 1851, VII, ст. Буслаева, 41; см. Срп. н. гуесме, II, № 47; Белорус, песни Е. П., 52; Вест. Евр. 1818. II, 50-52. Приснился молодцу сон, говорит песня: упали на его дом пчелы, а на подворье - звезда и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвещают печаль (их мед необходим при поминальных обрядах), звезда - рождение дитяти, а отлет кукушки - смерть матери. Есть поговорка: «Страшен сон, да милостив Бог».]. В «Слове о полку Игореве» встречается следующий рассказ о вещем сне князя Святослава: «А Святславь мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахте мя, рече, чрною паполомою, на кроваты тисов; чрпахуть ми синее вино с трудом смешено; сыпахуть мя тщими тулы поганых тльковин великый женчюг на лоно, и негуют мя; уже дьскы без кнеса в моем тереме златовресем Всю нощь с вечера босуви врани възграяху».

Сон Святослава состоит из ряда печальных примет: черный покров и карканье ворона предзнаменуют грядущее несчастие; терем без кнеса означает лишение членов семейства, жемчуг - слезы; вино, смешанное с горем, напоминает выражение «упиться горем». Тот же предвещательный смысл придается сновидениям и в скандинавских сагах, и в Нибелунгах, и в Одиссее (песнь XIX). Треки и римляне присваивали снам религиозный характер и верили, что спящий человек может находиться в сношениях с невидимым миром; по случаю благоприятных сновидений у них совершались празднества, а по случаю страшных - очищения.

И сон, и смерть были признаваемы славянами, как и другими индоевропейскими народами, за живые мифические существа. Следы такого олицетворения сна замечаем в колыбельных песнях:

Ой, ходить Сон по улоньце,
В белесонькой кошулоньце,
Слоняетця, тыняетця,
Еоспо дыньки пытаетця [31 - Сборн. укр. песен, 101.].

Или:

Сон идет по сеням,
Дрема по терему;
Сон говорит:
- Усыплю да усыплю!
Дрема говорит:
- У дремлю да удремлю! [32 - Лет. рус. лит-ры, кн. II, 108; ср.: Срп. н. гуесме, I, 192.]

Вышеприведенные выражения апокрифа: «Пришла Смерть, взяла его душу» - употребительны в русском языке; по народной поговорке: «Смерть ходит по эдям». Кто ленив на подъем, медлителен в исполнении поручений, о том говорят на Руси: «его только что за Смертию посылать», в Еермании: «nach dem Tod senden, en Tod suchen»; о весьма престарелых людях немцы отзываются: «der Tod hat crgessen sie abzuholen» - Смерть позабыла их взять (утащить).

К опасно больному приходит Смерть, становится около его постели и заглядывает ему в очи; если кто вдруг, неожиданно вздрогнет - это знак, что ему «Смерць в очи поглядзела». Согласно с злобным, демоническим характером Смерти, на которую (по пословице - на солнце) во все глаза не взглянешь и от которой нельзя ни откупиться, ни отпиться, она олицетворялась в образе устрашающем. По мнению античных народов, Mors (Κηρ -смерть в битвах) неумолима и свирепа; зубы ее опаснее клыков дикого зверя, на руках -страшные, кривые когти.

Смерть, говорит Гезиод, черна (лат. mors atra), скрежещет зубами, быстро мчится на войну, хватает падших ратников и, вонзая в тело свои когти, высасывает из них кровь; Эврипид представляет ее крылатою и облеченною в траурную мантию. Русские памятники (старинные рукописи, стенная живопись и лубочные картины) изображают Смерть или страшилищем, соединяющим в себе подобия человеческое и звериное, или сухим, костлявым человеческим скелетом с оскаленными зубами и провалившимся носом, почему народ называет ее курносою. Это последнее представление встречаем у всех индоевропейских народов: кончина человека предает его тлению, и тот образ, в который она изменяет труп, послужил и для воплощения самой Смерти. Так как слово «смерть» женского рода, то, следуя этому указанию, славяне олицетворяют ее женою,

подобною Гелле; у немцев же her Tot, der heilig Tod выступает как злой бог, наравне со всеми богами и духами, она появляется внезапно, нежданно-негаданно для человека (слетает с небес), изнимает из него душу и увлекает ее в загробный мир. С понятием смерти фантазия соединяет различные поэтические уподобления: Смерть то жадно пожирает людской род своими многоядными зубами, то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями; то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть; то, наконец, как беспощадный воин, поражает людей стрелами или другим убийственным оружием. Тот же тип хитрого ловчего и губителя христианских душ присваивается и владыке подземного царства, искусителю Сатане. Вооруженная в ратные доспехи, Смерть вступает в битву с человеком, борется с ним, сваливает его с ног и подчиняет своей власти; судороги умирающего суть последние знаки его отчаянного сопротивления.

Усопшие следуют за нею, как пленники за своим победителем - опутанные крепкими веревками и цепями.

Сказание о Беовульфе смотрит на умершего как на убитого огненною стрелою, пущенною с лука рукою Смерти; немецкие поэты дают ей бич, стрелы и бердыш; литовский Smertis (слово, употребительное и в мужеском, и в женском роде) выезжает на колеснице могучим воином, с копьем и мечом в руках. С такою же обстановкою является Смерть в русской «Повести о бодрости человеческой», или «О прении Живота с Смертию». Повесть эта принадлежит к разряду общераспространенных в Средние века поучительных сочинений, толкующих о тленности мира, и попадается во многих рукописных сборниках XVII века; она известна и в немецкой литературе. Составляя у нас любимое чтение грамотного простонародья, она, по мнению исследователей, перешла из рукописей в устные сказания и на лубочную картину и дала содержание некоторым духовным стихам и виршам.

Но можно допустить и обратное воздействие, т. е. переход устного древнемифического сказания о борьбе Жизни (Живота) и Смерти в старинные рукописные памятники, причем оно необходимо подверглось литературной обработке; соответственно, с воззрениями и приемами грамотников допетровского времени, сказанию придан нравственнонаставительный тон и само оно разукрашено обильными примерами, заимствованными из доступных автору хроник. Смерть лишается своего строго трагического стиля и впадает в хвастливую болтовню о тех богатырях и героях, которых некогда сразила она своею косою. Тем не менее основная мысль повести - борьба Смерти с Жизнию, олицетворение этих понятий и внешние признаки, с которыми выступает эта страшная гостья, бесспорно, принадлежат к созданиям глубочайшей древности. Справедливость требует заметить, что, пользуясь устными преданиями, книжная литература, в свою очередь, не остается без влияния на народное творчество и взятое у него возвращает назад с новыми чертами и подробностями; но эти позднейшие прибавки легко могут быть сняты и не должны мешать правильному взгляду на сущность дела.

Чтобы ярче изобразить непобедимое могущество Смерти, повесть противопоставляет ей не простого слабого человека, но богатыря, славного своею силою и опустошительными наездами, гордого, жестокого и самонадеянного; народная фантазия личность этого богатыря связала с именем известного в преданиях разбойника Аники-воина. Жил-был Аника-воин, жил он двадцать лет с годом, пил-ел, силой похвалялся, разорял торги и базары, побивал купцов и бояр и всяких людей. И задумал Аника-воин ехать в Ерусалим-град церкви Божии разорять, взял меч и копье и выехал в чистое поле - на большую дорогу. А навстречу ему Смерть с острою косою [33 - Вариант: ездил Аника-воин по чистым полям, по темным лесам, ни на кого не наезжал - не с кем силы попробовать. «С кем бы мне побиться? - думает Аника-воин. - Хоть бы Смерть пришла!» Глядь, идет к нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голые - и несет в руках серп, косу, грабли и заступ.]. «Что это за чудище? - говорит Аника-воин. - Царь ли ты царевич, король ли королевич?» - «Я не царь-царевич, не король-королевич, я твоя Смерть- за тобой пришла!»- «Не больно страшна: я мизинным пальцем поведу - тебя раздавлю!» - «Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на белом свете храбрых могучих богатырей - я всех одолела. Сколько побил ты народу на своем веку -

ито не твоя была сила, то я тебе помогала». Рассердился Аника-воин, напускает на Смерть своего борзого коня, хочет поднять ее на копье булатное, но рука не двигается. Напал на него великий страх, и говорит Аника-воин: «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку на один год». Отвечает Смерть: «Нет тебе сроку и на полгода». - «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку хоть на три месяца». - «Нет тебе сроку и на три недели». - «Смерть моя, Смерточка! Дай мне сроку хоть на три дня». - «Нет тебе сроку и на три часа». И говорит Аника-воин: «Много есть у меня и сребра, и золота, и каменья драгоценного; дай сроку хоть на единый час - я бы роздал нищим все свое имение». Отвечает Смерть: «Как жил ты на вольном свете, для чего тогда не раздавал своего имения нищим? Нет тебе сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина, свалился он с коня и упал мертвый. Стих об Анике-воине начинается таким изображением Смерти:

Едет Аника через поле,
Навстречу Анике едет чудо:
Голова у него человеческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звериное,
А ноги у чуда лошадиные [34 - Сравни со списком о прении Живота с Смертию: «Живот б человек, и прииде к нему Смерть. Он же устрашися вельми и рече ей: кто ты, о лютый зверь? образ твой страшит мя вельми, и подобие твое человеческое, а хождение твое звериное».].

Косматые волосы и лошадиные ноги- обыкновенные признаки нечистых духов. В тексте лубочной картины Аника называет Смерть бабою: «Что ты за баба, что за пияница (намек на высасывание ею крови). аз тебя не боюсь и кривой твоей косы и оружия твоего не страшусь». Кроме косы

Смерть является вооруженною серпом, граблями, пилою и заступом:

Вынимает пилы невидимые,
Потирает ею (ими) по костям и жилам —
Аника на коне шатается,
И смертные уста запекаются.

Или: «Подсече ему (Смерть) ноги косою, и взем серп - и захвати его за шию, и взем малый оскордец - и нача отсекати нозе и руце и вся составы его, и расслабеша жилы его». На лубочных картинах Смерть рисуется в виде скелета с косою в руках; Коровью Смерть (чуму) крестьяне наши представляют безобразною, тощею старухою в белом саване и дают ей косу или грабли [35 - Сахаров, II, 10; Кулиш, 1, 305; Быт подолян, I, 16. Дифенбах сближает слова: гроб, гребу и грабли.]. Такая обстановка прямо вытекла из метафорических выражений древнейшего языка, который сравнивал губительную силу смерти с понятиями, самыми близкими и доступными земледельцу и плотнику: Смерть косит и загребает человеческие жизни, как коса и грабли полевую траву; жнет род человеческий, как серп колосья («яко незрелую пшеницу»); она как бы вынимает незримую пилу и, потирая ею по костям и становым жилам, расслабляет человека - и он падает, словно подпиленное дерево; наконец, Смерть, работая заступом, роет людям свежие могилы.

Выше мы привели поэтические сравнения поля битвы со вспаханною и засеянною нивою и молотильным током. По указанию «Слова о полку» и народных песен, в битве земля засевается не пшеницею, а костями ратников, поливается не дождем, а кровию и растит не хлебные злаки, а печаль и общее горе. Современный язык удерживает выражение: сеять раздоры, вражду и крамолы; в «Слове о полку» сказано: «.тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами». Одину, как богу кровопролитных войн, приписывались посевы раздоров и неприязни; бросая свое копье (Güngnir) или потрясая им, он умерщвлял вражеских воинов. О Смерти, играющей в сражениях главную роль, у немцев было выражение, что она засевает между людьми свое семя, как бы зловредную траву: «dö der Tot sihen sämen under si gesaete»; то же говорилось и о черте. По словам старинных русских летописцев, дьявол сетовал или радовался, смотря по тому, примирялись ли князья или враждовали между собою. «Усобная рать, - замечает Нестор,

- бывает от соблажненья дьяволя. Бог бо не хочет зла человеком, но блага; а дьявол радуется злому убийству и кровопролитью, подвизая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы».

Понятно, что Смерть, поражающая ратников в бою, стала представляться владеющею всеми теми воинскими орудиями, какие только знала старина: в наших памятниках ей даются меч, сечиво, стрелы, ножи, рожны, оскорды [36 - См., между прочим, житие Василия Нового и сказание Феодоры о мытарствах.]. Сказание о прении Аники-воина с Смертию перешло в народное драматическое представление, какое еще теперь разыгрывается в некоторых артелях фабричных, подобно тому как миф о борьбе лета и зимы передается в Германии с всею сценическою обстановкою на празднике весны. Борьба Жизни и Смерти, лета и зимы, дня и ночи совершенно тождественна по значению, ибо понятия эти издревле сливались и в языке, и в народных верованиях. Зима называлась Мораною, а богиня лета - Живою (Живаною) - имя, знаменующее жизнь. Как царица зимы и ночного мрака, Смерть роднится с горными великанами; вышеприведенный стих присвояет ей название чуда, и самое жилище ее помещается в холодных странах севера, в недрах бесплодных и покрытых вечными снегами скал; в Богемии ее считают владычицей гор.

Всесильная, всеистребляющая, она, тем не менее, бывает побеждаема с приходом весны богинею жизни и, поверженная наземь, заключается в оковы. С другой стороны, миф, сроднивший представления грозы и мрачных туч с адом и нечистою силою, признавший в молниях смертоносные стрелы владыки подземного царства, изображает Смерть как разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику в его весенних походах и битвах. В дикой охоте Одина, в неистовом, бешеном воинстве этого славного отца побед (т. е. в шуме бурных гроз), вместе со злыми духами и толпою усопших душ, выступает и костлявая, прожорливая Смерть. Таким образом, с олицетворением Смерти соединяется тот же стихийный характер, что и с демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ее воздушные полеты, ее быстрое появление и исчезание, метание ею огненных стрел (молний) и вообще присвоенное ей обладание ратным оружием.

Подобно ветрам и вьюгам, которых Эол заключает в облачные меха или держит на крепких привязях в горе-туче, подобно грозовому демону (Cushna, Локи, Сатана), сидящему в цепях во мраке преисподней, Смерть испытывает ту же участь. Здесь сходятся два различных воззрения:

a) как представительница зимы, Морана побеждается весенним Перуном, который разит ее своим кузнечным молотом (заковывает ее в цепи) и на все летнее время низвергает в подземную темницу ада;

b) как демон, шествующий в грозе, она заключается в ту же темницу на все время зимних стуж, налагающих на тучи железные (ледяные) оковы. По греческому преданию, Зевс, желая покарать Сизифа (Sumooc, Σίδυφος), послал за ним Смерть, но тот опутал ее крепкими узами, и пока она была связана - никто не умирал в целом свете; наконец явился воинственный Арес, освободил пленницу и предал ей нечестивого врага.

По свидетельству немецкой сказки, Spielhansel привязал Смерть к дереву и в продолжение семи лет она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой. Миф этот развивается и в русской сказке. Явился солдат на тот свет, и поставил его Господь на часах у пресветлого рая. Приходит Смерть. «Куда идешь?» - спрашивает часовой. «Иду к Господу за повелением, кого морить мне прикажет». - «Погоди, я спрошу». Пошел и спрашивает: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» - «Скажи ей, чтобы три года морила самый старый люд». Солдат думает: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит; ведь они старики». Вышел и говорит Смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть и побрела по лесам, три года точила старые дубы, а как изошло время - воротилась к Богу за новым повелением. Господь приказал морить молодой народ, а солдат думает: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!»- и передал приказ Смерти, чтоб она шла по тем же лесам и целых три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лесам, принялась точить молодые дубы, а как исполнилось три года - идет опять к Богу, едва ноги тащит. Обманул ее солдат и в третий раз: Господь приказал морить младенцев, а

солдат передал: «Ступай по лесам и целых три года гложи малые дубки». По исходе последних трех лет идет Смерть к Богу - чуть живая, так от ветру и валится. «Ну, - думает, - теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до Господа: за что Он девять лет меня наказует?» Узнал Господь, как хитрил солдат, и повелел ему в наказание девять лет носить Смерть на плечах. Засела Смерть на солдата верхом; повез ее солдат, вез-вез и уморился, вытащил рог с табаком и стал нюхать. «Служивый, - говорит Смерть, - дай и мне понюхать». - «Полезай в рог да и нюхай, сколько душе угодно». Только что влезла она, солдат тотчас закрыл рог, заткнул его голенище, воротился и стал на старое место на часы.

Этот эпизод варьируется еще так: велел Господь солдату кормить Смерть орехами, чтоб она поправилась. Солдат пошел с нею в лес и заспорил «Ты-де не влезешь в пустой орех!» Смерть сдуру и влезла, а солдат заткнул дыру в орехе и спрятал его в карман. Господь освободил Смерть и приказал ей уморить солдата. Стал солдат готовиться к последнему концу, надел чистую сорочку и притащил гроб. «Готов?»- спрашивает Смерть. - «Совсем готов!» - «Ну, ложись в гроб». Солдат лег спиной кверху. «Не так!»- говорит Смерть. Солдат лег на бок. «Ах, какой ты! Разве не видал, как умирают?» - «То-то и есть, что не видал!» - «Пусти, я тебе покажу». Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место. Тут солдат ухватил поскорее крышку, накрыл гроб, наколотил на его железные обручи и бросил пойманную Смерть в море. И долго-долго носилась она по волнам, пока не разбило гроба бурею. По другому рассказу, хитрый солдат сажает Смерть в торбу (или ранец), завязывает крепко-накрепко и вешает эту торбу на верхушку высокой осины. С этой самой поры перестал народ помирать: рождаться - рождается, а не помирает! Много лет прошло, солдат все торбы не снимает. Случилось раз зайти ему в город; идет, а навстречу ему древняя старушонка: в которую сторону подует ветер - вту и валится. «Вишь какая старуха, - сказал солдат, - чай, давно уж умирать пора!» «Да, батюшка! -отвечает старуха. - Мне давно помереть пора; еще в тое время, как посадил ты Смерть в торбу, оставалось всего житья моего на белом свете только единый час. Я бы и рада на покой, да без Смерти земля не примает, и тебе, служивый, за это от Бога непрощеный грех, ведь не одна душа на свете так же мучится!» «Видно, - думает солдат, - надо выпустить Смерть»; пошел в лес - прямо к осине - и видит: висит торба высоко и качает ее ветром в разные стороны. «А что, Смерть, жива?» Она из торбы едва голос подает: «Жива, батюшка!» Снял солдат торбу, развязал и выпустил Смерть; как только очутилась она на свободе, тотчас - подавай бог ноги! - и бросилась бежать от солдата.

Точно так же обманывают сказочные герои дьявола, заставляя его влезать в червивый орех или в суму; самая Смерть представлена в сказке такою же простоватою, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно великаны, драконы и черти; вместе с тем народный юмор, замеченный нами в обработке старинных преданий о великанах и демонах, овладел и мифом о побежденной Смерти. Рог, сума и гроб, окованный железными обручами, - все это метафоры грозовых туч; в близкой связи с этими представлениями стоит и ореховое дерево, исстари посвященное громовнику. По своей стихийной природе Смерть, подобно эльфам, облачным женам и чертям, участвует в бешеной воздушной пляске и в диких песнях завывающей бури; нередко она показывается, наигрывая на музыкальном инструменте- дудке или скрипке. Отсюда средневековая поэзия и живопись западных народов создали превосходное изображение Смерти: в свою неистовую пляску она увлекает представителей всех сословий, от короля до нищего, и, быстро кружась с ними под звуки ужасающей песни, уносит их души в темные области загробного царства.

Согласно с указанным отождествлением Смерти с грозовыми духами, древнее верование заставило этих последних исполнять ее печальную обязанность. Но так как громовник и его спутники являлись и устроителями небесного царства (весеннего рая), и с демоническим характером властителей ада, то понятие о Смерти раздвоилось, и фантазия изображала ее то существом злым, увлекающим души в подземный мир, то посланницею верховного божества, сопровождающею души усопших героев (позднее - праведных) в его небесный чертог. Так, Один посылал валькирий принимать падших витязей и возносить их в свое блаженное жилище- в валгаллу. Греки верили, что души

умерших препровождались на тот свет Гермесом, скорым посланником богов и обладателем чудесного жезла, прикосновением которого он повергал живых в непробудный сон. Кроме того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, ноив образе прекрасного, кроткого и юного гения - θάυαίος (слово, родственное по корню с немецким Tod), хотя и ему придавались эпитеты черного и чернокрылого: всем страждущим он дает вечное успокоение и всех утомленных житейскими трудами и невзгодами погружает в тихий и сладкий сон. θάυαίος, очевидно, совпадает с понятием о сне, благодетельном даре богов, дружелюбном успокоителе мира, кротко веющем над морями и сушей. Античное искусство изображало Сон дитятею и юношею, с крыльями орла или бабочки. В христианскую эпоху это двоякое воззрение на Смерть, как на существо, с одной стороны, злое, демоническое, а с другой - светлое, Божественное, было перенесено на ангелов: милостивых и грозных, смешанных в народных преданиях с эльфами- и светлыми, и черными. Такое перенесение совершилось под влиянием ветхозаветных сказаний о страшном ангеле смерти, который впоследствии признан был за князя тьмы; он нисходил изымать души грешников; для добродетельных же людей являлся тихий ангел и прекращал их жизнь прощальным поцелуем. Немецкие саги рассказывают о двух ангелах, добром и злом, обходящих землю и предающих людей смерти. Народный русский стих так изображает кончину праведного и грешника:

Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихиих ангелов, всемилостивыих,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста,
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса.
Сослал Господь грозных ангелов,
Страшных, грозных, немилостивыих,
По его душу по богачеву;
Вынули его душеньку нечестно, нехвально,
Нечестно, нехвально, скрозь ребер его,
Да вознесли же душу вельми высоко,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
В тое злую муку - в геенский огонь.

Та же мысль выражена и в народной легенде: праведник умирает окруженный семьею; лежа на одре болезни, он дает своим сыновьям и снохам родительское наставление и навеки нерушимое благословение и прощается со всеми; Смерть является к нему с ангелами, вынимает душу, и ангелы относят ее на золотом блюде в пресветлый рай. Грешник же умирает посреди житейских забот и веселья: Смерть приходит нежданнонегаданно и ударяет его в голову тяжелым молотом. Грозных, немилостивых ангелов часто заменяют дьяволы, которые схватывают душу грешника как свою добычу. Сербская легенда повествует о святом архангеле, который поражал смертных: одного человека он иссек в куски, другого ударил ножом три раза, а на третьего только замахнулся - как он уже умер. По словам архангела, «у оног е првог човека душа грешна на нейе даизайе из тела, зато сам га света исекао; док самь е истерао. У оног другог човека душа е мало безгрешния, зато самь га трипут ударно. А душа овог трейе човека са свим е праведна, зато сам на ню само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи»

Выше было приведено свидетельство духовного стиха, что архангел Михаил перевозит души праведных через огненную реку. По мнению болгар, он, принимая душу усопшего, несет ее в мытарства и передает другим ангелам, а сам возвращается за другими душами; души грешников он схватывает за волосы, а праведных обнимает, как мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавриила. Однажды послал его Господь взять душу бедняка, у которого было много детей. Гавриил сжалился над ними и воротился, не исполнив приказания: «Как уморить его, Господи! ведь у него малые детки; они, несчастные, погибнут от голода!» Бог разгневался, взял у Гавриила меч и отдал его архангелу Михаилу. Но и Михаил, посланный предать смерти доброго семьянина, видя, как вокруг больного все проливали

горькие слезы, почувствовал сострадание, воротился к Богу и сказал: «Мне жалко поразить этого человека!» Тогда Господь завязал ему уши; архангел спустился на землю и взял душу, потому что не мог слышать ни плача, ни сетований. Перед Смертью напрасны человеческие мольбы и рыдания; она глуха к ним, и эту неумолимость ее поэтическая фантазия болгар изображает тем, что Смерть является к людям с завязанными ушами. Русская легенда рассказывает об ангеле, который в наказание за то, что не хотел взять души одной матери, должен был три года жить на земле. Родила баба двойню, и посылает Бог ангела вынуть из нее душу. Ангел прилетел к бабе; жалко ему стало двух малых младенцев, не вынул он обреченной души и полетел назад к Богу. «Что, вынул душу?» - спрашивает его Г осподь. «Нет, Господи! у той бабы есть два младенца; чем же они станут питаться?» Бог взял жезло, ударил в камень и разбил его надвое, указал в трещине двух червей и провещал: «Кто питает этих червей, тот пропитал бы и двух младенцев!» И отнял Бог у ангела крылья и осудил его в течение трех лет вести земную жизнь.

Наряду с легендами и стихами об ангелах смерти возникли средневековые сказания о борьбе ангелов и чертей за обладание душою усопшего; сказания эти известны и у немцев, и у славян. По свидетельству немецких памятников, во главе ангелов выступает архангел Михаил, как проводник душ в райские селения. По нашим преданиям, при одре умирающего присутствуют и спорят за его душу ангел-хранитель и дьявол; если добрые дела человека перевешивают злые, то ангел-хранитель прогоняет дьявола копьем, а если перевешивают злые дела - то ангел удаляется с плачем.

В числе других представлений Смерти особенною поэтическою свежестью дышит то, где она является невестою. Этот прекрасный образ объясняется из старинных метафорических выражений, уподоблявших кровавую битву свадебному пиршеству, а непробудный сон в могиле - опочиву молодых на брачном ложе. Умирая от ран, добрый молодец, по свидетельству русской песни, наказывает передать своим родичам, что женился он на другой жене, что сосватала их сабля острая, положила спать калена стрела. Когда Смерть сражает цветущего юношу, она (выражаясь поэтическим языком) сочетается с ним браком.

В сборнике «Westslawischer Märchenschatz» есть любопытный рассказ, как один богатый юноша напрасно искал невесту, которая пришлась бы ему по сердцу. Раз встретил он прекрасную девицу в белом платье. «Куда идешь ты?» - спросила его красавица. «Ищу невесту по сердцу и об одном только прошу Бога, чтобы хотя единый час мог насладиться любовью, прежде чем умру». «Юноша, - сказала она, - я согласна быть твоею женою». Обрадованный и влюбленный, он повел ее в свой дом. Но когда прошел час времени, прекрасная невеста вдруг превратилась в старое и беззубое привидение: это была-Смерть. «О, неверная соблазнительница! ты меня обманула», - воскликнул жених. «Не я, а ты обманул сам себя! - возразила страшная гостья. - Ты обещал быть моим, и я беру тебя с собою». Она взмахнула острой косою, и юноша пал мертвый.

Болезни рассматривались нашими предками как сопутницы и помощницы Смерти, а повальные и заразительные прямо признавались за самую Смерть, и ни в чем так ярко не выступает стихийное значение этой древней богини, как в народных преданиях и поверьях о различных недугах. Немецкая легенда рассказывает, что одному юноше обещалась Смерть прежде, чем возьмет его душу, прислать своих послов, и он зажил весело и разгульно, не помышляя о последнем конце. Но вот он состарился, и за ним явилась Смерть. На упрек, что она не исполнила своего обещания, Смерть отвечала: «Как, я не посылала к тебе моих послов? Разве не трясла тебя лихорадка, разве ты не чувствовал головокружения, лома в костях, зубной боли, ослабления зрения и глухоты?»

Славянские названия болезней соединяют с ними мысль о карающем божестве: bogine -оспа, boza rana - язва, чума, bozj bic или boza moc (Божья сила) - падучая, бешенство, boza ruka - паралич; сравни: нем. der gotesslac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfl uss, apoplexia) - названия, указывающие на быстрый, внезапный род смерти, в противоположность тем болезням, которые сводят человека в могилу только после продолжительных мучений. В русских областных говорах: божье, или божья немочь, -

падучая; божья - эпидемия («божья ходит»); одержимых припадками беснования и помешанных называют божевольными и божегневными, что свидетельствует за древнейшее воззрение на болезнь как на Божью волю и Божий гнев.

Индусы изгоняли прокаженных из касты и лишали права владеть собственностию, так как эти несчастные поражены «Божьим гневом». В Европе долгое время верили, что каждая язва есть заявление Божественного гнева и требует всенародного покаяния. Изувеченных и калек называют: убогий, ubozatko; малоросс, небожчик, польск. nieboszczyk- покойник, то есть как бы отвергнутый светлыми богами, постигнутый небесною карою.

Далее, мы имеем положительные свидетельства языка, что болезни причислялись некогда к сонму нечистых духов. Областной словарь представляет тому обильные примеры: стрел- черт и стрелы- колотье: «пострел бы тебя побрал!», чемор- дьявол («поди ты к чемору!») и чемер - спазмы в животе или боль в пояснице, а чемерь - головокружение, страдание живота и болезнь у лошади; игрец - истерический припадок, кликушество и дьявол; худоба - сухотка, истощенность, худобище - конвульсии в тяжкой болезни, худая боль - сифилис, сибир. «в худых душах» - при смерти и худой - злой бес; черная немочь (немощь = недуг; мощный и дюжий - сильный, здоровый) - паралич, черна - скотская чума, черная смерть - мор, опустошавший Русскую землю в 1352 году (при Симеоне Гордом), и черный - эпитет нечистого духа, черный шут - дьявол; лядить -долго хворать; лядить - томиться, изнывать, хиреть; лядащий - бессильный, больной, негодный и ляд- черт: «ну те к ляду!» У белорусов лядашник - дух, причиняющий людям порчу: «лядашцик перелецеу яму», то есть он стал полоумным, сумасшедшим; сравни: бес, беснующийся, бешенство и чеш. besny pes (бешеная собака).

Входя в человека или животное, демон порождает в нем болезненные припадки и безумную ярость; подобное же действие, производимое ядовитыми растениями, также приписывалось демонам: euphorbia называется у славян - бесово молоко, у немцев- teufelsmilch, atropa belladona- бешеная вишня и т. д. Ворогуша - лихорадка и враг (ворог) - дьявол; лихой - злой дух и болезнь у лошадей, старинное лихновьць (в Святославовом изборнике) - сатана, лихорадка (лихоманка, лиходейка), лихота- нездоровье, немощь, лиховать - быть нездоровым, чувствовать тошноту; тоснуть- болеть, скучать и тошная -нечистая сила, шатун - черт и шат - обморок, головокружение, болезнь у собак; вологод «тяжкая пришла», то есть посетила болезнь, и тяжкун или тяжкой в значении дьявола; икота (икотка) - болезненный припадок и человек, одержимый бесом, икотница -страдающая икотою; притка - падучая и всякий нежданный, нечаянно приключившийся недуг («чтоб тебя разопритчило!», «мне на таком-то месте попритчилось!), а следующие выражения: «эк ця притка принесла!», «притка его ведат, откуда он!»- указывают на демона; сравни: «кой черт тебя принес!», «черт его ведает!». Лишай - гнойный струп на голове и дьявол.

Тесная связь нечистой силы с болезнями, расслабляющими тело человеческое, подтверждается и следующими названиями: облом (от ломать) - дьявол, домовой; костолом и кожедер - злой человек, леший, черт; в числе болезненных ощущений известен и лом в костях. В апокрифической статье «Свиток Божественных книг» повествуется, что Господь, создавши тело первого человека, «поиде на небеса по душу Адамову; сатана же, не ведая, что ему сотворити, и тну тело Адамово перстом. И приде Г осподь ко Своему созданию, и виде тело Адамово, и рече: о дьяволе! что ты сотворил? Отвещав же дьявол Господи! забудет тебя сей человек; (но) аще у него что заболит, тогда Г оспода воспомянет. И Г осподь обрати (болезнь) Адаму внутрь, и оттого во всяком человеце. болезнь сотвори сатана; аще у кого поболит, тогда и вздохнет о Господе: помилуй мя!» В другом апокрифе - в «Сказании, како сотвори Бог Адама» - читаем: создал Бог первого человека из восьми частей, «и поиде очи имати от солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Прииде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его калом и тином и возгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхоте очи вложити, и виде его мужа из-мазанна, и разгневалсяГосподь на диявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоит ли твоя погибель? что ради человеку сему сотворил еси пакость -измаза его? и проклят ты буди! Идиявол исчезе, аки молния, сквозь землю от лица Господня. Господь же снем с него пакости сатанины и

смесив со Адамовыми слезами, и в том сотвори собаку, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам отиде в горний Иеру салим по дыхание Адамлево. И прииде вторые сатана и восхоте на Адама напустити злую скверну, и виде собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на диавола; окаянный же сатана взем древо и истыка всего человека Адама, и сотвори ему 70 недугов». Бог помилосердовал об Адаме, прогнал Сатану и обратил все недуги внутрь человеческого тела.

В народной легенде о Сотворении мира и потопе сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьявол соблазнил ее, угрожая зимними морозами и обещая ей теплую шубу (то есть шерсть); собака подпустила дьявола к первосозданному человеческому телу, а тот оплевал и охаркал его [37 - Предание это перешло и к мордве (Рус. Вест., 1867, IX, 229), и к черемисам: Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Кереметь произвел такой холод, что пес едва не замерз, потом дал собаке шерсть и, допущенный к человеку, охаркал его тело и тем самым положил начало всех болезней. - Вест. Р. Г. О. 1856, IV, 282: Этногр. сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяет здесь стихийные силы природы, на что указывает и создание ее из слез, слюны и мокрот (древнейшие метафоры дождя).].

В связи с этими апокрифическими сказаниями должна быть поставлена и повесть о скверном бесе, занесенная в раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Некий святый старец увидел в пустыне беса, от головы до ног осквернённого блудным гноем. «И рече ему старец: да почто не омылся еси в реце или в источнике? Он же рече: не велит ми вышний

Бог... повелевает ангелу водному отгоняти нас; он же оружием огненным прогоняет нас. Старец рече ему: да где можешь измытися? Бес рече: пойду в християнские домы, и где обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся; они же после мене приимут болезни тяжки - и кашлеве, и трясовицы, и иныя скорби». Сосудов и кринок с напитками и кушаньями не советуют оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила не осквернила их; если нечем покрыть, то должно по крайней мере перекрестить или положить сверху две лучины накрест.

Народная легенда рассказывает о черте, который засел в кувшин с водою, оставленный на ночь без этих предосторожностей. По ночам, так как в это время злые духи бывают особенно деятельны, не следует пить воды, тем более не благословляясь, иначе наживешь «водяную» [38 - О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающихзапоем простолюдины думают, что они проглотили маленького чертика, когда тот плавал в рюмке вина. -Киевлян., 1865, 57.]. Итак, болезнь есть дело враждебного демона: нападая на человека, он касается его своею рукою, наносит ему гнойные раны, оскверняет его тело нарывами, вередами, сыпями, нередко даже поселяется в нем, грызет и мучит его различными муками. Верование это принадлежит глубочайшей древности и встречается у всех индоевропейских народов. По мнению индусов, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арийского племени приписывала создание болезней Ариману.

Atharva-Веда олицетворяет лихорадочный недуг (такман); его проклинают, гонят, вызывают из страждущего тела, и когда ничто не помогает, то кланяются ему как божеству и молят, чтобы он пощадил больного или поискал себе иного нечестивого человека. Силою чародейных заклятий колдуны могли не только изгонять болезни (amiva), но и напускать их на своих врагов.

Гомер приписывает тяжкие недуги прикосновению злого демона; и в античном мире, и в Средние века умопомешательство и падучую болезнь объясняли нападением нечистого духа. Относительно славян подобное воззрение на болезни засвидетельствовано еще Нестором; рассказывая о Святополке (под 1019 годом), летописец выражается так: «...и бежащю ему, нападе нань бес - и расслабеша кости его, не можаше седети (на коне), и несяхуть и на носилех. Принесоша и к Берестью, бегающе с ним; он же глаголаше: побегаете со мною, женуть по нас! Отроци же его всылаху противу: еда кто женеть по нас? - ине бе никого же в след гонящего, и бежаху с ним; он же, в немощи лежа, всхопився глаголаше: о се женуть, побегаете! Не можаше терпети на едином месте, и

пробежа лядьскую землю, гоним Божьим гневом, прибежа в пустыню межю ляхы и чехы - испроверже зле живот свой».

По свидетельству народных сказок, бес, поселяясь в жен и дев, отымает у них ум, слух, зрение, повергает их в бешеное, исступленное состояние и заставляет испытывать самые мучительные страдания. В официальном показании шуян 1666 года читаем: «.то нам ведомо: Шуи посаду Яков Григорьев скорбел икотою и вне ума был весь и всячески от нечистого духа. а Василей Несмеянов скорбел от нападения нечистого духа, и его исцелила Пресвятая Богородица, как стал молебствовати. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марфу, слышали мы от соседей, что она одержима была нечистым духом и ее исцелила Пресвятая Богородица в церкви на празднике своем - в литургию, в большой выход; и она ныне здрава стала, а скорбела трои сутки».

В 1670 году шуяне подали новую сказку, в которой заявили: «.приезжают в Шую к чудотворному образу Пресвятой Богородицы смоленские, со многих городов и уездов, всяких чинов люди молиться, мужеский и женский и девич пол, и те иногородные люди привозят с собою различными скорбми одержимых от нечистых духов мужеский и женский и девич пол, и те скорбные люди. в Божественную службу мечтаются всякими кознодействы». «Есть на Поморий (говорит рукописное житие Зосимы и Савватия) наволок Унежма; в месте же том (был) человек некий именем Никон. Сему Никону случися болезнь тяжка зело. Два кудесника бысть в волости той, имуще прюнекую межю собой. Никону же тому случися промежу их свидетельствовати; единому из них угоди, а другого оскорби». Последний «зельне огорчися», и «яко же обычай им укоренился злокозненного действа, бесовскою прелестию нача кудес бити - та же насылает беса на Никона».

В повести о бесноватой жене Соломонии (XVII век) рассказывается, что однажды ей послышалось, «аки прииде некто ко храмине; она же возста от ложа своего и отверзи двери, и пахну ей в лице, и во уши, и во очи, аки некоторый вихор велий, и явися аки пламя некое огненно и сине. И бысть во всю нощь без сна; прииде на нее трясение и великий, лютый озноб, и в третий день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ее, и бысть в то время во исступлении ума от живущего в ней демона».

И до сих пор простой народ думает, что все калеки, расслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою; всякое телесное страдание и всякое тревожное чувство приписываются порче «недобрых людей», их завистливой мысли, оговору и сглазу и называются напускною тоскою; нервные болезни - кликушество, икота и падучая, - а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за действие злых духов, насланных на человека на срок или навсегда мстительным колдуном. Сами больные, разделяя то же убеждение, выкрикивают во время припадков имена своих врагов, подозреваемых в наслании болезни, и обвиняют их в этом мнимом преступлении. Еще недавно вследствие таких обвинений, производились судебные розыски. В Пинежском уездном суде хранится любопытное дело, решенное в 1815 году. Крестьянин Михайло Чухарев был обвинен в порче икотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, ту Офимью (сказано в прощении) теперь злой дух мучит. Чухарев показал на допросе, что действительно насылал порчу на свою двоюродную сестру, а научил его тому крестьянин Федор Крапивин.

Чара совершается так: снявши с себя шейный крест, должно нашептывать на соль: «пристаньте к человеку (имярек), скорби-икоты, трясите и мучьте его до скончания века; как будет сохнуть соль сия, так сохни тот человек. Отступите от меня, дьяволи, а приступите к нему». Наговорную следует бросить на дорогу или вообще на то место, которым должен проходить осужденный на икоту. Суд приговорил Чухарева к тридцати пяти ударам кнутом и к публичному церковному покаянию. Г. Максимов, сообщивший это дело в своей прекрасной книге «Год на Севере», слышал от ямщика рассказ о девке-икотнице, у которой сто бесов живот гложут!

При таком взгляде на болезни весьма естественно было представлять их существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, доныне произносимые простолюдинами в пылу гнева или досады, были некогда действительными призывами злых демонов на врагов и обидчиков: «вбий тя трясця!», «хай тебе хиндя потрясе!»,

«щоб тебе родимец побив!» (великорус, «родимец тя возьми!»), «щоб на тебе причина (притка) вдарила!», «бодай тебе грець вимивав!», «щоб тебе лють турнула!», «щоб тебе лунь вхопила!» [39 - «Лунь его вхопив» - он околел.], «щоб его смуток (печаль, тоска) узяв!», «смуток би на тя темшй та чорнш упав!», «черт би тебе спик!», «черт би вбив (или: мучив) твого батька!».

Следуя оборотам, употребительным в немецком языке, болезнь наталкивается, наскакивает, нападает, хватает, осиливает - sie stösst an, fällt an, übeffällt, überlauft, packt, greift an, überwältigt den menschen; у нас говорят о тяжкой болезни, что она с ног свалила.

Нечистая сила смерти и недугов изображается в народных преданиях вечно голодною и прожорливою; она с жадностью бросается на людей и животных и питается их кровью и мясом. По народному выражению, больной изнашивается [40 - Износиться - похудеть.]: полнота и крепость его тела как бы поглощаются злобными демонами; напротив, исцелить, то есть восстановить здравие, буквально означает сделать человека целым. За родство понятий смерти и голода свидетельствуют: гот. svults - mors и сканд. sultr - fames, греч. λιμός - голод и λοιμος - моровая язва. О «черной смерти» летописец выражается: «.егда бо внидяше где в который род или в осподу (вар. в семью) болезнь лютая и смертное то жало, мряху бо сполу наборзе... (сравни: «божья ходит», «тяжкая пришла», «болезнь посетила»). Сана светлостью не умалена бывает Смерть [41 - Т.е. она не взирает на сан.], на всех бо вынизает многоядные свои зубы».

Итак, моровой язве даются острые зубы и жало. То же представление соединяют с болезнями и сербы, как очевидно из их заклятий: «болеет га jena!», «тако ме губа (проказа) не]ела!», «тако ме живина (рак) не гризла!» (или: не драла!), «тако ме не]ела губа до паса, а живина од паса!», «тако ме помама (бешенство) не напала!». Название грыжа (грызь = резь, ломота, ноющая острая боль) происходит от глагола грызу.

Сибиряки считают оспу за нечистого духа, который бродит по свету и питается мертвыми телами, а потому, желая умилостивить его, нарочно убивают скотину. В великорусских губерниях поселяне убеждены, что Оспа ходит с клювом и, ударяя им, пятнает человека щедринками; областные названия оспы - шадра и свороб; щадривый, шадровитый- рябой, Шадрина - рябинка, сворабатый - шероховатый. В Олонецкой губернии заболевшего оспою приносят к другому, хворому тою же болезнью, и он отвешивает ему три поклона и произносит: «Прости меня, Оспица, прости, Афанасьевна, чем я пред тобою согрубил, чем провинился!». Прощать в старинном языке употреблялось в значении выздороветь, исцелиться от болезни. Новые греки представляют Оспу мифической женщиной.

Народное суеверие утверждает, что когда начинается болезнь, то следует не ложиться на постель, а стараться быть на ногах, чтобы она не взяла силы и не одолела человека.

Нечистые духи, в своем древнейшем, языческом значении, были существа стихийные, демоны темных туч, опустошительных гроз, вихрей и вьюг, то посылающие на поля и нивы безвременные ливни и град, то задерживающие в облачных горах животворную влагу дождя и карающие землю засухою; в том и другом случае они истребляют жатвы и лишают человека его насущной пищи. К разряду стихийных демонов причислялись нашими предками и болезни, как порождение тех же естественных причин - простуды, сырости, томительного зноя и вредных испарений, разносимых буйными ветрами, - и как обычные спутники неурожаев, вслед за которыми в древности всегда шествовал мор. Atharva-Веда свидетельствует, что воспалительный недуг (такман) появляется тогда, когда жаркие лучи солнца воздействуют на болотистую почву = когда огонь иссушит воду.

Эпидемические, заразительные болезни слывут на Руси: поветрие (польск. powietrze), ветроносное язво и мор; с последним названием родственны слова: обморок-болезненный припадок, мгла, туман, и обморочить. Летучая, или ветряная, оспа называется в Ярославской губернии «лопуха» - слово, означающее также снег, падающий большими хлопьями. У немцев болезнь лошадей и рогатого скота - der böse wind, в Швейцарии рожа - wolken, fl iegende wolke. По мнению народа, болезни посылаются по ветру или по воде: «с ветру пришло», «с воды приключилося». Колдун

выходит на дорогу и выжидает, не подует ли попутный ветер в ту сторону, где живет обреченный на порчу. Выждавши, он берет с дороги горсть пыли или снегу (смотря по времени года) и бросает на ветер, причитывая: «.ослепи (запороши) у раба такого-то черные очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы!».

Главные напускные болезни- икота и стрелы. Икотою называют на севере России припадки кликушества; икать во Псковской губернии- кричать, кликать. Силою чародейного слова нечистый дух заклинается на чье-нибудь имя; быстро летит он на крыльях ветра, и первый встречный, кто носит означенное имя, делается его жертвою. Иногда наговаривают икоту на камни или насекомых, и тот, кто запнется о такой камень или проглотит летучую мошку, подвергается истязаниям злого демона.

Стрелы (колотье) напускаются так: берется коровий рог, насыпается песком, дресвою, истолченным стеклом, и все это выдувается в отверстие рога, с заклятием на известное лицо. Ветер подхватывает песок, дресву и стекло, несет их на человека и производит в нем такое ощущение боли, как будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и режущими осколками [42 - В крестоцеловальных записях читаем: «.. ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати».]. Эта чара и самое название болезни напоминают нам: с одной стороны, эпическое выражение «Слова о полку» о ветрах, веющих с моря стрелами, а с другой - то старинное олицетворение ветров, которое представляло их дующими в рога и трубы.

По свидетельству народных преданий, нечистые духи, купаясь в источниках, оскверняют воды и порождают различные недуги. Эти источники первоначально означали дождевые тучи, живительная влага которых иссушается знойным дыханием демонов -губителей земного плодородия; впоследствии же в них стали видеть обыкновенные омуты и болота, заражающие воздух своими тлетворными испарениями в жаркие месяцы лета. Немцы, чехи и лужичане думают, что во время солнечного затмения (собственно, перед началом грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздух делается томительно-удушливым) нечистые духи пускают с неба яд и отравляют источники; поселяне закрывают тогда колодцы, не решаются брать из них воду для питья и не выгоняют скота в поле [43 - Тоже представление о порче небесных вод распространялось и на тучи, окованные зимними стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бывает испорчена, отравлена нечистою силою.].

Германские племена приписывают болезни влиянию раздраженных эльфов: своим прикосновением и дыханием (дуновением) эльфы причиняют людям и домашним животным расслабление и смерть; кому нанесут они удар, тот теряет память и умственные способности, паралич называется dvergslagr (zwergschlag), слабоумие есть знак, что человека коснулась мстительная рука эльфа- elbentrotsch (blodsinnig, geistesschwach). По указанию народных саг, лица, попадающие к эльфам, редко возвращаются назад, а если кто и воротится - то наверно на всю жизнь останется полоумным: верование это совпадает с общераспространенным на Востоке, в Иудее и в средневековой Европе мнением, что бесноватые одержимы злыми духами, которые поселяются в них, как беспокойные, раздражительные мары (poltergeister) в жилище избранной семьи. Участие в танцах эльфов делает человека расслабленным.

Болезнь, известная в медицине под именем Виттовой пляски (chorea sancti Viti) и состоящая в судорожных, непроизвольных подергиваниях всех членов тела, названа так вследствие уподобления ее прихотливой пляске грозовых духов, сопутствующих Святовиту в его бурном шествии по воздушным пространствам. В Ирландии и Шотландии убеждены, что дуновение эльфов вызывает на теле желваки, чирья, вереды (греч. άλφος -пятна на коже, сыпь); в Норвегии болезнь воспалительного свойства называется alvgust, alvild = elfenfeuer, ср. - сев. alfabruni; она нападает на человека, как скоро он ступит на то место, где эльфы пролили воду или наплевали.

Белорусы не решаются ступать ни на след, остающийся на земле от ведра с водою, ни туда, где волк зарезал козла, где был заколот петух, где валялись лошади или собака скребла лапою; в противном случае неосторожный подвергается чесотке и тело его покрывается лишаями. Ведра указывают на те сосуды, из которых грозовые духи лили на

землю дожди, а петух, козел, конь и собака - на их животные превращения.

В сагах эльфы плюют в глаза того, кто вздумает подсмотреть их игры, или дуют на него и тем самым ослепляют любопытного. Вообще советуют при всякой встрече с ними поспешно удаляться в сторону. Эльфы имеют при себе луки и стрелы (молнии); этими стрелами они убивают людей и животных или причиняют им тяжкие страдания. Ощущение, производимое болезнями, язык сближает с ударом острого оружия: лом («daz gegihte brach ir hend und füeze»), колотье (seitenstechen), резь, стрельба и проч. Эльфы могут умерщвлять человека даже своим сверкающим взором. Кто воспользуется от яств и напитков, для них назначенных, тот (по шотландской саге) будет наказан смертию. Лихорадочный озноб (трясца) и стеснение в груди во время сна (удушье) приписываются их же злобе. Ирландский phuka прыгает в вечернем сумраке на спину путнику и не оставляет его до тех пор, пока он не упадет обессиленный на землю. У средневековых поэтов эльф - злой дух, который взнуздывает сонного человека, ездит на нем, трясет его и таким образом доводит до совершенного истощения сил «der alp zoumet dich», «der mar ritet dich». Эльфы и мары (сканд. и швед, тага, англ. nightmare, голл. naeht maer) сочетали в себе представление грозовых гениев с душами усопших; но так как душа уподоблялась бабочке и ее личинке (червяку) и так как самые эльфы произошли от червей (молний), то отсюда возникло верование, что alp, посылаемый колдунами, вылетает из их сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящего человека и начинает давить его; это напоминает нам убийственные взоры вия, предающие все гибели, как скоро будут подняты его длинные брови и ресницы, то есть открытый взгляд молнии разит смертию (брови и ресницы - метафоры облаков).

В Швейцарии toggeli означает мотылька и эльфа; в старинных процессах о ведьмах злой дух- der elbe изображается прилетающим в виде бабочки; литов, drugis - бабочка и fi ebervogel, летт. drudsis - летучая моль и лихорадка; литов. druggis - kreczia, летт. drudsis kratta - трясет лихорадка. Жгучая опухоль под ногтем пальца называется der wurm. der umlaufende wurm; опухоль на руках и ногах, сопровождаемая нагноением, - der haarwurm, по-русски - волос или волосень и, по мнению наших крестьян, бывает от червя-волосатика; одышка - herzwurm; собака впадает в бешенство от червя, который сидит у ней под языком; blasende wurm - болезнь лошадей.

Чехи убеждены, что каждый человек имеет в своем теле червя, от которого и зависит его жизнь; сверх того, они рассказывают о зловредных червях, из которых одни точат сердце, другие пьют кровь, а третьи пожирают принятую человеком пищу, - предание, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже в Атарведе встречаем заговоры, направленные на убиение червя, который гнездится в голове, внутренностях или крестце больного. Итак, грызущая боль недугов сравнивается с подтачивающим тело червяком; входя внутрь человека, злой эльф принимает образ этого насекомого и начинает поедать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющих людям болезни, называют biale ludzie. Те же верования разделяли и греки, как видно из свидетельств языка: έπιάλιης, έφιάλτης (aufspringer) - демонический дух, который давит по ночам и производит лихорадочное ощущение; ήπιάλης, ήπιόλης - эльф; ήπίαλος, ηπίολος - лихорадка, озноб и удушье; ήπίαλος означает также и бабочку.

Приведенные нами выше народные названия болезней, известные на Руси и у других славян, не оставляют ни малейшего сомнения, что в древности они признавались за существа демонические, подобные злым эльфам. Предание дает им Божий бич и стрелы и все телесные страдания рассматривает как следствие от удара или укола их оружия: болезнь - это Божья рана или язва, нанесенная рукою незримого духа, свидетельство его карающей силы и раздражения («Божья мочь», «Божий гнев»). Чтобы предать людской род болезням, Сатана истыкал перстом или, по другому варианту, древом (жезлом, палицею) тело первого человека; поселяне называют недуги притками, от глагола приткнуть - коснуться.

В устах народа употребительны клятвы: «Чтоб тебя родимец и трясца побили!», «Чтоб тебя притка ударила!», «Чтоб тебя язвило, пятнало, стреляло!». Мы доселе говорим: разбит параличом, а в областных наречиях эту болезнь обозначают выражением: его прострелило. В грамоте царя Алексея Михайловича к боярину Морозову читаем: «.а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нет. и

которого числа дияка нашего Петра Стеншина пострелило?». Сибирской язве дают названия змеиный пострел; колотье и головная боль (мигрень) у чехов называются strily, у русских - стрелы; стреляет -чувствуется колотье; во Псковской губернии стрелицы - болезнь коров. В первой песне «Илиады» поэт рассказывает, как разгневанный Аполлон взялся за серебряный лук и, пуская крылатые стрелы, наслал на ахейское войско моровую язву; тем же оружием поразил он и детей Ниобеи. Подобными стрелами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается к тени своей матери с вопросом: скончалась ли она медленно от тяжкой болезни или вдруг Артемида тихой стрелой ее поразила? В другом месте «Одиссеи» говорится о блаженной стране, где люди умирают не от старости и болезней:

Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

Это - быстрый удар паралича, разом, без долгих страданий пресекающий жизнь [44 - Одиссея, XI, 170; XV, 403 и дал.]; сравни с русским преданием о добрых ангелах, мгновенно изъемлющих душу добродетельного человека, чтобы водворить ее в райских селениях. Когда ребенок страдает неизвестною болезнью, мечется и кричит по ночам, простолюдины кладут ему под голову - мальчику небольшой лук со стрелою, а девочке пряслицу, причитывая: «Щекотиха-будиха! вот тебе лучок (или пряслица), играй, а младенца не буди». О лесунках и русалках рассказывают, что они, завлекая путника, щекочут его до тех пор, пока не упадет он бездыханным; поэтому название болезни щекотихою намекает на связь ее с этими эльфическими девами: прилегая к ребенку, она щекочет (мучит) его и тем самым отымает у него сон.

Как все облачные (водяные) девы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми они застилают небо, и потому пряслица точно так же указывает на стихийный характер демона-болезни, как и лук со стрелами. У чехов девица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обежать пруд и, обегая, в первый раз бросить в воду кусок хлеба, во второй - веретено, а в третий - пачку льна; эти приношения задерживают лихорадку в ее подводном жилище, и она уже не приходит в обычное время мучить больную. Отсюда же объясняется обычай мерить больного ниткою, сожигать ее на огне, а оставшийся пепел разводить в воде и давать пить во время припадков.

Сербские вилы, сродные с нашими русалками и немецкими эльфами, причисляются к мифическим пряхам, мечут смертоносные стрелы, отравляют источники, повергают людей в тяжкие болезни и отымают у них разум. О лужицкой полуднице, принадлежащей к тому же разряду духов, рассказывают, что она является на поля допрашивать женщин, как должно обрабатывать лен, и тем, которые не сумеют дать ей ответа, свертывает шеи; в средневековых памятниках daemon meridianus (у греческих писателей-цеотщРршод бацши) - падучая болезнь; у чехов poledníce - название недуга. Замечательно, что в нашем народе слово «полудновать» употребляется в значении: жить последние минуты перед смертию.

В песнях встречаем следующий оборот: «Мало Стафиде можется - едва душа в теле полуднует», «Дерется Добрыня с бабой-горынинкой, едва душа его в теле полуднует». Рядом с полудницами в Архангельской губернии знают двенадцать сестер-полуночниц (мар), которые нападают ночью на детей и заставляют их кричать от боли. Припадки кликушества [45 - Кликуша = крикуша, крик и крич = клик и клич.] называются «игрец»-слово, которым обозначается и нечистый дух; это указывает на древнее воззрение, что бес, входя в человека, мучительно играет им. Соответственные выражения находим у чехов, которые об умершем говорят: «Smrtka s mm pohrava», в Несторовой летописи: «.бес тобою (волхвом) играет на пагубу тобе» и в русской поговорке «Чем черт не шутит!». Шут- дьявол, домовой, леший; шутик- злой дух; шутить - проказить, говоря о нечистой силе.

По народному убеждению, все, что выкрикивают бесноватые и кликуши, внушает им поселившийся в их теле демон, и потому им приписывается способность предсказывать будущее [46 - Кликуши обыкновенно пророчат о гневе Божием и скором светопреставлении.]. Поверье это отразилось и в языке: блаже(и)ть - сходить с ума, блажной- привередливый, хворый; блаженный - юродивый, слабоумный, в

бессмысленной болтовне которых искали встарь пророческих вещаний и самих их признавали за одержимых Божественным духом. Так необходимо, так невольно смешивались и спутывались в нравственно-религиоз-ных представлениях наших предков понятия тупоумия, болезненного расслабления и духовного предвидения, небесной кары и дара высших Откровений.

Помешательство, безумный бред, столбняк объясняются на Руси проказами леших; человек, которого обошел (овеял вихрем) леший, делается каженником (искаженным), теряет смысл и память; белорусы думают, что тот, над кем пролетел злой дух лядащик, непременно сходит с ума. Наравне с эльфами, русалками и вилами олицетворенные недуги населяли воды и леса; чтобы избавиться от них, немцы и славяне шли к источникам или в густые, тенистые рощи и там совершали свои целебные обряды; особенно важную роль играли в этом случае деревья, растущие над водами: ива, верба, плакучая береза и др.

Чех, когда трясет его лихорадка, отправляется к вербе, склоняющей свои ветви над светлым потоком, и по окончании пароксизма привязывает к дереву какой-нибудь дар и быстро, без оглядки, бежит домой; или он отрезает клок своих волос и лоскут собственного платья, буравит в вербе отверстие, влагает в него приготовленные отрезки и заколачивает их глоговым клином. Наши поселяне вешают на деревьях, в дар русалкам, холсты и нитки; от болезней они купаются в реках, прудах или источниках и оставляют на прибрежных кустах и деревьях полотенца и сорочки; нередко над головою болящего завязывают в лесу две березовые ветки, приговаривая: «Коли ты (болезнь) покинешь -отпущу, не покинешь - сама сгинешь!» Немцы завязывают от лихорадки три узла на ветвях ивы. Скважины в древесных стволах, сквозь которые протаскивают больных детей, называются в Швеции elfenlocher. Чехи сотрясают на одержимых лихорадкою росу с ветвей вишневого и других деревьев.

По совершении этих обрядов, возвращаясь из лесу домой, не следует оглядываться назад и отвечать на призывный голос, иначе демон-мучитель узнает свою жертву и не прекратит своих посещений.

Ведьмам славянские предания приписывают ночную езду на людях, которых они оборачивают конями; вылетающая из них в виде бабочки душа (вещица) налегает на спящих страшною тяжестью.

По другим сказаниям, злой дух болезней и смерти - мора или мара (нижнелуж. murawa, польск. zmora - удушье, чешек, mura - эльф, ведьма и мотылек) - носит свою голову под мышкою и блуждает ночью под окнами изб, произнося имена хозяев и домочадцев: кто отзовется на голос мары - тот умрет; она садится на сонного человека и душит его; у женщин и коров она любит высасывать молоко. Как шведы и датчане видят в марах души усопших, так, по мнению болгар, мура есть душа младенца, умершего без крещения, прилетающая ночью давить сонных. С этими марами тождественны наши кикиморы (кошмары) и марухи - беспокойные домовые карлики, занимающиеся пряжею, и сам дед домовой, который давит мужиков и баб во время их крепкого сна.

По русскому поверью, всякий человек бывает одержим по ночам разными недугами и если разбудить его прежде, чем окончатся начатые муки, то он наверно захворает тою болезнею, какою был угнетаем во сне. Оттого крестьяне не решаются будить своих товарищей на утренней зоре. Летописец сообщает под 1092 годом любопытное свидетельство о бесах, поражавших смертию полочан: «.предивно бысть Полотьске: в мечте ны бываше, в нощи тутн станяше по улици, яко человеци рищюще беси; аще кто вылезяше из хоромины, хотя видети, абье уязвлен будяше (вар. бяше), невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. Посем же начата в дне (вар. во дни) являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта, и тако уязвляху люди полотьскые и его (вар. их) область; тем и человеци глаголаху: яко навье (мертвецы) бьють полочаны».

Итак, в этих смертоносных бесах, незримо рыскающих на конях, современники признавали существа эльфические, то есть души усопших, о которых немецкие саги рассказывают как о спутниках Одина в его воздушных поездах. В означенных верованиях кроется основа той лингвистической связи, какую замечаем в нижеследующих речениях: народ называет покойников родителями и употребляет это

выражение безразлично, говорится ли об усопших предках или о преждевременно скончавшихся младенцах; в «Слове Даниила-заточ-ника» [47 - «Дети бегают рода».] и в некоторых церковнославянских рукописях под именем рода разумеется дух, что вполне согласуется с областным употреблением этого слова: в Саратовской губернии рода означает вид, образ, а в Тульской - привидение, призрак; наконец, родимец - паралич. Вот живое свидетельство языка, что души покойников роднились у славян с теми стихийными духами, стрелы которых наносят человеку параличный удар, подобно тому как германские племена ту же самую болезнь приписывали влиянию эльфов, а этих последних отождествляли с тенями усопших.

Особенно интересны верования и предания, живущие в нашем народе, о лихорадках. Название это происходит от глагола лихо радеть, то есть действовать в чей-нибудь вред, заботиться о ком-нибудь со злобным намерением, с лихостью; другие общеупотребительные названия: лиходейка и лихоманка от мануть - качать, махать (трясти); чеш. manoyti se - метаться; сравни: мановение, помаваю, манья- привидение в виде старой и тщедушной женщины, манить - лгать, обманывать, лихован, лихоманщик - злой, обманчивый человек. Лихорадок девять или двенадцать крылатых сестер [48 - Финны признают болезни родными братьями, сыновьями старухи Launavatar.]; они обитают в мрачных подземельях ада и представляются злыми и безобразными девами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашний голод, иногда даже слепыми и безрукими. Одна из них, старшая, повелевает своими сестрами и посылает их на землю мучить людской род: «тело жечь и знобить, белы кости крушить». Второго января мороз или зима выгоняет их, вместе с нечистою силою, из ада, и лихорадки ищут себе пристанища по теплым избам и нападают на «виноватых»; на зоре этого дня предусмотрительные старушки омывают наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить вход в избу незваным гостьям. Поверье это условливается теми простудами и ознобами, которые так обыкновенны в холодную пору зимы.

Напротив, о весенних болезнях думают, что они запираются на зиму в снежные горы (ад) и сидят там до начала оттепелей; когда же солнце сгонит снег и отогреет землю, они вслед за вешними испарениями разбегаются по белому свету тощие, заморенные и с жадностью бросаются на неосторожных. Уже с 25 февраля, по замечанию поселян, опасно предаваться сну с раннего вечера: можно наспать лихорадку. Подобно Смерти и владыке демонов (Сатане), лихорадки сидят в подземных вертепах, заключенные в цепи, и вылетают мучить народ только тогда, когда будут сняты с них эти железные оковы, то есть весною.

В Калужской губернии рассказывают, что старшая и злейшая из сестер-лихорадок прикована к железному стулу двенадцатью цепями и в правой руке держит косу, как сама Смерть; если она сорвется с цепей и овладеет человеком, то он непременно умрет. То же предание у юго-западных славян прилагается к моровой язве: три сестры куги были заключены отцом своим - королем в тесные узы и томились в темнице, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись в разные стороны и доныне блуждают по свету. Сбрасывая с себя оковы, лихорадки прилетают на землю, вселяются в людей, начинают их трясти, расслаблять их суставы и ломить кости. Измучив одного, лихорадка переходит в другого; при полете своем она целует избранные жертвы, и от прикосновения ее уст человек немедленно заболевает; кому обмечет болезнь губы, о том говорят: «его поцеловала лихоманка».

Точно так же порождает болезненные страдания и поцелуй эльбины. По другим рассказам, лихорадка, прилетая ночью, называет спящих по имени; кто проснется и откликнется на ее зов, тот сейчас же захворает. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падает в изготовленную пищу и вместе с нею входит в утробу человека. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху в печь, то лихорадка сгорит; а если вложить ее в яичную скорлупу и повесить в трубе - лихорадка будет страшно мучиться. В Тульской губернии уверяют, что шесть сестер уже погибли таким образом, а три и до сих пор рыщут по миру. В прежнее время, говорят чехи, было сто лихорадок, но одна из них сгибла: она заползла в кусочек хлеба, намоченный в молоке, люди узнали ее присутствие, взяли тот кусочек, вложили в свиной пузырь и привязали к дереву. Заключенная в пузыре, лихорадка начала метаться во все стороны - точно так же, как

делает каждая из них, входя внутрь человека, и долго-долго возилась она, пока совсем не задохлась. Сказания эти представляют не более как вариации мифа о Смерти, посаженной в торбу. Боясь раздражить злобную, демоническую деву, простолюдин не всегда решится назвать лихорадку ее настоящим именем, а дает ей названия ласкательные, дружеские, с целию задобрить ее и отклонить от себя болезненные припадки; таковы названия: кума (кумаха), добруха, тетка (тятюха), подруга и дитюха (дитя). С тою же целью сербы во время моровой язвы называют ее кумою, а немцы - gevatterin; вообще имена болезней принято в Германии заменять выражениями: das gute, gesegnete, selige.

Временный роздых, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народ объясняет тем, что у нее много дела и потому она переходит от одного человека к другому, возвращаясь к каждому из них поочередно - через день, через два или три дня; некоторые же уверяют, что в дни, свободные от пароксизмов, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малорусы называют «трясця-невсипуха». Отсюда суеверные попытки переводить лихорадку с себя на первого встречного, даже на птиц, кошек и собак, в которых так охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверях избы, что больного нет дома. Так поступают русские и чехи; последние пишут на дверях: «zemnice! (лихорадка) nechod' k nam; Jenik (имя больного) neni doma, sel na hory». В Смоленской губернии во время скотских падежей надписывают на воротах, что на дворе нет ни коров, ни овец, ни лошадей.

Сибиряки советуют больному чернить свое лицо и одеваться в чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумает повторить свое посещение. Сверх того, чтобы избавиться от лихорадки, ее умилостивляют приношениями или прогоняют силою чародейного слова. Страждущие этим недугом выходят на то место, где, по их соображению, вселилась в них лихоманка, обсыпают вокруг себя ячневою крупою и, раскланиваясь на все стороны, произносят: «Прости, сторона - мать сыра земля! Вот тебе крупиц на кашу; вот и тебе, кумаха!». Обращение к земле знаменательно, так как в ее недрах заключен тот страшный мир, где царствует Смерть со своими помощницами - болезнями и пленниками - мертвецами. Белорусы на поминки («дзяды»), вместе с усопшими родичами, приглашают к ужину и лихорадку.

Первобытная народная медицина состояла в произнесении молитв и заклятий, в призыве богов-исцелителей, в изгнании демонов и в совершении различных символических и жертвенных обрядов; она была делом исключительно религиозным. Древнейшие имена лекаря означают жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знанием клятвенных формул или заговоров. За это свидетельствуют Atharva-Веда, Гомер, Пиндар и другие античные писатели; за это же говорят и многочисленные предания и обломки стародавних заклятий, доныне сохраняемые в памяти индоевропейских народов. В высшей степени важным и драгоценным представляется нам заговор против лихорадок, занесенный во многие из наших старинных рукописей и до настоящего времени еще не забытый русскими знахарями:

«При море черном стоит столп, на том столпе камень, на том камне сидит святый отец Сисиний и зрит на море черное. Ивозмутися море до облак- изыдоша из моря двенадцать жен простоволосых, окаянное дьявольское видение». По некоторым спискам, жены эти исходят из огненного столпа, утвержденного на небеси. «И вопросиша их святый отец Сисиний: что есть злые жены зверообразны? Они же отвеща ему: мы - окаянные трясовицы, дщери Ирода, снявшего с Иоанна Предтечи главу. Вопроси святый отец Сисиний: почто пришли? - Идем в землю святорусскую род человеческий мучити - тело повреждати, кости ломати, в гроб вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самих людей огнем жечи); аще кто зло творит, опивается, объедается, обедни и заутрени просыпает, Богу не молится, тех мучим разными муками: они наши угодницы. Помолися Богу, святый отец Сисиний: Господи! избави род христианский от таковых диаволей. И посла Господь Михаила-архангела и четырех евангелистов, повеле их (трясовиц) мучити тремя (или семью) прутьями железными, давая им по триста ран на день». Имена архангела Михаила и святых угодников нередко заменяются и дополняются другими; в одном списке семь святителей, и между ними Егорий Храбрый, Иоанн Креститель и

святой Николай увидели двенадцать лихоманок, плавающих по морю и воздымающих бурю. «Они же начаша молитися: святый отец Сисиний, Михаил-архангел, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матфей, Иоанн! не мучьте нас; где мы заслышим, в котором роду прославятся ваши имена, и того роду станем бегать за десять верст. И вопроси их святый отец Сисиний: как вам, диаволи, имена?»

Лихорадки исчисляют свои названия и описывают те муки, которыми каждая из них терзает больного. Вот эти названия.

1. Трясея (тресучка, трясуница, в областных говорах: потресуха, трясучка, трясца от глагола трясти), в старинных поучительных словах XV-XVI столетий упоминается про «немощного беса, глаголемого трясцю»; сравни немецкое выражение: «dass dich der ritt (лихорадка) [49 - От reiten, ибо она ездит на человеке, как мара.] schiitte!».

2. Огнея или огненная: «.коего человека поймаю (говорит она о себе), тот разгорится аки пламень в печи», то есть она производит внутренний жар. В Швейцарии лихорадку называют hitzubrand; англосакс. ädl - жгучая болезнь от äd - ignis; персы олицетворяют ее румяною девою с огненными волосами. Южнославянское название «грозница» ставит лихорадку в связь с грозовым пламенем, с молниеносными стрелами.

3. Ледея (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки лед знобит род человеческий, и кого она мучит, тот не может и в печи согреться; в областных наречиях даются лихорадке названия: студенка (от студа, то есть стужа), знобуха и подрожье (от слова «дрожь»), а у чехов - зимница.

4. Гнетея (гнетница, гнетуха, гнетучка от слова «гнет»; гнести - давить): она ложится у человека на ребра, гнетет его утробу, лишает аппетита и производит рвоту.

5. Грынуша или грудица (грудея) - ложится на груди, у сердца, и причиняет хрипоту и харканье.

6. Глухея (глохня) - налегает на голову, ломит ее и закладывает уши, отчего больной глохнет.

7. Ломея (ломеня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломит, такоже и она ломает кости и спину».

8. Пухнея (пухлея, пухлая), дутиха или отекная - пущает по всему телу отек (опухоль).

9. Желтея (желтуха, желтуница): эта желтит человека, «аки цвет в поле».

10. Коркуша или корчея (скорчея) - ручные и ножные жилы сводит, т. е. корчит.

11. Глядея- не дает спать больному (не позволяет ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вместе с нею приступают к человеку бесы и сводят его с ума.

12. Огнеястра и неве; есть испорченное старое слово «нава» - смерть или «навье» - мертвец, что служит новым подтверждением мифической связи демонов-болезней с тенями усопших. Невея (мертвящая) - всем лихорадкам сестра старейшая, плясавица, ради которой отсечена была голова Иоанну Предтече; она всех проклятее, и если вселится в человека - он уже не избегнет смерти.

В замену этих имен ставят еще следующие: сухота (сухея), от которой иссыхает больной, аки древо, зевота, блевота, потягота, сонная, бледная, легкая, вешняя, листопадная (то есть осенняя), водяная и синяя (старинный эпитет огня и молнии). Ясно, что с лихорадками народ соединяет более широкое понятие, нежели какое признает за ними ученая медицина; к разряду этих мифических сестер он относит и другие недуги, как, например, горячку, сухотку, разлитие желчи и проч., - знак, что в древнейшую эпоху имя «лихорадка», согласно с буквальным его значением, прилагалось ко всякой вообще болезни.

Тождество внешних признаков и ощущений, порождаемых различными недугами, заставляло давать им одинаковые или сходные по корню названия и таким образом смешивать их в одно общее представление злых, демонических сил; сравни: огнея - лихорадка и горячка, называемая в простонародье огневицею и палячкою; в некоторых местностях России вместо сестер-трясовиц рассказывают о двенадцати безобразных старухах- горячках; огники- красная сыпь по телу, золотуха - в областных говорах огника (огница) и красуха, изжога - боль под ложечкой; у немцев корь - rötheln, рожа - rose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой - исстари служили для обозначения огня, и в заговорах лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею. Сухота - имя,

свидетельствующее о внутреннем жаре, сближает одну из лихорадок с сухоткою; у сербов суха болеет, сушица - dorrsucht; белорусы называют чахотку - сухоты. Вслед за приведенным нами сказанием о встрече отца Сисиния с лихорадками предлагается самое заклятие: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, окаянные трясовицы! заклинаю вас святым отцом Сисинием, Михаилом-архангелом и четырьмя евангелистами: побегите от раба Божия (имярек) за три дня, за три поприща; аще не побежите от раба Божия, то призову на вас великого апостола Сисиния, Михаила-архангела и четырех евангелистов: Луку, Марка, Матфея, Иоанна, и учнут вас мучити, даючи вам по триста ран на день». К этой угрозе иные списки прибавляют, куда именно должны удалиться злобные жены: «.подите вы в темные леса, на гнилые колоды» или «в места пусты и безводны». Заговор должен быть прочитан священником, и затем больному дают испить воды со креста, произнося следующие слова: «крест- христианам хранитель, крест - ангелам слава, крест - царям держава, крест - недугам, бесам и трясовицам прогонитель, крест - рабу Божию (имярек) ограждение!».

Для сравнения приводим текст заговора, записанный в сборнике Сахарова: «На горах Афонских стоит дуб мокрецкий, под тем дубом сидят тридесять старцев со старцем Пафнутием. Идут к ним двенадесять девиц простоволосых, простопоясых. И рече старец Пафнутий с тремянадесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече (рекут) ему двенадесять девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: сломите по три прута, тем станем их бити по три зори утренних, по три зори вечерних. Взмолишась двенадесять дев к тринадесять старцам со старцем Пафнутием, и не почто же бысть их мольба! И начата их старцы бити, глаголя: ой вы еси двенадесять девиц! будьте вы трясоницы, водяницы. расслабленные и живите на воде-студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Заговариваю я раба Божьего (такого-то) от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты, двенадесять девиц, в тартарары, отыдите от раба Божьего (имярек) в леса темные, на древа сухие». В других заговорах злые недуги с принедугами и полунедугами отсылаются в «окиан-море», в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, во тьму кромешную, то есть в ад. Колючку грозит заклинатель заключить в недра земли, свербеж утопить в горячей воде, стрельбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень и так далее.

Малороссийские заговоры гонят лихоманок и другие болести в дебри, болота и пустыни безлюдные: «Вам, уроки, у раба Божого не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, серця его не нудыты, билого тила не сушиты; вам идты на мха, на темные луга, на густые очерета, на сухие лиса!»; «Пидить соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степучи, де глас чоловичый не заходыть, да пивни не спивають»; «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти вихрова. буду я тоби лице заливати, буду тоби очи выпикати, буду тебе молитвами заклинати, буду с христянськой вири висилати. Пиди соби, де собаки не брешуть, де кури не поють, де христянський голос не ходе» Чешское заклятие XIII века посылает нечистую силу (siemeproklate) в пустыни -«napüsc jdee, anikomu nesod'e» В настоящее время чехи прибегают ктаким формулам: «Ja vyhanim oubute (сухотку) z tveho tela do more - vodu prelevati a pisek presejpati, kosti nelamati a zily neskubati, a krev necucati a maso netrhati, a prirozenimu pokoj dati»; «Letely tri strelci, zastavili jsou se v me hlave, v mych usich, v mych zubech, a ja je zaklinam» во имя Отца и Сына и Святого Духа: если вы с ветру - идите на ветер и ломайте деревья в густых борах, если с воды - ступайте на воду и крутите песок в самых глубоких местах, если со скал - идите в скалы и ломайте камни, а мне, моей голове, ушам и зубам дайте покой; «Zaklinam vas, pakostnice - ruzovnice, kostnice do lesa hlubokeho, do dubu vysokeho, do dreva stojateho i lezateho; tam sebou mlat'te a trskejte, a teto osobe pokoj dejte. Jsi li z ouroku, jdi do ohne; jsi li z vody, jdi do more; v mori vaz vody, pocitej pisek» (в море исчерпай воду, сочти песок).

Подобные же заклятия обращают немцы к эльфам; по их мнению, те деревья засыхают, на которые будет передана болезнь. Индийский врач гнал лихорадку в лес и горы; повинуясь вещему слову, водные духи (апсарасы) должны были удаляться в глубокие источники и в деревья. Заговор на изгнание лихорадок, обращенный к святому Сисинию, упоминается уже в статье «о книгах истинных и ложных»; большая часть

списков этой статьи принадлежит XVI и XVII столетиям, а древнейшая ее редакция, какая известна ныне, найдена в номоканоне XIV века. Здесь читаем: «Вопросы Иеремиа к Богородици о недузе естественем и еже именуют трясовици - басни суть Иеремиа, попа болгарского; глаголеть бо окаянный сей, яко седящу святому Сисинею на горе Синайскей - и виде седмь жен исходящи от моря, и ангела Михаила именует, и иная изыдоша седмь ангел, седмь свещ держаще, седмь ножев острящи, еже на соблазн людем многым, и седмь дщерий Иродовых трясцами басньствоваше, сих же ни евангелисты, ни един от святых -седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней же яве есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова». Это свидетельствует о южнославянском происхождении заговора; вместе с памятниками болгарской письменности проникло к нам и заклятие против лихорадок, составление которого приписывается попу Иеремии.

Как множество других апокрифических сказаний, так и заклятие Иеремии создалось под непосредственным влиянием древнеязыческих воззрений, общих болгарам со всеми прочими славянскими племенами, и этот-то национальный характер представлений, занесенных в отреченную молитву, доставил ей легкий доступ в массы русского населения. Несмотря на христианскую примесь, в ней весьма явственны черты так называемой естественной религии (религии природы). Святые и ангелы, наказующие жен-лихорадок прутьями и ножами, очевидно, заступили место древнего громовника и его спутников, которые разят нечистую силу молниями, или, выражаясь поэтическим языком, бичами, прутьями, палицами, секирами и другим острым оружием; потому они восседают на каменном столбе, то есть в грозовом облаке, ибо камень (скала) и столб (башня) -метафоры облаков.

Из различных воззрений на природу рождались и различные мифические представления: бессмертные владыки, то помрачающие небо тучами, посылающие град, стужу и бури, то разгоняющие демонов мрака и дарующие светлые дни, являлись народному воображению не только грозными карателями людей и животных, метателями моровых стрел, но и богами-спасителями (5©тг|ре<;), силою которых прогоняются злые недуги. Так, Индра исцеляет от накожных болезней и червей, а Тунар гонит из тела wurmer, то есть мучительных эльфов [50 - В русском заговоре Христос «громом отбивает, молоньей ожигает и стрелами отстреливает» всякие уроки и недуги.]. Сестры-лихорадки отождествляются в заговоре с теми стихийными демонами, с которыми обыкновенно сражался Перун: они исходят из (дождевого) моря или огненного столба (грозовой тучи), воздымают страшную бурю и разбегаются только от ударов (молниеносных) прутьев. «Простоволосые» и «простопоясые», то есть с длинными распущенными косами и в легких, свободно развевающихся по ветру (неподпоясанных) одеждах, они напоминают этими признаками облачных жен и дев; сверх того, им даются и крылья - эмблема быстрого полета облаков и вихрей.

В стремительных вихрях предки наши усматривали пляску духов и нимф, и в эпоху христианскую представление это было перенесено на Иродиаду, которая славилась некогда своими искусными танцами. Такое смешение тем более понятно, что сам демонический змей (Сатана) называется в народных сказках Иродом [51 - В преданиях Средних веков Гольда встречается под именами Ирод над ы и Дианы, и этой последней приписывались припадки падучей.]. В связи с этим девы воспаляющих и знобящих болезней были признаны дщерями Ирода и старшая из них стала обозначаться именем плясовицы. По чешскому поверью, лихорадки живут в прудах и колодцах, и потому бывает время, когда никто не решается пить оттуда воду. Заболевший лихорадкою идет перед восходом солнца к колодцу и причитывает: ««Studne-studnice! nechod' na mne zimnice; Mariapanna zapovida, abys na mne nechodila».

В Орловской губернии больного купают в отваре липового цвета, а снятую с него рубаху он должен ранним утром отнести к реке, бросить ее в воду и промолвить: «Матушка-ворогуша! на тебе рубашку с раба Божьего (имярек), а ты от меня откачнись прочь!» Затем он возвращается домой молча и не оглядываясь. Согласно со стихийною природою жен-лихорадок, они прогоняются в океан-море (небо), в студенцы и болота (дождевые источники), в скалы и горы (тучи), в камыши и деревья (небесные рощи), в огонь и ветры - словом, в жилища водяных, леших, эльфов и нечистых духов. Несмотря на запрет статьи о книгах истинных и ложных, в самой иконописи до конца XVII века

было распространено изображение двенадесяти трясовиц; они представлялись в виде женщин и нередко обнаженные, с крыльями летучей мыши, так как эта последняя служила символом ночи.

Отличительный характер каждой из них живопись обозначала разными красками: одна лихорадка - вся белая, другие - желтая, красная, синяя, зеленая (лесная) и т. д. В XVII веке, при значительных успехах техники, эти женские фигуры отличаются даже некоторым благообразием. Наверху, в облаках, видны ангелы, и между ними один, который направляет на трясовиц копье и хочет низвергнуть их в отверстую пропасть, а на пригорке - коленопреклоненный и молящийся святой Сисиний. Чехи противопоставляют демонам-болезням Христа и святую Аполену. Встречает Христос psotnika (спазмы и конвульсии) и спрашивает: «Kam ty jdes, psotmku? - Ja jdu do zivota te a te osoby - maso jisti, krev piti, zily tahati, kosti lamati, chut'k jidlu a к piti brati, a spani mu odjimati». Христос приказывает болезни выступить из человека, не мучить его ни днем, ни ночью и удалиться в темные леса. Или: chodili strelcistrelice po horach, po krajinach; повстречали святую Аполену и на вопрос ее: куда идете? - отвечали: идем к такому-то человеку мозг ести, кровь пити, мясо драти, кости ломати. И рекла им Аполена: воротитесь и дайте человеку покой. Подобные же заклятия известны и между другими народами.

Якоб Гримм приводит заговор, в котором упоминаются семьдесят семь noschen (под именем nosch разумеется бес падучей болезни). «Wir wend gohn in das haus des c menschen, - говорят они про свои подвиги, - und tom sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fl eisch essen». Духи эти изгоняются в сухое дерево: «.ich gebeut dir nosch mit alien deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat und geschoss (стрельба) und geicht (лом) und gesicht (сглаз, изуроченье).». Грузины произносят следующий заговор против чесотки: «Гой ты, jelo-jelo (едучий), юродивый, бесприютный! откуда исходишь ты и куда входишь? - Исхожу я из черной скалы, вхожу в тело человека, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. - Нет, не позволю тебе войти в человека; раздроблю тебя на мелкие части, брошу в медный котел, раскалю его огнем и жупелом серным. Удались, отвяжись от рабаБожьего (имярек). Аминь».

Наряду с заклятиями, обращенными на трясовиц, индекс запретных книг осуждает также и «лживые врачевальные молитвы о нежитех». В одной пергаментной сербской рукописи записано пять заговоров против нежита, или нежитя; из них два были сообщены г. Буслаевым.

a. «Сходещю нежиту от сухого (огненного) мора(я) и сходещу Иисусу от небесе, и рече ему Иисус: камо идеши, нежите? Рече ему нежить: семо иду, господине, в чльвечю главу мозга срьчати, челюсти преломити, зубы их ронити, шие их кривити и уши их оглушити, очи их ослепити, носа гуньнати, крьве их пролияти, века их исушити, устьнь ихь кривити и удовь ихь раслаблати, жиль ихь умртвити, тела изьмьждати, лепоту их измените, бесом мучити е. И рече ему Иисус: обратное, нежите! иди в пустую гору и в пустыну, обрети ту ельну главу и вьселисе в ню, ть бо все трьпить и все страждете. иди в камение, ть бо все трьпить - зиму и зной и всеко плодьство, ть бо о(т)твари жестокь есть, в себе дрьжати те сильнь есть. Нежить! да ту имей жилище, доньдеже небо и землами-моидеть и кончаетьсе; отниди от раба Божия (имярек)».

b. «Святы Михаиль-Гавриль гредеше, вьзьмь железнь лукь и железьны стрелы, стрелати хоте ельна и ельну, и не обрете ту ельна и ельну, нь обрете нежита, иже седеше, камы рацепивь [52 - Расщепя (расколов) камни.]; и вьпроси его: что ты еси иже седиши, камы рацепивь? Отвещав ему: азь есьмь нежить, иже чловече главе рацеплю и мозьге исрьчу, крьвь ему про лею. И рече му Михаиль-Гав-риль: проклетыи проклетьче нежите! ее мозьга срьчи, ни главы рацепи, нь(но) иди в пустую гору и вьлези в елену главу; та ти есть трьпелива трьпети то. Аще ли те по семь дни обрещу, любо те носеку, любо те прострелю. И вьзьмолисе нежить: не посеци, ни прострели мне, да бежу в гору и вьлезу в елену главу».

Сходство этих старинных заговоров с приведенными выше заклинаниями лихорадок и других недугов очевидно для всякого: и здесь - та же встреча благого божества со злым духом болезней, те же вопросы и ответы и то же изгнание демона в каменные пустыни победоносным оружием громовника. Архистратиги небесных воинств поражают нежита

железными стрелами (молниями); тем же оружием наносятся раны демонам-болезням, и по свидетельству русских народных заговоров: «. на окиане-море стоит золот стул, на золоте стуле сидит святой Николай, держит золот лук, натягивает шелковую тетивку, накладывает каленую стрелу, станет уроки и призоры стрелять». В Воронежской и Владимирской губерниях в случае глазного ячменя подносят к больному месту кукиш и приговаривают: «Ячмень, ячмень! на тебе кукиш, что хочешь - то купишь, купи себе топорок, сруби себя поперек!».

Существительное «нежить» доныне употребляется в областных говорах Северной России как собирательное имя нечистой силы: домовых, водяных, русалок и проч.; в чешском языке nezit - название болезни. Слово это образовалось от глагола жить с отрицательною частицей не и по значению своему прямо соответствует Моране (смерти) и повальным болезням, известным у славян под общим названием мора.

Древнеэпические формулы заговоров, призывающие на демонов карающее оружие бога-громовника, мало-помалу стали переводиться в действие; в народной медицине принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначение которых наносить болезням раны, разить их и изгонять из человеческого тела. Захворал ли кто утином (боль поясницы), знахарка приказывает ему лечь ничком на порог избы, то есть у растворенных дверей, которыми должна удалиться болезнь; затем кладет ему на поясницу березовый веник и, тихо ударяя обухом топора или косарем по венику, причитывает: «Секу-секу, присекаю; рублю-рублю, прирубаю!» «Что, бабушка, сечешь?» - спрашивает больной. «Утин секу!» - «Секи, да гораздо, чтоб не было его!» Эти вопросы и ответы повторяются до трех раз. Веник - эмблема вихря, рассеивающего вредные испарения и туманы. Когда у детей бывает почесуха, крестьянки парят их ольховыми вениками, которые потом выбрасывают на воздух, с приговором: «С ветру пришло, на ветер и поди!» [53 - Во Владимирской губернии больные, снимая с себя нижнее платье, бросают его в полночь за окошко на ветер (Труды Владим. стат. ком., VI, 75).] Ничего так не боится куга (олицетворение морового поветрия), как метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы).

Вместо топора нередко прибегают к помощи зубов на основании той древней метафоры, которая уподобляла молнии золотым зубам, всегда готовым растерзать демона. Так, страдающие грызью (ломом в руках и ногах) призывают к себе мальчика и заставляют его кусать колено больной ноги или локоть руки, причем ведется следующий разговор: «Что грызешь?» - «Грызь грызу». - «Грызи, да гораздо!». От сибирской язвы кладут на опухоль тряпку и со всех сторон обкусывают больное место; ребенку, у которого расстроен желудок, трижды кусают слегка пупок; от головной боли лечат так: наклоняют голову больного, обвивают около указательного пальца прядь его волос и прикусывают их зубами у самого корня.

Чтобы охранить себя от порчи, поселяне запасаются обломком от лезвия косы и носят его в правом сапоге. В некоторых деревнях знахари обрезывают с рук и ног больного ногти, кладут их в нарочно сделанное в яйце отверстие, залепливают это отверстие воском и относят яйцо в лес, с тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесет его вместе с болезнью; смысл обряда - тот, что у демона-болезни остригаются ее острые когти и сама она предается во власть крылатого вихря, который должен унести ее в дальние, пустынные места [54 - ВГермании существовал обычай замуровывать чуму в церковную стену или заключать ее в скважину дерева - обычай, возникший из древних заклятий, изгоняющих демона смерти в камни (скалы) и леса.]. Убежденные, что пламя грозы пожигает нечистую силу, а дождевые ливни смывают, топят ее, предки наши лечили болезни огнем и водою.

Как скоро почувствует кто-нибудь из домашних легкий озноб или жар, наклонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчас же черпают ключевую воду, кладут в нее горячие уголья и щепоть печной золы, дуют на воду три раза, мешают ее острием ножа и читают заговор; затем сбрызгивают больного, смачивают ему грудь, руки, ноги, спину или дают выпить несколько глотков. Приготовленная таким образом вода получает целебные, живительные свойства дождя; горячие уголья знаменуют грозовое пламя, дуновение-ветер, нож- громовую секиру. Старинный поэтический язык называл огонь-молнию раскаленным железом, блестящею медью и золотом (деньгами), а воду-дождь -

вином, медом, молоком и маслом; в силу этого возникли разнообразные врачебные обряды.

Чехи заставляют больных детей глотать во имя Святой Троицы три уголька, а чтобы вылечить скорбут, берут воду, в которой кузнец охлаждал горячее железо, намачивают в ней красный лоскут и трут им десны. На Руси раскаливают докрасна медный пятак, опускают его в сосуд с холодной водою и воду эту пьют по три раза в день от лихорадки. Вместе с целебными травами нередко кипятят в воде золотые венчальные кольца и потом поят или обливают ею хворого. От горячки надевают на шею больного обруч, снятый с ведра, окуривают его стружками с этого обруча, поят вином, настоянным на золе, и произносят заклятие: «во имя Отца и Сына и Святого Духа! Тетка-баба (горячка), отойди от раба Божия (имярек)». Когда вино выпито, оставшеюся золою трут лицо и грудь против сердца. Золотое кольцо- символ солнца, поборающего демонов мрака; снятый с ведра обруч - знамение дождевых сосудов, разбиваемых богом-громовником. От «криксы» купают детей в курнике на деревянном обруче.

Если укусит человека бешеная собака, то стараются добыть клок ее шерсти и этою шерстью окуривают нанесенные ему раны. Бешеная собака есть воплощение дьявола; подобно тому как небесные молнии, пожигая облачное руно демонов, просветляют омраченную ими природу, так и сожженная шерсть собаки удаляет мучительного беса и восстановляет поврежденное здравие. Произнеся заклятие, знахари трижды дуют на больного и сплевывают в сторону. Слюна здесь - символ живой воды (дождя), точно так же, как обдувание больного - символ ветра. Если слову человеческому и слюне дана власть прогонять нечистых духов, уроки и недуги, то естественно, что язык, как орудие слова и метафора молнии, должен был получить чародейную силу слизывать всякую хворь. И действительно, знахари, умывая больного наговорной водою, лижут ему лицо до трех раз и за каждым разом сплевывают на землю, то есть сбрасывают вместе со слюною слизанную языком болезнь.

В Саратовской губернии против лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная девица! Избавь раба Божия (имярек) от матухи, от знобухи, от летучки, от гнетучки, от всех двенадцати девиц-трясовиц». Вслед за произнесением этого заговора слизывают недуг крестообразно со лба, подбородка и щек больного и сплевывают наземь. Нередко слова лечебного заклятия сопровождаются очерчиванием около больного круговой черты, дабы злой дух болезни не мог переступить за этот зачарованный круг.

Народные заговоры сделаются для нас вполне понятными только тогда, когда будут разгаданы и объяснены все древнейшие метафоры, на которых зиждется их целебное значение. Вот, например, заговор от болезни усовей, любопытный по своим мифическим указаниям: «Есть море золото, на золоте море золото древо, на золоте древе золоты птицы, носы и ногти железные, дерут-волочат от раба Божия (усови) на мхи - на болота. Есть море золото, на золоте море бел камень, на беле камени сидит красная девица с палицею железною, тепет, обороняет, отлучает от раба Божия усови на мхи - на болота. Есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет святой Николай, отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, а залучает от раба Божия усови аду в челюсти». Злой дух болезни прогоняется во мхи-болота и в ад. Море - поэтическое название неба; эпитет «золотой», данный этому морю, означает светлый, озаренный лучами солнца.

Дерево и корабль - метафоры тучи, бел камень - метафора солнца. На дереве-туче сидят золотые птицы с железными когтями и клювами, т. е. молнии, острыми стрелами которых и разится нечистая сила болезни; подобно тому на Солнцевом камне восседает красная девица Заря, богиня весенних гроз и плодородия, и гонит демона железною палицею; а на корабле-облаке плывет Николай-угодник, заменяющий собой Перуна: он отворяет морскую глубину (дождевые тучи) и низвергает демона в челюсти ада. Итак, изгнание болезни совершается при содействии громовника; как обновитель природы, победоносный враг зимы - смерти и творец весенней жизни, он исцеляет и все недуги [55 - Из всего сказанного понятно, почему так долго удерживается в массах простого народа доверие к знахарям и их врачебным пособиям и отвращение от научной медицины. За первых стоят исконные предания, крепко сросшиеся с родным

словом, а следовательно, и с самыми убеждениями человека. До сих пор поселяне охотнее прибегают к помощи своих знахарей и ворожеек, а лекарства, даваемые официальными врачами, называют «погаными». Вместе с этим приведенные сведения убедительно доказывают, как несостоятельна, ничтожна и часто положительно вредна народная медицина: лечить глаза искрами огня, заставлять от воспалительных болезней есть сусальное золото, сажать ребенка в жарко натопленную печь и тому подобные средства, конечно, не могут быть признаны как полезные. Нельзя отвергать, что знахарям доступны некоторые знания целебных трав, кореньев и других снадобий, на которые случайно набрел наблюдательный ум наших предков, но объем этих знаний весьма ограничен, и притом они так спутаны с многочисленными суевериями, что нам кажется совершенно неуместным то наивное сожаление о расколе, существующем между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями так называемой русской науки.].

Повальные болезни, от которых гибнут целые поколения людей и животных, отождествлялись в языке и верованиях с представлением смерти: измереть - в областном словаре: исхудать, исчахнуть, подмереть - завянуть, засохнуть, отощать, замирать -захворать, морный - тощий (заморенный), морная корова - падеж рогатого скота, помора - отрава; пропадать - болеть, чахнуть, пропади на или пропасти на - мертвечина, стерво, пропасть - адская бездна, погибель, смерть и гниющий труп.

Германцы эпидемиям давали названия: der grosse töd, сканд. svarti daudhi, дат. sorte död = der schwarze tod, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманные испарения и гнетущая духота зноя отравляют воздух, внезапно появляется зараза и, направляя путь свой чрез населенные местности, похищает жертвы за жертвами. В качестве богини смерти и согласно с грамматическим родом присвоенных ей названий зараза олицетворяется в образе мифической жены: лат. pestis, lues, нем. die pest, серб. куга (сравни нижне- и верхненем. koghe, koge) и Mopnja, рус. чума (dzuma), язва, свирепица (Черниговская губерния) - женского рода, и хотя рядом с этими названиями у нас, чехов и поляков употребляется еще слово «мор» (литов, moras, летт. mehris), но в поэтических сказаниях оно уступает женским формам. Завися от воздушных перемен и климатических условий, моровая язва, как и другие болезни, признавалась существом стихийным, шествующим в вихрях («поветрие») и владеющим огненными, молниеносными стрелами. По указанию народного поверья, приведенного Якобом Гриммом, она несется как синеватый пар в виде облака - «als blauer dunst in gestalt einer wolke».

Свидетельство Гомера о моровых стрелах Аполлона совпадает с славянскими преданиями: общепринятые в русском языке названия «зараза» (от разить) и «язва» указывают на раны, наносимые острым оружием болезни: кроаты представляют чуму (гиргу) злою фурией, легкою, как молния; по рассказам болгар, она - вечно озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животных огненные ядовитые стрелы. Создавши ее, Христос сказал: «Иди и мори человеческий род; а чтобы ты не страшилась никого - даю тебе лук и стрелы». Болгары видят в ней существо, родственное с облачными девами, и называют ее «чума-самодива» или «юда-самовила»; самодивы и самовилы соответствуют немецким эльфам и подобно им различаются на добрых и злых (светлых и темных). Приближаясь к городу или деревне, Чума точит свои стрелы, и кому случится на ту пору выйти в поле - в того и стреляет, а затем уже входит в самое село или город. Оттого первые заболевающие страшным недугом бывают приезжие и странники. Наравне с эльфами и ведьмами Чума может оборачиваться кошкою, лошадью, коровою, птицею и клубком пряжи; где она покажется - там начинают выть собаки, туда прилетает ворон или филин и, садясь на кровлю, криком своим предвещает беду. Чехи и малорусы рассказывают, что Смерть, принимая вид кошек, царапается в окно, и тот, кто увидит ее и впустит в избу, должен умереть в самое короткое время. Южные славяне уверяют, что во время чумы петухи хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность лаять и только ворчат и с визгом бросаются на ужасную гостью.

Один крестьянин спал на стогу сена; пробужденный шумом, он увидел огромную женщину в белой одежде (в саване), с растрепанными волосами, которая бежала от стаи собак; она вскочила на лестницу, приставленную к стогу, и стала дразнить собак

ногою. Крестьянин узнал Чуму, подкрался сзади и столкнул ее с лестницы; Чума погрозила ему пальцем и исчезла, и хотя он остался в живых, но с той самой минуты беспрестанно дергал ногою. Громовые раскаты уподобляются крику петуха и колокольному звону, и вследствие этих метафор петух возгласом своим прогоняет нечистую силу, а от звона колоколов рассеиваются темные тучи [56 - В 1576 г. звонили на Мораве «proti mracnüw»; дьявол схватил звонаря и три дня носил его в вихре.], и устрашенные демоны, эльфы и ведьмы спешат сокрыться в дальние страны.

Вместе с этим петуший крик и колокольный звон признаны были за целебное средство против болезней, особенно против лома в руках, падучей, холеры и вообще всякого поветрия; «я слышу (читаем в чешском заговоре), звучат колокола, поют святые ангелы, и ты, rüze, должна удалиться!». Сверх того, в завывании грозовой бури арийские племена слышали лай небесных псов, сопутствующих богу громов и вихрей в его дикой охоте; по народному убеждению, собака одарена чрезвычайно тонким чутьем и острым зрением: она узнает присутствие нечистых духов, чует приближение Чумы и Смерти и кидается на них, как верный страж домохозяина и его семьи.

Когда собака воет - это считается знаком, что она видит Смерть. Отсюда возникли поверья, что Чума боится собак, что у петухов она отымает голос и вырывает хвосты и что там, где владычествует нечистая сила смерти (зараза), уже не раздаются ни петушиный крик, ни собачий лай; согласно с этим вышеприведенные малорусские заговоры отсылают сестер-лихора-док и другие болезни в те пустынные страны, где не слышится ни пения петухов, ни лая собак, ни церковного звона, то есть, собственно, в царство туч, оцепененных холодным дыханием зимы (в вертепы северного ада). Рассказывают также, что Чума не любит кошек и при удобном случае убивает их: эта враждебность объясняется страхом перед богиней Фреею, которая выезжала на кошках, участвовала в дикой охоте и поборола демонов. В давнее время, по словам болгар, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же при появлении моровой язвы кошки прячутся от нее в печах.

Любопытно, что чехи для излечения детей от сухотки купают их в ключевой воде, вместе с собакою или кошкою. В большей части земель, заселенных славяно-литовским племенем, моровая язва олицетворяется женщиною огромного роста (иногда на ходулях), с распущенными косами и в белой одежде; она разъезжает по свету в повозке или заставляет какого-нибудь человека носить себя по городам и селам; своею костлявою рукою она веет на все на четыре стороны красным (кровавым) или огненным платком - и вслед за взмахом ее платка все кругом вымирает.

Был жаркий день, русин сидел под деревом. Приблизилась к нему высокая женщина, закутанная в белое покрывало. «Слыхал ли ты про Моровую язву? - сказала она. - Это - я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси, не минуй ни одного села, ни города; я должна везде заглянуть. Кругом тебя будут падать мертвые, но ты останешься невредим». Затем она обвилась длинными, исхудалыми руками вокруг шеи русина, и бедняк пошел со своею страшною ношею, не чувствуя ни малейшей тяжести. На пути лежало местечко, где раздавалась музыка и весело, беззаботно пировал народ; но Чума повеяла своею хусткою - и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Где ни проходил русин, всюду богатые города и деревни превращались в пустыни; бледные, дрожащие от страха жители разбегались из домов и в мучительных страданиях умирали в лесах, полях и по дорогам. Наконец добрался он до своего родного села; здесь проживали его старушка мать, любимая жена и малые дети.

Отчаяние и жалость овладели душою несчастного; он решился утопить и себя, и Чуму, ухватил ее за руки и, обойдя село, бросился вместе с нею с крутого берега в волны Прута; сам он утонул, но Моровая язва не могла погибнуть: с легкостью стихийного существа она поднялась из воды и, напуганная отважною смелостью человека, убежала в лесистые горы.

На Украине существует клятва: «А щоб на вас чума насила!». Лужицкая Smertnica (богиня смерти) ходит по деревням в белом платье и куда бы ни направила свои стопы - там непременно кто-нибудь умирает; чехи называют ее Smrtnice, Smrtna zena: она облекается в белую или черную одежду, голову покрывает шляпою с белым пером и

бродит под окнами дома, где в скором времени должен быть покойник.

По сказаниям сербов, Куга- «жива жена зав]ешена б]елом марамом»; есть предание, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерам от одной избы к другой, она останавливается под окнами и пускает внутрь жилья свой злочестивый дух, отчего и погибает все семейство. Многие видели ее собственными очами, а некоторым случалось носить ее. Встретив человека на дороге или в поле, а иногда являясь к нему в избу, она говорит: «Ja сам Куга, вей xajle да ме носиш тамо и тамо» За такую услугу она обещается пощадить как его самого, так и всех близких ему родичей. Тот, кто носит Кугу, или вовсе не чувствует усталости, или изнемогает под тяжелым, сильно гнетущим бременем.

Та же басня известна и в Бретани: в одной песне рассказывается о мельнике, который перевез на коне через реку белую женщину, а по другому варианту - он перенес ее на собственных плечах. «Знаешь ли ты, кого перевез? - спросила она. - Я - Чума. Мой обход по Бретани оканчивается; теперь я пойду в церковь, и кого только коснется мой посох - тот немедленно должен умереть, но ты не бойся - тебе и твоей матери я не сделаю никакого вреда». Слова эти оправдались на деле: все обыватели померли, исключая двоих - старой вдовы и ее сына. Духи болезней ездят на своей жертве, и Бог осудил некогда солдата носить на плечах голодную Смерть.

В Литве чуму и вообще всякую повальную болезнь называют Моровой девою; показываясь в деревне, она обходит дома, просовывает руку в окно или дверь и размахивает красным платком, навевая на хозяев и домочадцев смертельную заразу. При ее появлении жители запираются в своих избах, не открывают ни окон, ни дверей, и только совершенный недостаток припасов и голод заставляют их нарушать эту предосторожность. В старые годы жил-был шляхтич; решившись пожертвовать собою для общего блага, он взял саблю и сел у нарочно открытого окна; как только Моровая дева протянула в окно руку, шляхтич ударил саблею и отрубил ей кисть. Сам он умер, померло и его семейство, но с той поры язва уже не показывалась в этой местности.

Подобное же предание уцелело и в памяти русского народа: храбрый казак отрубил руку ведьмы, которая действовала так же губительно, как Моровая язва; в глухую полночь являлась она вся в белом, отворяла окно избы, просовывала руку с кропилом и начинала шить в разные стороны, а к утру вымирала вся семья. В нижненемецкой саге Смерть заглядывает в окно, и на кого упадут ее взоры - тот делается добычею могилы. Рассказывают еще, будто Моровая дева, одетая в белое платье, объезжает города и села на высокой колеснице; останавливаясь перед домом, она размахивает платком и спрашивает: «Что делаете?» Если ей отвечают: «Бога хвалим!»- то она не касается никого из живущих и едет далее, произнося угрюмым голосом: «Хвалите Его присно и во веки веков!» А если на вопрос Моровой девы скажут: «Спим!» - то она изрекает смертный приговор: «Спите же вечным сном!» В этих суеверных сказаниях поселян Мицкевич угадал свежие, никогда не стареющие поэтические краски и с талантом истинного художника воспользовался ими в следующих стихах:

Morowa dziewica

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach, czoljem przenosi bialjowieskie drzewa, a w r^ku chustk^, skiwawion^ powiewa.

Dziewica stapa kroki zljowieszczemi na siolja, zamki i bogate miasta; a ile razy kiwaw^ chustka^ skinie, tyle palacow zmienia si§ w pustynie; gdzie nog^ st^pi, swiezy grob wyrasta.

У Гримма указана литовская клятва: «Kad taw§ Giltine pasmaugtu!» («Чтоб тебя Чума удушила!») По своему стихийному характеру богиня смерти и Чума роднятся в преданиях литовцев с облачной женою- лаумой, о которой уверяют, что она рядится в различные одежды: если лаума надевает зеленое платье - это предвещает хороший урожай, роскошную зелень на лугах и нивах, если она показывается в красном платье - это предвещает жестокую войну, убийства и пролитие крови, а если в черном - это знаменует приближение голода и мора.

Поляки уверяют, что Моровая дева разъезжает в двухколесной повозке; а лужичане рассказывают о невидимой колеснице, которая с грохотом носится по улицам в двенадцать часов ночи, и в том доме, возле которого она остановится, непременно кто-нибудь да сделается добычею смерти. Поезд Чумы в Подолии называют «гомин» [57 -Гомон = гом, гам.] - слово, означающее громкий говор, неистовые звуки, шум, завывание

бури [58 - Песня: «Гомин, гомин по дуброви, / Туман поле покрывае».]. Потеряв во время моровой язвы жену и детей, русин покинул свою хату и ушел в лес, к вечеру он развел огонь, помолился Богу и заснул. В самую полночь его разбудил страшный шум: издали неслись нестройные, дикие клики, слышались дудки и звон бубенчиков. Голоса приближались, и вскоре видно было, что по дороге тянется гомин. На высокой черной колеснице ехала Чума, сопровождаемая толпой чудовищ, стаей сов и нетопырей. Свита ее с каждым шагом более и более умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья, превращалось в чудовищные привидения и приставало к поезду. Когда гомин поравнялся с разведенным костром, Чума затянула адскую песню.

Подолянин хотел было с испугу ударить в ближайшее к нему привидение топором, но и топор вырвался из его рук, превратился в живое существо на козьих ногах и понесся вслед за демонским сборищем. Подолянин упал без чувств, и когда очнулся - на небе уже сияло солнце; платье его было изорвано в лоскутья, а топор лежал переломленный.

Таким образом, Чума, подобно древним богиням, восседает на колеснице, и поезд ее сопровождается бурею и привидениями, то есть злыми духами и тенями усопших, точно так же, как, по германскому преданию, Один - бог, посылающий валькирий за душами убитых героев, - мчится во главе неистового воинства или дикой охоты, сопутствуемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это - поэтическое изображение опустошительной бури, веяние которой несет губительную язву; все, что ни встречается на пути, вихри ломают и увлекают в своем стремительном полете; адская песня, звуки дудок и бубенчиков - метафоры воющих ветров; Смерть, как мы видели, сама представлялась музыкантом.

По свидетельству немецких сказаний, Гелла ездит в колеснице или на треногом коне, то есть в грозовой туче, и шлет на Божий мир заразу; поражая людей, она схватывает души и навьючивает ими своего коня. О смертоносном действии моровой язвы выражаются: «Die Hell ist verjagt», а когда захворавший этою болезнью выздоровеет, о нем говорят: «Er hat sich mit der Hell abgefunden» («Он разделался с Геллою»). Богиня смерти, следовательно, является в качестве охотника, ловчего христианских душ; подобно Одину в его бурных полетах, она в некоторых сагах выступает на борьбу с жизнью в сопровождении большого воинства; за ней следуют свита и слуги, несущие ее знамя и оружие. Финны наделяют Чуму конем и колесницею; а наше летописное свидетельство утверждает, что те незримые духи (навье), которые избивали полочан, ездили на конях.

Сербы знают не одну, а несколько моровых жен, рожденных от демона и обитающих за морем: «Куге НМајy преко мора сеојy землу, rfIje саме оне живе на их Бог пошл е амо (кад луди зло раде и много гри|жеше) и каже им - колико пе луди поморити». Обыкновенно насчитываются три сестры Куги. Во время чумы селяне не решаются оставлять до утра немытой посуды, ибо Куга приходит ночью в избу и если найдет немытые блюда и ложки, то отравляет их; в этом поверье она сближается с богинею Гольдою, царицею нерожденных и усопших душ, которая не терпит беспорядка в домах и наказует нерадивых слуг и хозяев. Чтобы сойти на землю, Куге приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своем она переправляется через реку. Колесница Чумы заменяется иногда ладьею, порой эта злобная дева, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозит души умерших. Когда в царствование Юстиниана свирепствовала чума, то на море видели медную барку; в ней сидели черные мужи без голов, и куда направляли они свой путь, там немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданию, Чума переезжала на ладье через реку Саву. В замену платка, которым веет Моровая дева, германские предания говорят о венике: этот платок -метафора бурного облака, а веник - необходимый атрибут ведьмы, символ вихря, нагоняющего туманы и тучи.

В Норвегии Pesta, тощая, бледная старуха, ходит по земле с граблями и веником, где она действует первым орудием - там еще остаются некоторые в живых: грабли не все дочиста загребают, а где метет веником - там решительно все умирают; часто она появляется в красном платье. Шведские саги рассказывают о старой деве (Pestjungfran), что впереди ее идет крошечный и прекрасный мальчик (эльф) с железными граблями (rifva - reibeisen), а сама она выступает с веком, и что остается в живых от ее передового

спутника - то все подметает безжалостной рукою.

Мифические представления, соединяемые с моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотский падеж. На Руси Холеру представляют старухой, с злобным, искаженным страданиями лицом [59 - Во Владимирской губ. ее называют собачьей смертью.]; в Малороссии уверяют, что она носит красные сапоги, может ходить по воде, беспрестанно вздыхает и по ночам бегает по селу с возгласом: «Була бида, буде лыхо!»

Где она остановится переночевать, в том доме не уцелеет в живых ни единого человека. В некоторых деревнях чают, что Холера является из-за моря и что их - три сестры [60 - Или: брат и две сестры.], одетых в белые саваны; однажды мужик, отправляясь на базар в город, подвез с собою двух сестер Холер, они сидели на возу, держа на коленях узелки с костями; одна из них отправлялась морить людей в Харьков, а другая - в Курск.

Сходно с этим новогреческое сказание упоминает о трех страшных женах, которые странствуют вместе по городам и селам и карают жителей моровою язвою: одна носит длинный свиток, где записаны имена приговоренных к смерти, другая - ножницы, которыми наносит людям смертельные удары, а третья - веник, которым сметает с лица земли все живое. Очевидно, что эти три Моровые жены, сербские три Куги и наши три сестры Холеры тождественны с древними парками, эвменидами и фуриями! Болгары утверждают, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночам, читают по книге, кто должен умереть и кто выздороветь.

0 чуме рогатого скота русские поселяне рассказывают, что это безобразная старуха, у которой руки с граблями; она называется Коровья или Товаряча. Смерть и сама редко заходит в села, а большею частию ее завозят. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинает страдать от бескормицы и дурной погоды. В феврале месяце, по мнению крестьян, Коровья смерть пробегает по селам - чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее в леса и болота, совершается торжественный обряд опахивания, то есть около селения обводится круговая, со всех сторон замкнутая черта, через которую Чума не в силах переступить. Обряд этот употребляется и против холеры.

Я. Гримм сообщает следующий рассказ: встретила Чума крестьянина и попросила подвезти себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянин стал молить о собственной пощаде, и Чума научила его обежать нагишом вокруг своего дома и закопать у порога железный крюк. Вместо того крестьянин обежал вокруг всей деревни, а железо закопал при самом ее въезде. Язва страшно свирепствовала в окрестностях, но не могла проникнуть в деревню, огражденную невидимою чертою и железным запором. Коровья смерть нередко принимает на себя образ черной собаки или коровы и, разгуливая между стадами, заражает скот. У нас ее называют морною коровою, в Шлезвиг-Голыптейне -Kuhtod и Viehschelm; в Ирландии рассказывают о быке-эльфе (elfstier), который осенью приходит на сжатые поля и смешивается с деревенскими стадами. У словенцев чума рогатого скота олицетворяется пестрым теленком: своим мычаньем этот оборотень умерщвляет коров и овец. В Томской губернии сибирская язва представляется в виде высокого, мохнатого человека с копытами на ногах; он живет в горах и выходит оттуда, заслыша клятвы «язей те!», «пятнай те!» [61 - У болгар существует поверье, что Чума или Оспа, желая удалиться из деревни, является кому-нибудь во сне и требует, чтобы он проводил ее в такую-то сторону. Избранный в проводники берет хлеб, намазанный медом, немного соли и штоф вина; утром, перед восходом солнца, он идет на указанное место, как бы сопутствуя незримой страннице, и там оставляет хлеб, соль и вино. После того болезнь прекращается.].

Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни

Народные предания ставят ведуна и ведьму в весьма близкое и несомненное сродство с теми мифическими существами, которыми фантазия издревле населяла воздушные области. Но есть и существенное между ними различие: все стихийные духи более или менее удалены от человека, более или менее представляются ему в таинственной недоступности; напротив, ведуны и ведьмы живут между людьми и с виду

ничем не отличаются от обыкновенных смертных, кроме небольшого, тщательно скрываемого хвостика. Простолюдин ищет их в собственной среде; он даже укажет на известных лиц своей деревни как на ведуна или ведьму и посоветует их остерегаться. Еще недавно почти всякая местность имела своего колдуна, и на Украине до сих пор убеждены, что нет деревни, в которой не было бы ведьмы. К ним прибегают в нужде, просят их помощи и советов; на них же обращается и ответственность за все общественные и частные бедствия.

Ведун и ведьма (ведунья, вещица - от корня вед, вещ) означают вещих людей, наделенных духом предвидения и пророчества, поэтическим даром и искусством целить болезни. Названия эти совершенно тождественны со словами «знахарь» и «знахарка», указывающими на то же высшее ведение [62 - Нем. hexe Я. Гримм объясняет скандинавским hagr - dexter, artifi ciosus; следовательно, hexe - то же, что лат. saga, т. е. хитрая, мудрая (вещая) жена.]. Областные говоры, летописи и другие старинные памятники предлагают несколько синонимов для обозначения ведуна и ведуньи, называют их колдунами, чародеями, кудесниками и волхвами, вещими женками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками.

Чары- это те суеверные, таинственные обряды, какие совершаются, с одной стороны, для отклонения различных напастей, для изгнания нечистой силы, врачевания болезней, водворения семейного счастия и довольства, а с другой - для того, чтобы наслать на своих врагов всевозможные беды и предать их во власть злобных, мучительных демонов. Чаровник, чародеец [63 - Слово, встречающееся в Святославовом Изборнике и у митрополита Кирилла.] - тот, кто умеет совершать подобные обряды, кому ведомы и доступны заклятия, свойства трав, корений и различных снадобий; очарованный - заклятый, заколдованный, сделавшийся жертвою волшебных чар. Кудесник, по объяснению Памвы Берынды, чаровник; в Рязанской губернии окудник - колдун; кудесить - колдовать, ворожить, кудеса - в Новгородской и Вологодской губерниях: святочные игрища и гадания, а в Тульской - чара, совершаемая колдуном с целию умилостивить разгневанного домового и состоящая в обрядовом заклании петуха (остаток древней жертвы пенатам). Стоглав замечает, что когда соперники выходят на судебный поединок, «и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют».

В основе приведенных слов лежит корень куд (чуд); старочеш. cüditi - очищать, zuatocudna - вода, то есть очистительная, cudar - судья (по связи древнего суда с религиозными очистительными обрядами). Профессор Срезневский указывает, что глагол кудити употребляется чехами в смысле заговаривать; у нас прокуда - хитрый, лукавый человек [64 - Прокудливая берёза = чтимая язычниками.]. Корень чуд вполне совпадает по значению с див (светить, сиять); как от последнего образовались слова «диво», «дивный», «дивиться», так от первого - «чудо» (множ. чудеса = кудеса), «чудный», «чудесный» (в Новгородской губернии- кудесный), «чудиться», как с словом «кудеса» соединяется понятие о чародействе, так тот же самый смысл присваивают древние памятники и речению дивы. В Святославовом Изборнике (1073 г.) читаем: «. дане будеть влхвуяй влшьбы, или вражай и чяродсиць, или баяй [65 - От баяти - заговаривать.] и дивы творяй и тробьный влхв»; Кормчая книга запрещает творить коби [66 - Кобь - в старинных рукописях: волшебство, а в совр. языке (в Пермск. губ.): худое дело, зло.] и дивы. Сверх того, дивами издревле назывались облачные духи - великаны и лешие (дивии люди и дивожены); согласно с этим, и словам «чудо», «чудовище» давалось и дается значение исполина, владыки небесных источников и лесов.

Таким образом, язык ясно свидетельствует о древнейшей связи чародеев и кудесников с тученосными демонами - великанами и лешими; связь эта подтверждается и сканд. troll, которое служит общим названием и для тех, и для других. Слово «колдун» в коренном его значении доселе остается неразъясненным. По мнению г. Срезневского, колдуном (славянский корень клъд - колб или калд - клуб - куд) в старое время называли того, кто совершал жертвенные приношения; в хорутанском наречии калдовати- приносить жертву, калдо ванц - жрец, калдовница и калдовише - жертвенник.

В словаре Даля колдовать истолковано как ворожить, гадать, творить чары («чем он колдует? снадобьями, наговорами»). Наконец, волхв - название, известное из древних

рукописей и доныне уцелевшее в лубочных сказках и областных говорах: у Нестора слова «волхв» и «кудесник» употребляются как однозначащие, в переводе Евангелия: «се волсви от восток приидоше во Иерусалим» (Матф. II, 1); в троянской истории о Колхасе сказано: «влхов и кобник хитр», в Вологодской губернии волхат (волхит) - колдун, волхатка (волхвитка) - ворожея, в Новгородской волх- колдун, угадчик, прорицатель, в Калужской валхвить - предугадывать, предузнавать, малорус, волшити - хитрить; производные волшебный, волшебство пользуются гражданством и в литературной речи; у болгар волхв, вохв- прорицатель, волшина- брань, хорв. вухвец, вуховец - python и вухвица - pythonissa, у Вацерада: phytones, sagapetae = wlchwec, wlchwico.

Сверх дара прорицаний волхвам приписывается и врачебное искусство. Рядом с мужскою формою «волхв» встречаем женскую «влхва», которой в скандинавском соответствует völva (valva, völa, vala) - колдунья, пророчица - и притом, по свидетельству древней Эдды (см. Voluspa), существо вполне мифическое. Г. Буслаев сближает с этими речениями и фин. volho, velho - колдун; «как сканд. volva, - говорит он, - является в сжатой форме vola, так и фин. völho, velho - колдун; «как сканд. völva, - говорит он, -является в сжатой форме völa, так и фин. völho изменяется в völlo. По свойству славянского языка гласный звук перед плавным переходит по другую сторону плавного, например helm - шлем; потому völva, völho является в Остромировом Евангелии в древнеславянской форме влхв, а русский язык ставит гласный звук и перед плавным и после, например шелом: следовательно, волхв или волхов (у Нестора: волсви), собственно, русская форма». Корень для слова «волхв» г. Буслаев указывает в санскр. валг - светить, блистать, подобно тому, как жрец происходит от жреть, гореть [67 - Связь колдовства с жертвоприношениями подтверждается и свидетельствами немецкого языка: fornaeskja - колдовство и form - жертва; zoupar, др. - верхненем. zepar, англосакс. teafor и tifer роднят оба эти понятия.] и старинное поучительное слово принимает имена «волхв» и «жрец» за тождественные по значению.

Итак, обзор названий, присваивавшихся ведунам и ведьмам, наводит нас на понятия высшей, сверхъестественной мудрости, предвидения, поэтического творчества, знания священных заклятий, жертвенных и очистительных обрядов, умения совершать гадания, давать предвещания и врачевать недуги.

Все исчисленные дарования исстари признавались за существенные, необходимые признаки божественных и демонических существ, управлявших дождевыми тучами, ветрами и грозою. Как возжигатель молниеносного пламени, как устроитель семейного очага, бог-громовник почитался верховным жрецом; с тем же жреческим характером должны были представляться и сопутствующие ему духи и нимфы. Как обладатели небесных источников, духи эти и нимфы пили «живую воду» и в ней обретали силу поэтического вдохновения, мудрости, пророчества и целений - словом, становились вещими: ведунами и ведьмами. Но те же самые прозвания были приличны и людям, одаренным особенными талантами и сведениями в деле вероучения и культа; таковы служители богов, гадатели, ворожеи, врачи, лекарки и поэты, как хранители мифических сказаний.

В отдаленную эпоху язычества ведение понималось как чудесный дар, ниспосылаемый человеку свыше; оно по преимуществу заключалось в умении понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы, молить и заклинать ее стихийных деятелей; на всех знаниях, доступных язычнику, лежало религиозное освящение: и древний суд, и медицина, и поэзия - все это принадлежало религии и вместе с нею составляло единое целое. «Волсви и еретицы и богомерские бабы-кудесницы и иная множайшая волшебствуют», - замечает одна старинная рукопись, исчислив разнообразные суеверия.

Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сих пор еще занимаются по деревням и селам врачеваниями. Болезнь рассматривается народом как злой дух, который после очищения огнем и водою покидает свою добычу и спешит удалиться. Народное лечение главнейшим образом основывается на окуривании, сбрызгивании и умывании, с произнесением на болезнь страшных заклятий. По общему убеждению, знахари и знахарки заживляют раны, останавливают кровь, выгоняют червей, помогают от

укушения змеи и бешеной собаки, вылечивают ушибы, вывихи, переломы костей и всякие другие недуги [68 - Во многих местах коновалы считаются за колдунов.]; они знают свойства как спасительных, так и зловредных (ядовитых) трав и кореньев, умеют приготовлять целебные мази и снадобья, почему в церковном уставе Ярослава наряду с чародейками поставлена зеленица (от зелье - злак, трава, лекарство, озелить- обворожить, околдовать, стар, зелейничество - волшебство); в областном словаре: травовед - колдун (Калужская губ.), травница и кореныцица - знахарка, колдунья (Нижегородская губ.).

В травах, по народному поверью, скрывается могучая сила, ведомая только чародеям; травы и цветы могут говорить, но понимать их дано одним знахарям, которым и открывают, на что бывают пригодны и против каких болезней обладают целебными свойствами. Колдуны и ведьмы бродят по полям и лесам, собирают травы, копают коренья и потом употребляют их частию на лекарства, частию для иных целей; некоторые зелья помогают им при розыске кладов, другие наделяют их способностью предвидения, третьи необходимы для совершения волшебных чар. Сбор трав и корений главным образом совершается в середине лета, на Ивановскую ночь, когда невидимо зреют в них целебные и ядовитые свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года восстает против этого обычая в следующих выражениях: «.исходят обавници, мужи и жены-чаровници по лугам и по болотам, в пути же ив дубравы, ищуще смертные травы и привета чревоотравного зелиа, на пагубу человечеству и скотом; ту же и дивиа копают кореиа на потворение и на безумие мужем; сиа вся творят с приговоры действом дияволим».

Заговоры и заклятия, эти обломки древнеязыческих молитвенных возношений, доныне составляют тайную науку колдунов, знахарей и знахарок; силою заповедного слова они насылают и прогоняют болезни, соделывают тело неуязвимым для неприятельского оружия, изменяют злобу врагов на кроткое чувство любви, умиряют сердечную тоску, ревность и гнев и, наоборот, разжигают самые пылкие страсти - словом, овладевают всем нравственным миром человека.

Лечебные заговоры большею частью произносятся над болящим шепотом, почему глагол шептать получил значение колдовать; шептун - колдун, наговорщик, шептунья, или шептуха, - колдунья, у южных славян лекарь называется «мумлавец» от мумлати - нашептывать; в некоторых деревнях на Руси слово «ворожея» употребляется в смысле лекарки, ворожиться- лечиться, приворожа- таинственные заклятия, произносимые знахарями, ворожбит- колдун, знахарь [69 - У чехов лечением недугов заведовали vestci, hovorici, zaklinaci, carodejnici, hadaci.]. В народной медицине и волшебных чарах играют значительную роль наузы, узлы, навязки- амулеты. Старинный проповедник, исчисляя мытарства, по которым шествует грешная душа по смерти, говорит: «Тринадцатое мытарство - волхование, потворы, наузы».

Софийская летопись под 1044 годом рассказывает о Всеславе: «.матери бо родивши его, бе ему на главе знамя язвено - яма на главе его; рекоша волсви матери его: се язвеио, навяжи нань, да носить ё (наузу) до живота своего на себе». По свидетельству Святославова Изборника, «проклят бо имей надеждж на человека: егда бо ти детищь болить, то ты чародеиць иштеши и облишьная писания на выя детьм налагавши».

В вопросах Кирика, обращенных к новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женах, которые приносили больных детей к волхвам, «а не к попови на молитву». В слове о злых дусех, приписанном святому Кириллу, читаем: «. а мы суще истинные христиане прельщены есмы скверными бабами. оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) наузы (наузами) много верные прельщают: начнеть на дети наузы класти, смеривати, плююще на землю, рекше - беса проклинасть, а она его боле призываеть творится, дети врачующе»- и несколько ниже: «.а мы ныня хотя мало поболим, или жена, или детя, то оставлыпе Бога- ищем проклятых баб-чародеиць, наузов и слов прелестных слушаем».

В Азбуковнике, или Алфавите, сказано: «.а бесовска нарицапия толкованы сего ради, понеже мнози от человек приходя щи к волхвам и чародеем, и приемлют от них некакая бесовская обояния наюзы и носят их на собе; а иная бесовская имена призываху волхвы и чародеи над естваю и над питием и дают вкушати простой чади, и тем губят душа

человеческая; и того ради та зде писаны, да всякому православному христианину яве будет имя волчье, да нехто неведы имя волчие вместо агнечя при и мет неразумием, мня то агнечье быти» [70 - По другим спискам это место читается так: «.отпадшая же, рекша бесовская имена на обличение волхвом и чародеем зде написахом толковании; повеже чародеи и волхвы, написуще бесовская имена, дают их простым людям, повелевающе им тая имена носити; иногда же и на ядь какову написующе или над питием именующе -дают та снедати простой чади. Сего ради зде объявихом имена сатанинская, да никто же от простой чади волчье имя приимет, и вместо света тму удержав, неразумия ради душу свою погубит». «Понеже бо злочестивии волхвы и чародеи в различных их мнимых заговорных молитвах пишут иностранною речью бесовская имена, так о же творят и над питием, шепчюще призывают та злая имена и дают ту ядь и питие болным вкушати, овем же с теми злыми имены наюзы на персех дают носити».].

Митрополит Фотий в послании своем к новгородцам (1410 г.) дает такое наставление церковным властям: «.учите (прихожан), чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примовленья, ни зелиа, ни вороженья». Но обычай был сильнее этих запретов, и долго еще «мнози от человек, приходя щи к волхвам и чародеям, принимали от них некая бесовская наюзы и носили их на себе». В рукописных сборниках поучительных слов XVI столетия встречаем упреки: «.немощ волшбою лечат и назы чаровании и бесом требы приносят, и беса, глаголемаго трясцю (лихорадку) творят(ся) отгоняющи. Се есть проклято. Того деля многи казни от Бога за неправды наши находят; не рече бо Бог лечитися чаровании и наузы, ни в стречу, ни в по лаз, ни в чех веровати, то есть поганско дело».

Царская окружная грамота 1648 года замечает: «.а иные люди тех чародеев и волхвов и богомерских баб в дом к себе призывают и к малым детем, и те волхвы над больными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование» [71 - В житие Зосимы и Савватия занесен рассказ о новгородском госте Алексее Курнекове, который обращался к волхвам, испрашивая у них помощи своему болящему сыну «и ничтоже успеше».]. Болгарская рукопись позднейшего письма осуждает жен, «кои завезують зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезують деца малечки» (детей). Знахарям, занимавшимся навязыванием таких амулетов, давались названия наузника и узольника, как видно из одной рукописи Санкт-Петербургской публичной библиотеки, где признаны достойными отлучения от святого причастия: обавник, чародей, скоморох и узольник.

Наузы состояли из различных привязок, надеваемых на шею: большею частию это были травы, коренья и иные снадобья (уголь, соль, сера, засушенное крыло летучей мыши, змеиные головки, змеиная или ужовая кожа и проч.), которым суеверие приписывало целебную силу от той или другой болезни; смотря по роду немощи, могли меняться и самые снадобья [72 - Наузы (чеш. navusi, navasy; navasovati - колдовать) в употреблении и между другими славянскими племенами.]. Иногда, вместо всяких целительных средств, зашивалась в лоскут бумажка с написанным на ней заговором и привешивалась к шейному кресту. У германских племен привязывались на шею, руку или другую часть тела руны (тайные письмена) для излечения от болезни и противодействия злому колдовству, и амулеты эти назывались ligaturae (в Средние века) и angehenke.

В христианскую эпоху употребление в наузах ладана (который получил особенно важное значение, потому что возжигается в храмах) до того усилилось, что все привязки стали называться ладанками - даже и тогда, когда в них не было ладану. Ладанки до сих пор играют важную роль в простонародье: отправляясь в дальнюю дорогу, путники надевают их на шею в предохранение от бед и порчи. В XVII веке был приведен в приказную избу и наказан батогами крестьянин Игнашка за то, что имел при себе «корешок невелик, да травки немного завязано в узлишки у (шейного) креста».

Навешивая на себя лекарственные снадобья или клятвенные, заговорные письмена, силою которых прогоняются нечистые духи болезней, предки наши были убеждены, что в этих наузах они обретали предохранительный талисман против сглаза, порчи и влияния демонов и тем самым привязывали, прикрепляли к себе здравие. Подобными же наузами девы судьбы привязывали новорожденным младенцам дары счастия -

телесные и душевные совершенства, здоровье, долголетие, жизненные радости и проч.

Народные сказания смешивают дев судьбы с вещими чародейками и возлагают на тех и других одинаковые обязанности; так, скандинавские вельвы отождествляются с норнами: присутствуют и помогают при родах и предсказывают будущую судьбу младенца. В той же роли выступали у славян вещие женки, волхвицы; на это указывает, с одной стороны, обычай приносить детей к волхвам, которые и налагали на них наузы, а с другой стороны-областной словарь, в котором повитуха, помощница при родах, называется «бабка», глагол же бабкать означает нашептывать, ворожить.

Но приведенное нами объяснение далеко не исчерпывает всех поводов и побуждений, какими руководствовались в старину при наложении науз. Речения связывать, делать узлы, опутывать могут служить для указания различных оттенков мысли и, смотря по применению, получают в народных преданиях и обрядах разнообразное значение. В заговорах на неприятельское оружие выражения эти означают то же, что запереть, забить вражеские ружья и тулы, чтоб они не могли вредить ратнику: «.завяжу я, раб Божий, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия; и стрельцы бы из пищалей меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча змеиная сокрыта - от змея двунадесятьглавого».

По сходству ползучей, извивающейся змеи и ужа с веревкою и поясом, сходству, отразившемуся в языке (ужище - веревка = гуж и уж; в народной загадке пояс метафорически назван ужом), чародейным узлам заговора дастся та же могучая сила, какая приписывается мифическому многоглавому змею. В старину верили, что некоторые из ратных людей умели так «завязывать» чужое оружие, что их не брали ни сабли, ни стрелы, ни пули. Такое мнение имели современники о Стеньке Разине.

Увидевши первый цвет на огурцах, тыквах, арбузах или дынях, хозяйка перевязывает огудину красною ниткою из пояса и произносит: «Як густо сей пояс вязався, щоб так и мои огурочкы густо вязались у пупянкы в огудини». Здесь высказывается желание, чтобы не было пустоцвета; цвет, зарождающий плод, называется завязью, и на этом слове создались самый заговор и сопровождающий его обряд. Того, кто сажал в печь свадебный каравай, подвязывают утиральником и сажают на покутье, чтоб каравай не разошелся, не расплылся.

Чтобы ребенок стал скорее ходить, для этого на Руси разрезывают ножом промеж его ног те невидимые путы, которые задерживают его ходу. Подобных поверий и обрядов много обращается в среде поселян. Относительно болезней и вообще всякого зловредного влияния нечистой силы речение связывать стало употребляться, во-первых, в значении заповедного слова, связывающего мучительных демонов и тем самым подчиняющего их воле заклинателя. Апокрифическое слово о кресте честне (по болгарской рукописи) заставляет Соломона заклинать демонов принести ему третье древо этой формулой: «Завязую вас аз печатаю Господнею». Припомним, что печать в старину привешивалась на завязанном шнуре [73 - Печать- эмблема излагаемых уз: запечатать кому уста- все равно что «завязать кому рот», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играет это слово в заговорах на становление крови («запечатать рану»), вследствие сродства его с выражением «кровь или рана запеклась».]. Тою же формулой действует заговор и против злых колдунов и ведьм: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упирцу (уста и язык) на раба Божия (имярек) зла не мыслити».

Завязать получило в устах народа такой смысл воспрепятствовать, не допустить: «мини як завязано» (малоросс.) - мне ничто не удается. Заговорные слова, означавшие победу заклинателя над нечистыми духами болезней и смерти, опутывание их, словно пленников, цепями и узами (по необходимому закону древнейшего развития, когда все воплощалось в наглядный обряд) вызвали действительное завязывание узлов; узлы эти завязывались на теле больного, так как, по древнему воззрению, демон болезни вселялся в самого человека.

До сих пор еще наузы нередко состоят из простой нитки или бечевки с узлами; так, от лихорадки носят на руках и ногах повязки из красной шерсти или тесьмы; девять ниток

такой шерсти, навязанные на шею ребенка, предохраняют его от скарлатины (краснухи); от глистов употребляют то же навязывание пряжи на детей [74 - Красная повязка оберегает ребенка от порчи.]. Красный цвет нити указывает в ней символическое представление молнии, прогоняющей всякую демонскую силу. В Тверской губернии для охраны стада от зверей вешают на шею передовой [75 - Корова, которая ходит впереди стада.] коровы сумку с каким-то снадобьем; сумка эта называется «вязло», и значение чары состоит в том, что она связывает пасть дикого зверя.

При весеннем выгоне лошадей в поле крестьяне берут висячий замок и, то запирая его, то отмыкая, обходят трижды кругом стада и причитают: «Замыкаю я сим булатным замком серым волкам уста от моего табуна». За третьим обходом запирают замок окончательно и кладут его в воротах, через которые выгоняют лошадей, после того подымают замок и прячут где-нибудь, оставляя замкнутым до поздней осени, пока табун гуляет в поле. Крепкое слово заговора, словно ключом, замыкает уста волков.

Подобным образом болгары думают сберечь свои стада суеверным обрядом, основанным на выражении зашить волчьи уши, очи и уста. Вечером баба берет иголку с ниткою и начинает зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчик ее спрашивает: «Что шиеш, бабо?» - «Зашивам, сынко, на влъцыте уши-те, да не чуят овце-те, козы-те, свинете и теленца-та». Мальчик повторяет свой вопрос и получает ответ: «Зашивам, сынко, на влъцы-те очите, да не видят овце-те» ит. д. В третий раз баба говорит: «Зашивам на влъцы-те устате, да не едят» овец, коз, свиней и телят» [76 - В Смоленской губернии, выгоняя скот на Юрьев день в поле, читают следующее заклятие: «Глухой, глухой! ци слышишь? - Не слышу! - Когда б дал Бог, чтоб волк не слыхал нашего скота. Хромой, хромой! ци дойдзешь? - Не дойду! - Когда б дал Бог - не дошел волк до нашего скота. Слепой, слепой! ци видзишь? - Не вижу! - Дай Бог, чтоб волк не видал нашего скота».]. Во-вторых, науза рассматривалась как крепкий запор, налагаемый на человека с целию преградить (замкнуть, завязать) доступ к его телу.

Нить или бечева с наглухо затянутыми узлами или еще лучше- сеть (потому что нигде нет столько узлов, как на ней) почитаются охранительными средствами против нечистой силы, колдунов и ведьм. Чтобы поймать ведьму, должно спрятаться под осиновую борону и ловить ее уздою; под бороною она не может повредить человеку, так как верхняя часть бороны делается из свитых (сплетенных) вместе лоз. В некоторых местах, наряжая невесту к венцу, накидывают на нее бредень (рыболовную сеть) или, навязав на длинной нитке как можно более узелков, подвязывают ею невесту, делается это с намерением противодействовать порче. Точно так же и жених и самые поезжане опоясываются сеткою или вязаным поясом - в том убеждении, что колдун ничего злого не в силах сделать до тех пор, пока не распутает бесчисленных узлов сети или пока не удастся ему снять с человека его пояс [77 - Кто желает добыть шапку-невидимку или неразменный червонец от нечистого, тот, по народному поверью, может выменять у него эти диковинки на черную кошку, но непременно должен обвязать ее сетью или ниткою с узелками, а то беда неминучая! Сказанное же средство спасает от несчастья, потому что нечистый до тех пор связан в своих злобных действиях, пока не распутает всех узлов.].

Некоторые крестьяне думают, что ходить без пояса грешно. В-третьих, с наузою соединялось понятие целебного средства, связующего и скрепляющего разбитые члены больного. Если разовьется рука, то есть заболит связка ручной кисти [78 - То место, где кисть руки соединяется с костью, идущей от локтя, крестьяне называют: «заве(и)ть».], то на Руси принято обвязывать ее красной пряжею. Такое симпатическое лечение известно и у немцев. Кроме того, на Vogelsberg'е от лома в костях носят железные кольца, выкованные из такого гвоздя или крюка, на котором кто-нибудь повесился. Чтобы избавиться от головной боли, немцы обвязывают виски веревкой, на которой был повешен преступник; во Франции же такую веревку носят для отвращения зубной боли: эта повязка должна закрепить и череп, и зубы.

В случае вывиха или перелома и у нас, ив Германии поселяне отыскивают дерево, которое, разделившись на две ветви, потом снова срослось в один ствол, и в образовавшееся от того отверстие протаскивают больных детей; иногда нарочно раскалывают молодое зеленое дерево (преимущественно дуб) надвое, протаскивают

больного сквозь расщепленные половины и потом связывают их веревкою: пусть так же срастется поломанная кость, как срастается связанное дерево.

Наконец, есть еще обычай, в силу которого снимают с больного пояс и бросают на дороге; кто его подымет и наденет на себя, тот и заболеет, то есть к тому болезнь и привяжется, а хворый выздоровеет.

Вещие мужи и женки призываются для унятия разгневанного домового, кикимор и разных враждебных духов, овладевших жильем человека; они обмывают притолки от лихорадок, объезжают с особенными обрядами поля, чтобы очистить их от вредных насекомых и гадов; когда на хлебные растения нападает червь, то нарочно приглашенная знахарка три зори выходит в поле, нашептывает заклятия и делает при концах загонов узлы на колосьях, это называется «заламывать червей», то есть преграждать им путь на зеленеющие нивы.

Колдун - необходимое лицо на свадьбах, на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всех поезжан от порчи. В Пермской губернии при невесте всегда находится знахарка, а при женихе - знахарь. Этот последний едет впереди свадебного поезда с озабоченным лицом, озираясь по сторонам и нашептывая: по народному объяснению, он борется тогда с нечистою силою, которая следует за новобрачными и строит им козни. Вообще в затруднительных обстоятельствах жизни: нападает ли на сердце кручина, приключится ли в доме покража или другая беда, отгуляет ли лошадь, угрожает ли мщение врага и так далее - во всех этих случаях крестьяне прибегают к колдунам и колдуньям и просят их помощи и советов. Так ведется исстари. По свидетельству «Слова о злых дусех», «когда людям кака-либо казнь найдеть, или от князя пограбление, или в дому пакость, или болезнь, или скоту их погуба, то они текуть к волхвом, в тех бо собе помощи ишуть».

В Святославовом Изборнике замечено: «.аште и сн (сон) тя смоутить, к сньноуоумоу сказателю течеши; аште и погоубиши (потеряешь) что, то к влхвоу течеши». Колдуны и ведуньи тотчас обличают вора и находят потерянную вещь; они обладают способностью проникать в чужие мысли, знают все былое, настоящее и грядущее; для них достаточно посмотреть человеку в очи или прислушаться к его голосу, чтобы в ту же минуту овладеть его тайною.

От глубокой древности и до наших дней их считают призванными совершать гадания, ворожить и давать предвещания. Великий князь Олег обращался к волхвам с вопросом, какая суждена ему смерть, и получил в ответ: «Князь! ты умрешь от любимого коня». Рассказавши о том, как сбылось это предвещание, летописец прибавляет: «Се же дивно есть, от волхования сбывается чародейством». По указанию Краледворской рукописи, Кублай собирал чародеев и те гадали ему, на чью сторону должна склониться победа. Те же вещие дарования нераздельны и с понятием жречества.

Везде, где только были жрецы и жрицы, на них возлагались обязанности творить суд, совершать гадания, предсказывать будущее, произносить заклятия и врачевать недуги [79 - У литовцев, например, жрецы давали прорицания, гадали по крику птиц, лечили болезни, заживляли раны, останавливали кровь, навязывали амулеты и проч.; верховный жрец назывался у них «кривее кривейте» - судья судей. По чешскому преданию, у Крока были три вещие дочери, из которых одна знала силу трав, умела целить болезни и ведала все, о чем вы бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чехов поклоняться богам и приносить им жертвы, а третьей, Любуше, принадлежали суд и управа.]; с водворением же христианства некоторые из этих обязанностей были усвоены служителями новой религии. Не останавливаясь на так называемых Божьих судах и заклинательных молитвах, наполняющих старинные служебники, заметим одно, что во все продолжение Средних веков духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частию религиозными обрядами, частию средствами, наследованными от незапамятной старины [80 - ПСРЛ, I, 81: «.аще кто коли принесяше детищь болен. ли свершен человек, каем-либо недугом одержим, приходящее в манастырь к слаженному Феодосью - повслеваше сему Демьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и маслом помазаше и приимаху и(с)целенье приходящие к нему».]. Наделяя вещих жен и мужей теми же эпитетами и названиями, какие употреблялись для обозначения облачных духов, присваивая тем и другим

тождественные признаки, естественно было породнить и смешать их: за первыми признать стихийные свойства, а последних низвести на землю и поставить в условия человеческой жизни.

Большая часть народных поверий о ведунах и ведьмах представляет такие яркие, знаменательные черты древнейших воззрений на природу, которые не оставляют ни малейшего сомнения, что первоначально они могли относиться только к демонам облачного мира. Таковы поверья:

a) о наслании ведунами и ведьмами грозовых туч, бурных вихрей и града;
b) о скрадывании ими росы, дождей и небесных светил;
c) о их полетах в воздушных пространствах;
d) о сборищах на Лысой горе, неистовых плясках и нечестивых оргиях;
e) о доении ведьмами коров;
f) о влиянии колдовства на земное плодородие и, наконец,
g) о волшебной силе оборотничества.

В Германии ведьмам даются названия: wettermacherin, wetlerhexe, nebelhexe, sirahlhexc, blitzhexe, zessenmacherin (от стар, zessa - sturm, буря, гроза), что, во-первых, роднит их с валькириями, которые носятся на облачных конях и сотрясают на землю росу, во-вторых -сближает их с сербскими вилами, собирательницами облаков, и в-третьих- напоминает Γρεπ.υεφελητής - один из эпитетов Зевса. Славянская «Кормчая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называют чародеев облако-прогонниками; митрополит Даниил советует налагать запрещение на «глаголемых облакопрогонников и чаровников и паузников и волшебников».

В Западной Европе существует глубоко укорененное верование, что колдуны и ведьмы могут носиться в тучах, производить грозы, напутать бури, дождевые ливни и град. Верование это идет из отдаленной древности. Фессалийские волшебницы обвинялись, между прочим, и во всех бедствиях, причиняемых опустошительными бурями. В средневековых памятниках (VIII-IX вв.) чародеи именуются tempestarii, immissores tempestalum, и это основывалось на общем убеждении, что «homo malus vel diabolus tempestatem facial, lapides grandinum spergat, agros devastet, fulgura mitlat». Скандинавская сага говорит о двух полубогинях-получародейках Ирпе и Торгерде (Yrpa и Thorgerd), которые производили ненастье, бури и град.

Из преданий, сохраненных германскими племенами, узнаем, что колдуны и ведьмы употребляют для этого кружки или чаши. Подобно тому как древние боги и богини проливали из небесных урн дожди и росу, так точно колдуны и ведьмы, уносясь в воздушные выси, посылают из свои кружек разрушительную бурю; опрокидывая одну кружку, они творят гром и молнии, из другой пускают град и метели, из третьей - суровые ветры и ливни.

Облака и тучи, содержащие в своих недрах дождь, град и снег, в поэтических сказаниях старины представлялись сосудами, котлами и бочками, в которых изготовлялся и хранился волшебный напиток, или небесными родниками и колодцами. На этих давно позабытых метафорах основаны многие из народных поверий. Так, о ведьмах рассказывают, что, погружая в воду горшки и взбалтывая ее, они вызывают ненастье; с тою же целью они потрясают котлом или вздымают пыль против солнечного заката; сверх того, в своих котлах и горшках они стряпают (варят) непогоду, проливные дожди и град; рассказывают еще, что ведьмы пускают по воде синие огоньки, бросают в воздух кремневые камни (то есть возжигают в дождевых источниках молнии и мечут «громовые стрелки») и катают бочки, разрыв которых производит грозу и бурю.

По немецким актам XVI и XVII столетий, ведьмы собирались около озер и источников, били по воде хлыстами и, когда от летящих брызг поднимался туман, сгущали его в черные тучи; на этих тучах ездили они по воздушным пространствам, направляя их бег в ту сторону, где хотели произвести опустошение. Бросая в колодцы и пруды камни, чародеи могут вызывать грозы, дождин град: поверье, общее германцам с кельтами и финнами. И лоза, и камень - символы молнии. В Греции совершался следующий обряд: когда наступала засуха, Зевсов жрец шел к источнику, посвященному нимфе, творил там жертвоприношение: дубовою веткою касался поверхности вод; думали, что вследствие этого обряда непременно должны подняться туманы, собраться в облака и

напоить землю дождем.

Немецкая сага рассказывает о ведьме, которая из маленького облачка создала большую грозовую тучу и, носясь в ней, словно в воздушном корабле, воздвигла сильную бурю; на ту пору шел по дороге охотник; застигнутый ненастьем, он зарядил свое ружье освященной пулею и выстрелил в самую середину черной тучи, где мрак был сгущен всего больше, и вслед за выстрелом перед ним упала убитая голая женщина; в то же мгновение буря затихла и небо стало проясняться. Сказание это известно и словенцам; смысл его - тот, что облачная жена гибнет от громовой стрелы дикого охотника (Одина).

В Каринтии поселяне стреляют в грозовые тучи, чтобы разогнать злых духов, собирающихся в надземной области держать совет и уготовлять беды. Ветры, сопровождающие полет туч, заставили уподобить эти последние раздувательным мехам.

О норвежских чародейках сохранилось предание, что они заключали ветры в мешок (windsack) и завязывали его узлами, а в случае надобности разрешали эти узлы, произнося заклятие: «Wind, ins teufels namen!», ив ту же минуту подымался бурный вихрь, опустошал землю, волновал море и разбивал корабли.

Норманны и вообще жители северных поморий верили, что колдуны могли продавать ветры морякам, давая им кожаные мешки с волшебными узлами: когда развязывали один узел - начинали дуть тихие и благоприятные ветры, развязывали другой - ветры крепчали, а вслед за разрешением третьего узла - наставала страшная буря. Напомним, что с дующими ветрами фантазия сочетала представление о буйных, неистовых существах, которым удалось вырваться на свободу; в тихое же время они сидят в заключении, окованные и связанные своим владыкою.

Управляя ветрами, колдуны и ведьмы могут не только собирать, скучивать облака, но и прогонять их с небосклона и производить бездождие и засуху, не менее гибельные для жатв, как и безвременные ливни и все истребляющий град [81 - Фритиоф-сага предлагает следующее свидетельство: сыновья конунга Бели послали за двумя ведьмами, заплатили им деньги и заставили на погибель Фритиофа возбудить морскую бурю. Ведьмы приготовили пары и, взобравшись на утес, вызвали заклинаниями буйные ветры. Море запенилось, заклубилось, и пловцов окружила непроницаемая тьма.]. В Испании простолюдины убеждены, что ведьмы как только захотят - тотчас же добудут ветра, потому что им сам черт поддувает.

То же воззрение на колдовство разделялось и славянскими племенами. По их рассказам, ведуны и ведьмы могут по своему произволу и насылать и отвращать бури, грозы, дожди и град; могут морочить (затуманивать или отводить очи), то есть застилать окрестные места и предметы туманом, и, придавая им обманчивые образы, заставлять человека видеть совсем не то, что есть на самом деле.

В Малороссии ведьму называют «маара», а словом «заморока» обозначается и чаровница, и темнота ночная. Оба названия указывают на мрак, производимый наплывом черных туч. Эта связь с тучами и вихрями, в которых издревле рисовались народному воображению великаны, змеи и другие нечистые духи, враждебные светлым богам неба, наложила на колдунов и ведьм демонический характер.

В народных сказках колдун и ведьма нередко заступают место дракона или черта и, подобно им, налетают грозовою тучею, ударяют громом и сверкают молниями. Отсюда возник целый ряд суеверных преданий, по свидетельству которых чародеи и чародейки предаются дьяволу, заключают с ним договоры и действуют его именем, направляя свои вещие дарования не столько на пользу, сколько во вред и на пагубу человеческого рода [82 - Поэтому и в народных заклятиях испрашивают защиты «от бабьих зазор, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи, от ведьмы киевской и злой сестры ее - муромской».]. В Южной России существует любопытный рассказ о знахаре, который по собственному желанию мог располагать и дождем, и градом. Бывало, во время жатвы надвинется на небо дождевая туча, все бросятся складывать снопы, станут убираться домой, а ему и горя мало! «Не будет дождя!» - скажет он - и туча пройдет мимо. Раз как-то собралась страшная гроза, все небо почернело, но знахарь объявил, что дождя не будет, и

продолжал работать на своей ниве. Вдруг откуда ни возьмись скачет к нему черный человек на черном коне. «Пусти!» - умоляет он знахаря. «Ни, не пущу, - отвечает тот, - було не набирать так богато!» Черный ездок исчез, тучи посизели, побледнели, и мужики стали ожидать граду. Несется к знахарю другой ездок - весь белый и на белом коне. «Пусти, сделай милость!»-«Не пущу!» - «Эй, пусти- не выдержу!» Знахарь приподнял голову и сказал: «Ну, вже ступай, да тилько у той байрак, що за нивою». И вслед за тем град зашумел по байраку.

Чехи передают этот рассказ в такой форме: завидя градовую тучу, заклинатель решился отвести ее от засеянных полей на дальние пустынные горы, но из средины тучи раздался голос: «Пусти меня! я не в силах сдерживать больше». Заклинатель бросился к соседу своему - судье, выпросил у него позволение провезти груз через его владения, и через несколько минут все судейские поля были побиты градом; прочие же окрестные поля остались нетронутыми.

В бурных, стремительных ветрах поселяне усматривают полет колдуна или ведьмы. По немецкому выражению, колдун ездит на хвосту ветра, как скоро ему понадобится перенестись в дальнюю сторону. Ветер приглашает его: «Selz dich auf meinen schwanz!»

На Руси существует поверье, что на Благовещение, когда повеет весна, черти проветривают колдунов и с этою целью подымают их на воздух и держат головами вниз. От малорусов можно услышать следующее предание: работал мужик в поле, глядь- прямо на него летит вихрь, мужик выхватил из-за пояса секиру и бросил в самую средину вертящегося столба пыли. Вихрь понесся дальше и увлек за собою топор, вонзившийся в него, словно в дерево. Вскоре случилось этому мужику остановиться на ночлег в одной деревушке; было поздно, когда он вошел в хату, в которой еще светился огонь. В хате лежал больной, и на вопрос пришельца домашние сказали: «То наш батька скалечил себя секирою!» Располагаясь спать, мужик ненароком заглянул под лавку и увидел там свой собственный топор; тотчас узнал он, что ранил колдуна, и в страхе, чтобы не попасться ему на глаза, поспешил из хаты вон.

Таким образом, колдун, увлекаемый буйным ветром, подвергается удару топора- точно так же, как в вышеприведенной саге выстрел охотника поражает ведьму, несущуюся в бурной туче. О крутящемся вихре крестьяне наши думают, что это вертится нечистый дух, что это - свадебная пляска, которой предается он вместе с ведьмою; чехи о том же явлении выражаются: baby carujou, то есть ведьмы чаруют, подымают вихрь. Чтобы напугать путников, ведьма нередко превращается пыльным столбом и мчится к ним навстречу с неудержимою быстротою.

По народному поверью, если в столб пыли, поднятый вихрем, бросить острый нож, то можно поранить черта или ведьму и нож упадет на землю весь окровавленный [83 - Когда ведьма летит, должно воткнуть в землю нож, освященный на Светлое Христово Воскресенье, и она непременно опустится наземь.]. Канцлер Радзивилл, описывая в своих мемуарах страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждает, что ее произвели ведьмы: так глубоко проникли в народное убеждение заветы старины, что и самые образованные люди XVII века не теряли к ним доверия. Отсюда становится понятною примета, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправлении рыбаков в море; особенно стараются, чтобы она не видела, как забирают и кладут в лодку рыболовные и мореходные снасти, не то ожидай большой беды.

Примета эта возникла из боязни морской бури, которую может наслать тайная колдунья, если только сведает про отъезд рыбаков. Желая произвести засуху, ведьма- как скоро покажется дождевая туча - машет на нее своим передником, и туча удаляется с горизонта. С помощью «громовых стрелок» чародейки могут низводить с неба молнии, зажигать дома и поражать людей; словенские вештицы, подобно вилам, владеют губительными стрелами.

В Малороссии рассказывают, что ведьмы скрадывают с неба дождь и росу, унося их в завязанных кринках или мешках (в облачных сосудах и мехах) и запрятывая в своих хатах и коморах (кладовых). В старые годы похитила ведьма дождь, и во все лето не упало его ни единой капли. Раз она ушла в поле, а дома оставила наймичку и строго наказала ей не дотрагиваться до горшка, что стоял под покутом. Мучимая любопытством, наймичка достала горшок, развязала его, смотрит - внутри не видать

ничего, только слышится исходящий оттуда неведомый голос: «Вот будет дождь! вот будет дождь!» Испуганная наймичка выскочила в сени, а дождь уже льется словно из ведра! Скоро прибежала хозяйка, бросилась к горшку, накрыла его - и дождь перестал; после того принялась бранить наймичку. «Если б еще немного оставался горшок непокрытым, - сказала она, -то затопило бы всю деревню». Рассказ этот передается и с некоторыми отменами: ведьма запретила наймичке входить в одну из своих кладовых, где стояли завязанные кадки; та нарушила запрет, развязала кадки и нашла в них жаб, ужей, лягушек и других гадов; гады подняли страшный гам и расползлись в разные стороны. И что же? То было ясно, тихо, безоблачно, а тут откуда что взялось - понадвинулась черная-черная туча, подули ветры и полился дождь. Ведьма поскорей домой, посбирала гадин, сложила в кадки, завязала, и только это сделала, как дождь перестал идти.

Принимая дожденосные облака за небесные источники, озера и реки, фантазия древнего человека населила их теми же гадами, какие обитают в водах низменного мира: жабами, лягвами и ужами. Если припомним, что сверкающие в тучах молнии уподоблялись змеям и ужам, что самые тучи олицетворялись демоническими змеями (гидрами, драконами) и что исстари представления эти были распространяемы и на других водяных гадов, то для нас будет понятно, почему змеи, ужи, лягушки и жабы признаны были созданием нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а их шипенье и кваканье -знамением небесных громов.

Рядом с баснями о гаде-господарике (домовом змее) удержалось у чехов верование в домовика-лягушку, кваканье которой служит предвестием дождя. По свидетельству народных легенд, адские колодцы, то есть собственно грозовые тучи, наполнены змеями, жабами и лягушками; и поныне чехи убеждены, что лягушки падают с неба вместе с дождевыми ливнями. Потому-то колдуны и ведьмы и стараются окружать себя всеми исчисленными гадами и пользуются ими как необходимыми орудиями при совершении своих чар. Баба-яга и ведьмы варят в котлах или поджаривают на огне (то есть в грозовом пламени) жаб, змей и ящериц, приготовляют из них волшебные составы и сами питаются их мясом; они нарочно приходят к источникам, скликают гадов и кормят их творогом.

В Еермании ведьм обзывают: inhitzige krotensack! Во время ведовских сборищ одна из чародеек обязана сторожить жаб. И в немецких, и в славянских землях запрещается прясть на рождественские Святки, не то ведьмы напустят в дом жаб, мышей и крыс, - поверье, в основе которого таится мысль, что вслед за изготовлением небесной пряжи (облаков и туманов) зарождаются мифические гады и должна последовать гроза; крысы и мыши являются воплощениями молнии.

В бурных грозах древние племена узнавали битвы облачных духов, и потому как валькирии и вилы помогают сражающимся героям, а ведогони одной страны воюют с ведогонями соседних земель, так и ведьмы (по малорусскому сказанию) слетаются на границе и сражаются одни против других. Вооруженные небольшими мечами, они наносят друг другу удары и при этом приговаривают: «Що втну, то не перетну!» - чтобы удары меча не были смертельными.

Таким образом, ведьмы после каждого поражения восстают снова к битве, подобно воюющим героям валгаллы, которые если и падают бездыханными трупами, то всякий раз воскресают на новые подвиги. В ночь накануне Духова дня ведьмы воруют деревянные мёчики, которыми поселянки трут конопли, затыкают их за пояс и, слетаясь на Лысую гору или пограничные места, рубятся ими как саблями. Отсюда объясняется галицкая поговорка: «Коли мисяць в серп (то есть ночью, во время новолуния), то чаровници j и дуть на гряници». Ведьмы не остаются равнодушными и к народным битвам; помогая той стороне, которая прибегла к их чародейной помощи, они напускают на вражескую рать сокрушительные вихри и вьюги. Таково скандинавское предание о Торгерде и Ирне.

Хроника святого Бертина повествует, что Рихильда перед битвою с Робертом взяла горсть пыли и, творя заклятие, бросила ее на воздух по направлению к неприятелю, но пыль упала на голову чаровницы в знак ее собственной гибели. В другой хронике рассказывается, как некая волшебница, взойдя на зубчатые стены осажденного замка,

вызвала своими заклинаниями дождь и бурю и тем самым заставила врагов удалиться из занятой ими области. Подобное предание встречается и у нас.

В XVI веке ходила молва, что во время осады Казани (в 1552 г.) татарские колдуны и колдуньи, стоя на городских стенах, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйные ветры и проливные дожди: «.егда солнце начнет восходите, взыдут на град, всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочинне. Тогда абие востанет ветр и сочиияется облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такий дождь, и сухие места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над войском, а по сторонам несть».

Своим заповедным словом колдуны и ведьмы могут давать бранному оружию победоносную силу и неизменную меткость и, наоборот, могут заговаривать его так, что удары и выстрелы его делаются совершенно безвредными; первоначальный смысл этого поверья был тот, что колдуны и ведьмы, возбуждая грозы, посылают разящие молнии, а похищая дожди и производя засуху, тем самым завязывают лук и стрелы бога-громовника.

Послушные волшебным чарам, тучи сгущаются, закрывают небесные светила и претворяют ясный день в темную ночь. Отсюда возникло убеждение, что ведуны и ведьмы скрадывают солнце, луну и звезды, что их шумные сборища и воздушные полеты происходят обыкновенно по ночам. О ночных поездах ведьм уже свидетельствует Эдда. Злые чародейки, родственные великанкам и дивоженам, называются на Севере queldridha (abendreiterin) u myrkridha (dunkelreiterin). По русскому и сербскому поверьям, ведьмы летают ночью по воздуху и блестят яркими огоньками, то есть сверкают молниями; особенно любят они носиться в надземных пространствах в непроглядные осенние ночи. Точно так же в ночную пору совершаются и бурно-стремительные поезды дикой охоты или неистового воинства Одина.

Сокрытие небесных светил тучами и астрономические затмения солнца и луны принимались нашими предками за явления тождественные и равно приписывались вражескому нападению демона-змея или влиянию злого чародейства. Такое убеждение разделяли все индоевропейские народы. Во время затмений напуганные жители собирались толпами, били в металлические сосуды и заставляли лаять собак; делалось это с двоякою целью: во-первых, чтобы напугать нечистую силу и, во-вторых, чтобы чародейные заклятия, заглушаемые звоном и лаем, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающим там светилам. Звон - старинная метафора грома, а собачий лай -завывания бурных ветров; с тем и другим народная фантазия соединила понятие о спасительном средстве, разгоняющем демонов мрака (темные тучи). Наравне с нечистыми духами ведуны и ведьмы боятся собак и не терпят колокольного звона.

Древние греки затмения солнца и луны объясняли похищением их с неба; волшебницы низводили небесные светила на землю и гасили их божественное пламя. В таком похищении преимущественно были подозреваемы фессалийские колдуньи. В «Облаках» Аристофана Стренсиад, объясняя Сократу придуманное им средство не платить долгов, советует ему обзавестись фессалийскою колдуньею: она спрячет луну в коробку, и тогда можно продолжить месячный срок на сколько угодно. У славян верование это и доныне удерживается между поселянами. Болгары во время лунного затмения стараются выстрелами из ружей и пистолетов прогнать ведьм (магесниц), которые, по их мнению, захватили луну и омрачили ее светлый лик.

На Руси есть поверье, что ведьмы, скрадывая с неба месяц и звезды, складывают их в горшки и кувшины и прячут в глубоких погребах или опускают в криницы, то есть скрывают (погребают, хоронят) их за дождевыми тучами. Случится ли затмение или густые облака неожиданно заволокут небесные светила, поселяне с наивно-детским, но твердым убеждением обвиняют в похищении их колдунов, ведьм и злых духов, которым во мраке удобнее творить безбожные дела и уловлять в свои сети христиан.

О падающих звездах в Малороссии говорят, что их уносит ведьма и прячет в кувшины.

С особенною ревностью занимаются ведьмы скрадыванием месяца и звезд на праздники Коляды и Купал, когда бывают главные ведовские сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу. Было село (рассказывают в Черниговской губернии), в

котором проживало до тысячи ведьм, то и дело крали они святые звезды и до того довели небо, что «ничим було свитить нашому гришному миру». Тогда Бог послал святого Андрея (замена Перуна), который ударил своею палицею - и все ведовское село провалилось сквозь землю, а на его месте стало болото, то есть удар громовой палицы разбил облачные обиталища ведьм и отверз дождевые источники.

Скандинавскую колдунью El (proccIla) называли sölar böl - solis pernicies, из чего видно, что в ее образе олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свет. У нас сохранилось следующее причитанье:

Красная девица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корки вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее колдунью,
Чур ее ведунью!

Здесь ведьма, подобно змею и великанам, представляется съедающею солнце, то есть, погружая это светило в тучи, она тем самым, в качестве облачной жены, принимает его в свои собственные недра, проглатывает его. В Калевале чародейка Лоухи силою волшебных песен (с помощью диких напевов бури) похищает солнце и месяц и заключает их в медную скалу, то есть в облачные горы, отчего и наступает всеобщая тьма.

Распоряжаясь стихийными явлениями природы, двигаясь вместе с грозовыми тучами, ведуны и ведьмы могут переноситься с места на место с быстротою крылатого ветра. Представление колдовства везде неразлучно с полетами и поемами по воздуху, чрез горы и долы. Обычными орудиями воздушных полетов колдунов и ведьм, по немецким, литовским и славянским рассказам, служат: метла (помело, веник), кочерга, ухват, лопата, грабли и просто палка (костыль) или прут; немцы называют ведьму gabelreiterin, besenreiterin; чешское изречение «stare baby na pometlo!» указывает на полеты старых ведьм на печном венике.

Верхом на метле или граблях ведьма летает по поднебесью, это не более как поэтическая картина ветра, несущего на своих крыльях облачную жену-чародейку. Вир представлялся помелом, потому что метет туманы и тучи и расчищает небо, представлялся граблями, потому что скучивает облака, то есть сгребает их в густые, темные массы: образы, взятые из бытаземледельческого народа.

В числе различных мифических представлений молнии она, как мы знаем, уподоблялась карающей палке, лозе или пруту; самая же туча, сверкающая молниями, рисовалась воображению младенческих племен небесною печью, очагом, на котором высочайший владыка огня и верховный жрец (бог-громовник) возжигает свое чистое пламя; вместе с этим громовая палица получила значение кухонного орудия:

a) кочерги, которою мешается жар и разбиваются горящие головни,

b) ухвата и лопаты, с помощию которых сажаются в печь приготовленные яства.

В областных говорах кочерга называется «ожог» (ожиг), а печная лопата - «пёкло». Вот почему о ведьмах, ночной полет которых сопровождается блестящими огоньками - молниями, народные предания утверждают, что они, садясь на кочергу, ухват, лопату или веник, вылетают в дымовую трубу, следовательно, тем же путем, каким являются огненные змеи и нечистые духи, прилетающие в виде птиц, то есть грозовые демоны.

Мифическое представление разящих молний пучком прутьев (ruthenbündel) слилось воедино с сейчас указанным представлением вихря чародейным помелом или веником; в немецких сказаниях веник этот получил характеристическое название donnerbesen. По белорусскому преданию, Баба-яга погоняет воздушные силы огненною метлою. У лужичан в ночь главного ведовского сборища (Walpurgisnacht) есть обычай бегать по полям с зажженными вениками, что называется: kuzlarnccje palic (жечь ведьм). Ударяя метлами и вениками по источникам (дождевым тучам) и рассыпая по воздуху брызги воды, ведьмы производят дожди, град и бурю; разъезжая на вениках во время шумных

гроз, они начисто выметают небо от потемняющих его туч. В разных местностях России, когда находит дождевая или градовая туча, поселяне, желая отвратить ее от своих зреющих нив, выбрасывают из хаты сковороду (звон сковороды, тазов и прочих металлических сосудов - эмблема грома) и помело, лопату или кочергу. В основе этого суеверного средства скрывается мысль, что молниеносная палица должна разбить тучу прежде, чем она разразится над нивою, а помело-ветер прогонит ее (сметет) в другую сторону.

Желая предаться воздушному полету, ведьмы, по немецкому поверью, приготовляют волшебную мазь, которою и намазывают себе ноги и плечи: ноги- как орудия движения, скорого бега и плечи- как начало рук, заменяющих собою крылья. По русскому поверью, у ведьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вместе с пеплом купальского костра; когда она захочет лететь, то обрызгивает себя этою водою - и тотчас подымается на воздух и мчится, куда только вздумает. С тою же целью ведьма старается добыть траву ти(е)рлич, корень ее варит в горшке и приготовленным снадобьем мажет у себя под мышками и коленками и затем с быстротою молнии уносится в трубу.

Соку тирлича приписывается чудесное свойство делать человека оборотнем и сообщать ему силу полета, по всему вероятию, здесь таится воспоминание о Перуновой траве -молнии; чародейное же снадобье (мазь) есть живая вода дождя, которую кипятят ведьмы в облачных котлах и сосудах при помощи грозового пламени. Уже в Эдде seidhr (sieden -кипеть, варить) переходит в значение колдовства: sedhmadhr - колдун, scidhkona, seydhkona - вещая жена, умеющая варить целебные лекарства.

Согласно с метафорическим названием дождя опьяняющим напитком (вином, медом, пивом), в собирающихся парах и туманах древние племена усматривали варку небесного пива, совершаемую грозовыми духами и нимфами. Когда перед дождем парит, то есть наступает удушливый жар, в Германии выражаются: «Swerge, wichte, unlerirdische (мифические карлы) brauen» или «Die bergmutter (облачная жена) kocht wasser»; о Брокене, куда обыкновенно слетаются ведьмы отправлять свои шумные празднества, говорят: «Der Brocken braul», как скоро поднявшаяся мгла покроет его вершину туманною шапкою (nebellkappe).

Ведьмы варят в котлах ядовитые травы и коренья и распускают по всему небесному своду клубящиеся пары; на древнесеверном наречии туман называется kerlinga vella (hexengebrau); старинные законодательные памятники указывают на бранное выражение: hexenkesseltrager. Русские ведьмы и Баба-яга носятся по воздуху в железной ступе (котле-туче), погоняя пестом или клюкою (громовой палицею) и заметая след помелом, причем земля стонет, ветры свищут, а нечистые духи издают дикие вопли; когда они собираются на Лысой горе, там горят огни яркие и кипят котлы кипучие. Таким образом, кипятя на грозовом пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, ведьмы совершают свои воздушные полеты и посылают на поля и леса разрушительные бури, с градом, ливнями и вьюгою.

Ведуны и ведьмы обладают и другими баснословными диковинками, служившими некогда для поэтического обозначения летучего облака: по свидетельству сказок, они хранят у себя живую и мертвую воду, летают на коврах-самолетах и обуваются в сапоги-скороходы. Немецкие саги утверждают, будто бы черт окутывает ведьму в свой плащ (облачный покров) и носит ее по воздушным пространствам, почему и дается ей прозвание mantelfahrerin.

Сербская вещица, приготовляясь лететь, мажет себе под мышками чародейною мазью и восклицает: «Ни о три, ни о грм, веЬ на пометно гумно!». Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно налететь на терновый куст или дубовое дерево и ушибиться) соответствует нашему эпическому выражению «выше лесу стоячего, ниже облака ходячего» и заклятиям, с какими начинают свой полет немецкие ведьмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!», «fahr hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!». Преследуя сказочных героев, ведьма творит заклятие: «vor mir tag, hinter mir nachtl», то есть, помрачая небо темною тучею, она освещает перед собою путь блестящими молниями. По скандинавскому преданию, колдун берет козью шкуру (метафора облака), обвивает ее около головы и произносит: «Es werde nebel und werde zauber und alien wunder, dir hinter die suchen!»

Об индийских колдуньях известно, что воздушному их полету предшествовало произнесение заговора. Каларатри, сотворив волшебное заклинание, поднялась с своими ученицами с крыши коровника и полетела облачною дорогою (auf dem wolkenpfad). Одному человеку посчастливилось подслушать ее вещие слова; он вздумал повторить их и тотчас же последовал за чародейкою - точно так же, как в немецком, сербском и русском сказаниях люди, которым удавалось подслушать заклятие, произносимое ведьмою при ее отлете, и воспользоваться ее волшебным снадобьем, летали вслед за нею на места ведовских сборищ.

Как властелины вихрей, колдуны и ведьмы могут насылать на своих ненавистников и соперников порчи по ветру, подымать их на воздух и кружить там со страшною, ничем не удержимою быстротою. Так, существует рассказ, что один колдун, из ревности к молодому парню, заставил его целые месяцы носиться в стремительном вихре. Неведомая сила подхватила его на воздух, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодом и жаждою, летел он, сам не ведая куда; отчаянные жалобы его не достигали до людей, никто не видал его жгучих слез, несчастный иссох до костей и не чаял себе спасения. Когда наконец буйный вихрь оставил его, парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему ворогу, он отыскал хитрую колдунью и прибегнул к ее помощи. Чародейка запалила в печи зелье - и среди ясного, безоблачного дня вдруг завыл ветер, схватил колдуна и понес его высоко над землею; с той поры кружился он по воздуху в неистовой пляске, а за ним носились стаи крикливых ворон и галок.

Когда ведьма пожелает призвать кого-нибудь из дальней стороны, она варит корень терлича, и как только вода закипит - в ту же минуту призываемый «зниметця и полетать як птах»; в своем воздушном полете он томится жаждою и беспрерывно повторяет возглас: «Пить, пить!» Чаще всего чародейки пользуются этим средством для призыва своих возлюбленных; заваривая зелье, они приговаривают: «Терлич, терлич! мого милого прикличь». Чем сильнее закипает снадобье, тем выше и быстрее он несется; «а як дуже зилля кинить (говорят малорусы) - милий поверх дерева летить; а як не дуже - о половине дерева» - ив этом последнем случае легко может налететь на древесный ствол и ушибиться до смерти.

В одной песне девица жалуется, что ее милый далеко, за крутою горою, и по совету матери решается на чару:

Уранци (корень) копала,
А в обиди варила,
Козаченька манила;
А ще «розмай» не вкипив,
А вже милий прилетав.
«Ой, що ж тебе принесло —
Чи човничок, чи весло?»
Ни човничок, ни весло,
А дивоче ремесло!

Тот, чьи волоса попадутся ведьме, и она запалит их на огне, с произнесением заклятия, также немедленно подымается на воздух и прилетает на ее зов.

Заправляя полетами туч и вихрей, ведуны и ведьмы должны были стать в самые близкие отношения к их мифическим воплощениям в образе различных животных. Если припомним, что темные тучи представлялись небесными волками, а молнии - огненными змеями, то для нас совершенно объяснится то старонемецкое предание, по свидетельству которого ведьмы вечером и ночью ездят по воздуху на оседланных волках, взнуздывая и погоняя их змеями.

По указанию Эдды, на волке, взнузданном змеею, ездила великанка. Шведская песня упоминает о поездах ведьм на медведе; народные же поверья, доныне живущие в устах поселян в Еермании, утверждают, что колдуны ездят на волках, а колдуньи - на кошках и козлах. Нередко в виде козла является к услугам ведьмы дьявол, на которого она тотчас же садится - и пускается в воздушное странствование. Все эти звери - древнейшие олицетворения грозовых облаков. Самые боги и богини, царствующие в воздушных сферах, разъезжали на тех же зверях: так, Фрея носилась во мраке ночи на блистающем щетиною борове или в колеснице, запряженной кошками, сестра ее Hyndla

- на волке, а Тор - на козлах.

На Руси рассказывают о поездках колдунов на волках [84 - В актах XVII столетия встречаем любопытное обвинение, возведенное на одного попа, будто он ездил на медведе.]. На старой лубочной картине Баба-яга изображена едущею верхом на свинье; в песенный сборник Колляра занесено следующее причитанье:

Cemoknaznjk letj
W ohniwem oblaku,
Sediaci na draku.
Beda tomu lesu.
Kde ho krjdla nesu;
Beda tomu mestu,
Kadiel wezme cestu!

В сербской сказке колдунья берет трехглавую змею вместо кнута, садится в повозку, хлопает змеей и отправляется в дорогу: предание, напоминающее нам волшебницу Медею, которая улетела на колеснице, запряженной драконами, Деметру, которая снарядила в путь Триптолема и дала ему подобную же колесницу. Колдунам и ведьмам приписывается умение разводить (плодить) драконов и укрощать их бешеную ярость. Не менее важно для истории народных верований свидетельство сербской песни, в которой рассказывается о девице-чародейке:

Она оде у зелену башчу,
Јелен-рогом шарца оседлала,
Л(ь)утом га је зми|ом зауздала,
Јом га л(ь)уЙом змиомошибуе [85 - Перевод: «Пошла она в зеленый сад, оседлала коня оленьим рогом, зауздала его лютым змеем, еще лютейшим змеем погоняет.»],
Сама иде пред цареву ВојсКу;
ЈеflНу ВојсКу буздованом би|е.
Другу ВојсКу бритком сабл(ь)ом сече.
Трейу войску на воду натера

О вилах рассказывают, что они ездят на оленях, взнузданных и погоняемых змеями. Выше было указано, что грозовые облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эдда говорит о воздушных поездах ведьм на быстроногих конях; то же подтверждается и народными поверьями. Кони эти являются перед ними мгновенно, словно из земли вырастая; самая дубинка, на которой летает ведьма, нередко превращается под нею в волшебного коня.

По русскому поверью, ведьмы во время купальского сборища приезжают на Лысую гору не только на помелах, но и на борзых, неутомимых скакунах; в сказках они наделяют героев чудесными, летучими конями. Разъезжая на волках или конях, взнузданных и бичуемых змеями, ведьмы, собственно, летают на бурно несущихся облаках и погоняют их молниями. С течением времени, когда память народная позабыла первичные основы и действительный смысл зооморфизма, сказания о небесных животных были перенесены на их земных близнецов.

Ведьмам стали приписывать поездку на обыкновенных волках, лошадях и кошках, стали окружать их стаями лесных зверей и змеями ползучими, осужденными пресмыкаться на земле, а не парить по поднебесью. У шведов есть поверье, что старые бабы, живущие уединенно в лесах, скрывают в своих избушках волков, преследуемых охотниками; этих баб называют волчьими матерями - vargamodrar (wolfmutter).

По мнению русского простонародья, волчье сердце, когти черной кошки и змеи составляют необходимую принадлежность чародейных составов, приготовляемых колдунами и ведьмами. Обычное в народной поэзии олицетворение облаков и ветров легкокрылыми птицами также не осталось без влияния на суеверные представления о колдовстве. Впрочем, предания чаще говорят о превращении ведунов и ведьм в различных птиц, чем о полетах на этих воздушных странницах. Петуху, как мы знаем, присваивалось в язычестве особенно важное значение; как представитель грозового пламени и жертвенного очага, он и доныне считается необходимым спутником вещих мужей и жен.

Немцы знают о воздушных поездах ведьм на черном петухе; чехи рассказывают о

колдуне, который ездил в маленькой повозке, запряженной петухами; а русские поселяне убеждены, что при ведьме всегда находятся черный петух и черная кошка. Заметим, что в старину осужденных на смерть ведьм зарывали в землю вместе с петухом, кошкою и змеею.

Колдуны обыкновенно представляются стариками с длинными седыми бородами и сверкающими взорами; о ведьмах же рассказывают, что это или безобразные старухи незапамятных лет, или молодые красавицы. То же думают немцы о своих hexen [86 - «Старая ведьма» - одно из наиболее употребительных в нашем народе бранных выражений.]. Такое мнение, с одной стороны, согласуется с действительным бытом младенческих племен, ибо в древности все высшее, священное «ведение» хранили старейшие в родах и семьях, а с другой стороны - совпадает с мифическим представлением стихийных сил природы.

Облака и тучи (как не раз было указано) рисовались воображению наших предков и в мужском олицетворении бородатых демонов, и в женских образах - то юных, прекрасных и полногрудых нимф, несущих земле дожди и плодородие, то старых, вражеских баб, веющих стужею и опустошительными бурями. В ночную пору ведьмы распускают по плечам свои косы и, раздевшись догола, накидывают на себя длинные белые и неподпоясанные сорочки (или саваны), затем садятся на метлы, заваривают в горшках волшебное зелье и, вместе с клубящимися парами, улетают в дымовые трубы творить порчи и злые дела или гулять на Лысой горе [87 - Болгары уверяют, что ведьмы «ходят ночью по рекам раздетые догола и созывают злых духов для совещаний с ними.].

По рассказам поселян, когда ведьма собирает росу, доит чужих коров или делает в полях заломы, она всегда бывает в белой сорочке и с распущенными волосами [88 - В заговоре заклинается баба-ведунья, девка простоволосая.]. Своими развевающимися косами и белыми сорочками (поэтические обозначения облачных прядей и покровов) ведьмы сближаются с русалками, вилами и эльфами; наравне с этими мифическими существами они признаются за небесных прях, изготовляющих облачные ткани. В числе различных названий, даваемых немцами ведьмам, встречаем feldfrau, feldspinnerin; в Южной Германии рассказывают о ведьмах, что они прядут туманы; народное выражение «die alien weiber schutteln ihren rock aus», употребляемое в смысле «снег идет», вполне соответствует вышеобъясненному выражению о Гольде, вытрясающей свою перину.

По белорусскому поверью, ведьма, обвиваясь с ног до головы выпряденною из кудели ниткою, делается невидимкою, то есть облекается в туманную одежду (надевает шапку-невидимку, nebelkappe). И ведуны, и ведьмы любят превращаться в клубок пряжи и в этом виде с неуловимой быстротою катаются по дворам и дорогам. Иногда случается, вдруг раздастся на конюшне страшный топот, лошади начинают беситься и рваться с привязи, и все оттого, что по стойлам и яслям катается клубок-оборотень, который так же внезапно появляется, как и пропадает.

В славянских сказках ведьма или Баба-яга дает странствующему герою клубок; кинутый наземь, клубок этот катится впереди странника и указывает ему дорогу в далекое, неведомое царство. Малорусы обвиняют ведьм в покраже тех снарядов, которыми трут лен [89 - Накануне Пасхи финны ставят около хлевов серпы против летучих волшебниц, которые собирают тогда шерсть (волну) и уносят ее на высокую гору]. По рассказам чехов, ведьмы ездят по воздуху на прялках (kuzly), а по рассказам словенцев, на ткацких «вратилах», или катушках, на которые навивается полотно и пряжа. Кроме того, народные предания изображают ведьм небесными прачками. В Баварии уцелели саги, по свидетельству которых ведьмы в лунные ночи белят свои прекрасные холсты, а после дождей развешивают на светлых облаках и просушивают свое белье. У французов существует поверье, что в глухую полночь возле уединенных источников, под сенью развесистых ив, раздаются громкие и частые удары вальков мифических прачек; водяные брызги подымаются до самых облаков и производят дожди и бурные грозы. Подобно тому и немецкие ведьмы во время своих праздничных сборищ ударяют скалками и трепалами [90 - Трепало - орудие, служащее для очистки льна от кострики.], а русские вещицы представляются в Томской губернии моющими белье. Эти черты приписываются ведьмам наравне с другими облачными женами. Так, литовские лаумы,

сходясь поздним вечером в четверг (день громовника), колотят вальками белье, и притом с такою силою, что их оглушительный стук доносится до самых отдаленных окрестностей. Галицкие и польские лисунки (дивожены) занимаются стиркою белья и вместо вальков употребляют свои большие, отвислые груди.

В некоторых местностях Германии, когда послышится гром, крестьяне говорят: «Unsere Herrgott mangelt» [91 - Mangelt - катать на катке.]. По их мнению, в ясный, солнечный день, наступающий вслед за продолжительными дождями, Гольда просушивает свои покрывала. В Лужицах же существует поверье: когда wodna zona расстилает по берегу вымытое белье, то следует ожидать дождливой погоды и поднятия вод в реках и источниках.

Уподобляя облака одеждам, сорочкам, тканям, фантазия древнего человека стала изображать грозу в поэтической картине стирки белья: небесные прачки (ведьмы) бьют Громовыми вальками и полощут в дождевой воде свои облачные покровы. Эти и другие представления стихийных сил природы, представления, заимствованные от работ, издревле присвоенных женщинам (как то пряжа, тканье, мытье белья, доение коров и приготовление яств), послужили основанием, почему в чародействе по преимуществу обвиняли жен и дев и почему ведьмы пользуются в народных преданиях более видною и более значительною ролью, нежели колдуны и знахари. Нестор выражает общее, современное ему воззрение на женщину в следующих словах: «Паче же женами бесовская волшванья бывают; искони бо бес жену прелсти, си же мужа; тако в си роди много волхвують жены чародейством и отравою и инеми бесовьскыми козньми?»

Лысая гора, на которую вместе с Бабою-ягою и нечистыми духами собираются ведуны и ведьмы, есть светлое, безоблачное небо. Сербские вещицы прилетают на «пометно гумно»: так как громовые раскаты уподоблялись нашими предками стуку молотильных цепов, а вихри, несущие облака, метлам, то вместе с этим небесный свод должен был представляться гумном или током [92 - Венгерские ведьмы летают на kopasz teto (лысая макушка, вершинагоры).].

Выражение «ведьмы летают на Лысую гору» первоначально относилось к мифическим женам, нагоняющим на высокое небо темные, грозовые тучи. Позднее, когда значение этих метафор было затеряно, народ связал ведовские полеты с теми горами, которые высились в населенных ими областях. Так, малорусы говорят о сборищах ведьм на Лысой горе, лежащей на левой стороне Днепра, у Киева, этого главного города Древней Руси, где некогда стояли кумиры и был центр языческого культа; оттого и самой ведьме придается эпитет киевской.

Название Лысая гора встречается и в других славянских землях, и Ходаковский насчитывает до пятнадцати местностей, обозначенных этим именем. У чехов и словенов чародейки слетаются на Бабьи горы [93 - С большим вероятием можно допустить, что название это знаменует облачные горы, а не свод небесный.], и часть Карпат между Венгрией и Польшей называется поляками Babia gora. По литовскому поверью, колдуны и ведьмы накануне Иванова дня собираются на вершине горы Шатрии (в Шавельском уезде); немецкие hexen летают на Brocken (Blocksberg) Horselberg, Bechelberg, Schwarzwald и другие горы.

Полеты ведьм на Лысую гору обыкновенно совершаются в темные, бурные грозовые ночи, известные в народе под именем «воробьиные»; но главные сборища их на этой горе бывают три раза в год: на Коляду, при встрече весны и в ночь на Ивана Купалу. В эти праздники крестьяне с особенною заботливостью стараются оберегать своих лошадей, чтобы ведьмы и нечистые духи не захватили и не измучили их в быстром поезде. Время ведовских сборищ, совпадая с началом весны и с двумя солнечными поворотами, наводит на мысль, что деятельность ведьм стоит в непосредственной зависимости от тех изменений, какие замечаются в годичной жизни природы. Духи бурных гроз, замирающие на зиму, пробуждаются вместе с нарождением солнца, а в половине лета достигают наибольшей полноты сил и предаются самому неистовому разгулу, рождение же солнца старинные мифы сочетали и с зимним его поворотом - на праздник Коляды и с благодатным просветлением его весною.

По указаниям, собранным в народном дневнике Сахарова, с 26 декабря начинаются бесовские потехи: ведьмы со всего света слетаются на Лысую гору на шабаш и

сдружаются там с демонами; 1 января ведьмы заводят с нечистыми духами ночные прогулки, а 3 января, возвращаясь с гулянья, задаивают коров; 18 января они теряют память от излишнего веселья на своем пиршестве. По знаменательному поверью русинов, на Благовещение (25 марта - день, в который весна поборает зиму) зарождаются ведьмы и упыри (гонители и сосуны дождевых туч); на Юрьев день (23 апреля), посвященный громовнику- победителю змея и пастырю небесных стад, и в купальскую ночь на 24 июня (празднество Перуну, погашающему в дождевых потоках знойные лучи солнца) ведуны и ведьмы собираются на Лысую гору, творят буйные, нечестивые игрища и совещаются на пагубу людей и домашних животных [94 - Масленицу свою ведьмы отправляют на Лысой горе, что бывает или на первой неделе Великого поста, или накануне Воскресения

Христова.]; в эту же таинственную ночь они ищут и рвут на Лысой горе волшебные зелья, что, конечно, имеет связь с мифом пламенного Перунова цвета, почка которого зреет и распускается в ночь на Ивана Купалу.

Если ухватиться за ведьму в ту минуту, когда она хочет лететь на Лысую гору, то можно совершить сборища. На Украине ходит рассказ о полете одного солдата на ведовской шабаш. Ночью накануне Иванова дня удалось ему посмотреть, как улетела в трубу его хозяйка; солдат вздумал повторить то же, что делала ведьма: он тотчас же сел в ступу, помазал себе под мышками волшебной мазью - и вдруг, вместе со ступою, взвился в дымовую трубу и с шумом понесся по поднебесью. Летит солдат, сам не ведая куда, и только покрикивает на встречные звезды, чтобы сторонились с дороги. Наконец опустился на Лысую гору: там играют и пляшут ведьмы, черти и разные чудища; со всех сторон раздаются их дикие клики и песни! Испуганный невиданным зрелищем, солдат стал поодаль - под тенистым деревом; в ту же минуту явилась перед ним его хозяйка. «Ты зачем? - молвила она. - Скорее назад, если тебе жизнь дорога! Как только завидят наши, сейчас тебя задушат! Вот тебе славный конь, садись и утекай!» Солдат вскочил на коня и вихрем пустился домой. Приехал, привязал коня к яслям и залег спать; наутро проснулся и пошел в конюшню, глядит - а вместо коня привязано к яслям большое полено.

Подобный же рассказ есть у сербов: «Y CpnjeMy се припови|еда да се онамо в]ештице на]више CKyn^ajy више села Моловина на некакому оралу. Припови|еда се, KaKoje некакав 40BjeK видевши из постем како му је из куйе в]ештица одлеДела, нашао шезин лонац с масти, пак се шоме намазао и рекавши као и она, прометнуо се иону нешто и оллетио за шом, и долетевши на орах више Моловина нашао ощце много в]ештица, rfIje се чаете за златнифм столом и nnjy из златни|ех чаша. Кад их све сагледа и многе мейу шима позна, онда се као од чуда прекрети говорейи: анате вас мате било! У onaj исти мах оне све прсну куд Koja, а он спадне под орах noejeK као и npnje што је био. Златна стола не стане као и в]ештица, а шихове златне чаше претворе се све у папке ко]екаки|ех стрвина» [95 -Перевод: «В Среме рассказывают, что ведьмы наиболее собираются на ореховом дереве у села Моловина. Рассказывают, что какой-то человек, усмотря с постели, как отлетела из хаты ведьма, достал ее горшок с мазью, намазался и, произнеся такое же заклятие, как и ведьма, оборотился во что-то и полетел вслед за нею. Он прилетел на ореховое дерево, нашел там много ведьм, которые пировали за золотым столом и пили из золотых чаш. Глядя на ведьм, он узнал между ними многих, перекрестился от изумления и произнес: «Анафема б вас побила!» В ту же минуту прыснули все ведьмы - кто куда! - аон свалился с дерева и сделался по-прежнему человеком. Не стало ни золотого стола, ни вещиц, а золотые их чаши превратились в копыта стерв» (издохших животных).].

Точно так же и немецкие ведьмы собираются не только на вершинах гор, ной в полях под сенью дуба, липы или груши, а ведьмы неаполитанские - под ореховым деревом; на Руси указывают старые дубы, под которыми сходятся ведьмы на свои шумные игрища. Дуб и орех были посвящены богу-громовнику и в народной символике обозначают дерево-тучу.

По свидетельству немецких сказаний, ведовские сборища бывают на рождественские ночи, накануне Великого поста (fastnacht), на Светлой неделе, 1 мая и на Иванову ночь. Русскому преданию о полете ведьм на Лысую гору в конце апреля (на вешний Юрьев

день) соответствует немецкое - о главном их поезде, совершаемом ежегодно на первую майскую ночь (Walpurgisnachl). В этом поезде принимают участие и оборотни, и давно умершие женщины - подобно тому, как в полете неистового воинства участвуют души усопших.

Каждая ведьма является на празднество вместе со своим любовником-чертом. Сам владыка демонских сил - Сатана, в образе козла с черным человеческим лицом, важно и торжественно восседает на высоком стуле или на большом каменном столе посредине собрания. Все присутствующие на сходке заявляют перед ним свою покорность коленопреклонением и целованием. Сатана с особенной благосклонностью обращается к одной ведьме, которая в кругу чародеек играет первенствующую роль и в которой нетрудно узнать их королеву (hexenkönigin), Слетаясь из разных стран и областей, нечистые духи и ведьмы докладывают, что сделали они злого, и сговариваются на новые козни; когда Сатана недоволен чьими проделками, он наказует виновных ударами. Затем при свете факелов, возожженных от пламени, которое горит между рогами большого козла, приступают к пиршеству: с жадностью пожирают лошадиное мясо и другие яства, без хлеба и соли, а приготовленные напитки пьют из коровьих копыт и лошадиных черепов.

По окончании трапезы начинается бешеная пляска под звуки необыкновенной музыки. Музыкант сидит на дереве; вместо волынки или скрипки он держит лошадиную голову, а дудкою или смычком ему служит то простая палка, то кошачий хвост. Ведьмы, схватываясь с бесами за руки, с диким весельем и бесстыдными жестами прыгают, вертятся и водят хороводы. На следующее утро на местах их плясок бывают видны на траве круги, как бы протоптанные коровьими и козьими ногами. Любопытного, который пришел бы посмотреть на их игрища, ведьмы схватывают и увлекают в вихрь своих плясок, но если он успеет призвать имя Божие, то вся сволочь мгновенно исчезает.

Потом совершается сожжение большого козла, и пепел его разделяется между всеми собравшимися ведьмами, которые с помощью этого пепла и причиняют людям различные бедствия. Кроме козла в жертву демона приносится еще черный бык или черная корова.

Гульбище заканчивается плотским соитием, в которое вступают ведьмы с нечистыми духами, при совершенном погашении огней, и затем каждая из них улетает на своем помеле домой - тою же дорогою, какою явилась на сборище.

Вся эта обстановка, все эти подробности суть мифические образы, живописующие весеннюю грозу. Полет ведьм и демонов на Лысую гору - это та же несущаяся по воздуху дикая охота или неистовая рать, только представленная в поэтической картине праздничного поезда. В Сатане узнаем мы демонический тип бога-громовника, являющегося во мраке черных туч и в шуме опустошительных бурь; по другим сказаниям, присутствуя на празднике ведьм, он не занимает высокого седалища, а лежит под столом, прикованный на цепь, подобно хитрому Локи. Козел - животное, посвященное Тору и Вакху, то есть зооморфическое представление дождевой тучи; сожжение его указывает на грозовое пламя.

Горящие факелы, освещающие ведовское сборище, также метафора небесных молний. Соответственно уподоблению дождя опьяняющим напиткам, а облаков-различным животным: лошадям, быкам, коровам, баранам и козлам, в грозе древние племена видели пиршество, в котором стихийные духи и жены варили, жарили и пожирали яства (жрать и гореть - речения тождественные) и опивались амритою (живою водою, небесным медом и вином), употребляя вместо сосудов коровьи копыта и лошадиные черепа.

Колдуны и чародейки владеют такими музыкальными инструментами, звуки которых всех и каждого увлекают в быструю пляску; от их волшебных песен дрожат земля и небо и волнуются глубокие моря. На Блоксберг прилетают ведьмы «den schnee wegzutanzen», то есть, кружась в полете стремительных вихрей, они сметают и разбрасывают снег. Ночные песни и пляски нечистых духов и ведьм сближают их с эльфами; на такое сближение указывают и другие тождественные черты.

Подобно эльфам, ведьмы давят сонных людей, ездят на них по горам и долам, похищают детей, боятся колокольного звона и также легко проникают в замочные

скважины и дверные щели: это последнее свойство свидетельствует об их воздушной (бестелесной) природе. Любодейная связь демонов с ведьмами объясняется из древнего воззрения на грозу как на брачное сочетание бога-громовника и грозовых духов с облачными девами, которых они насилуют молниеносными фаллосами и заставляют проливать на землю оплодотворяющее семя дождя.

Крутящиеся вихри до сих пор называются дьявольскою свадьбою: черт женится на ведьме, и нечистая сила, празднуя их брак, вертится в неистовой пляске и подымает пыль столбом. Так как семя дождя признавалось за вдохновительный напиток, наделяющий дарами мудрости и предвидения, то с его пролитием - или, что то же, с лишением вещей нимфы ее девственности- она теряет свою чародейную силу. Так, валькирия Брунгильда, отдаваясь после долгого сопротивления мужу, шепчет ему: «Я побеждена! делай со мною, что тебе угодно; с девством я потеряла все и стала такою же простою женщиной, как и все другие».

В народных преданиях и старинных памятниках черт является к избранной им любовнице в виде статного, красивого и сладострастного юноши, увлекает ее с собой на ночное гульбище и вводит в сообщество колдуний и нечистых духов; там она принимается в ведьмы, причем ее заставляют отрекаться от Бога, нарицают ей новое имя и острым уколом налагают на ее тело особенную метку; сохранилось еще предание, будто новопринятой ведьме черт втыкает в зад горящую свечу.

Древнейшее свидетельство о плотской связи ведьмы с чертом встречается в памятнике 1275 года; но особенно обильны подобными указаниями акты ведовских процессов XVI-XVIII столетий. По мнению французов, демон не может заключить договора с девственницею. От смешения ведьм с нечистыми рождаются существа эльфические, называемые dinger, elbe, holden и принимающие различные образы: то мотылька, то червя или гусеницы, то оборотня (larvengestalt); ведьмы насылают их на людей и животных, которые вслед за тем чувствуют болезненное расстройство.

Смысл приведенного предания - тот, что эльф - малютка-молния рождается из недр тучи во время грозы, этого брачного торжества облачной жены с демоном. У сербов находим соответственное представление о смертоносном духе, излетающем из вещицы бабочкою; по немецкому поверью, люди со сросшимися бровями выпускают из-под них эльфа-бабочку, а по русскому поверью, вий поражает своим пламенным взором, как скоро подняты его длинные веки, то есть как скоро вылетает зоркая молния из-за темных облачных покровов. Сверх того, и самый любовник ведьмы, соединяющийся с нею чрез молнию, нередко является в виде эльфа или мотылька.

Та же обстановка дается ведовским сборищам славянскими и литовскими преданиями. Слетаясь на Лысую гору, ведьмы предаются дикому разгулу и любовным наслаждениям с чертями, объедаются, опиваются, затягивают песни и пляшут под звуки нестройной музыки. За железным столом или на троне восседает Сатана; чехи уверяют, что он присутствует на этом празднестве в образе черного кота, петуха или дракона.

Рассказывают также, что на Лысой горе живет старшая из ведьм, и к ней-то в известную пору года обязаны являться все чародейки; по литовскому преданию, на горе Шатрие угощает чародеек их главная повелительница.

Песни и пляски - обыкновенное и любимое занятие ведьм. Если в летнее время поселяне заметят на лугах ярко зеленеющие или пожелтелые круги, то думают, что или хозяин поля поверстался в колдуны на этих кругах, или старшая женщина в его семье покумилась с ведьмами; по мнению народа, ведьмы каждую ночь собираются на луга, водят хороводы и оставляют на траве следы своих ног. «Покумиться с ведьмами» - то же, что «поверстаться в колдуны», то есть сделаться чародейкою, принять на себя это вещее звание. Такое вступление в колдуны и ведьмы сопровождается круговыми плясками.

Отправляясь на шабаш и при самых игрищах ведьмы поют волшебные песни, доступные только им и никому более. На Лысой горе они с бешеным увлечением пляшут вокруг кипящих котлов и чертова требища, то есть около жертвенника, на котором совершаются приношения демонам. Народные сказки знают искусных, неутомимых танцовщиц, которые каждую ночь удаляются в подземное (облачное) царство и предаются неистовой пляске с духами, населяющими эту таинственную страну.

Так как демоны грозовых туч издревле олицетворялись драконами, то ведьмы заводят нецеломудренные гульбища и сочетаются плотски не только с чертями, ноис мифическими змеями. На Руси существуют поверья, что женщина, с которою живет огненный змей, есть ведьма, что всякая волшебница нарождается от нечистой связи дьявола или змея с бабою и что самые ведьмы летают к своим любовникам, обращаясь огненными змеями. Рассказывая о том, как богатырь Добрыня учил чародейку Марину, полюбовницу Змея Горынчища, песня останавливается на следующих подробностях:

Он первое ученье - ей руку отсек.
Сам приговаривает:
«Эта мне рука ненадобна.
Трепала она Змея Горынчища!»
А второе ученье - ноги ей отсек:
«А и эта где нога мне ненадобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем!»
А третье ученье - губы ей обрезал и с носом прочь:
«А и эти где губы ненадобно мне!»
Четвертое ученье - голову ей отсей и с языком прочь:
«А и эта голова ненадобна мне,
И этот язык ненадобен —
Знал он дела еретические!»

Старинная повесть о бесноватой Соломонии (XVII в.) основана на глубоко укорененном народном веровании в возможности любодейного смешения жен с злыми духами: «В девятый день по браце, по захождении солнца, бывши ей в клеще с мужем своим на одре, восхотеста почити, и внезапу виде она Соломония демона, пришедша к ней зверским образом, мохната, имущи когти, и ляже к ней на одр. Она же вельми его убояся - иступи ума. Той же зверь оскверни ее блудом, и с того же дни окаяннии демони начата к ней приходити, кроме великих праздников, по пяти и по шти человеческим зраком, якоже некотории прекраснии юноши, и тако нападаху на нее и скверняху ее и отхождаху, людем же ничто же видившим сегда.» Нечистые увлекали ее в воду, и от связи с ними она родила нескольких демонов [96 - Чтобы Соломония могла избавиться от водяных духов, ей было сказано: «. итыу них не яждь, не пей и ничтоже не отвещай, и они помучат да и отпустят». То же условие возврата из подземного, адского царства встречаем и в сказаниях греков и других индоевропейских народов.].

Подобные рассказы и доныне обращаются в нашем простонародье. Если послушать бывалых людей, то черт нередко принимает на себя вид умершего или отсутствующего мужа (любовника) и начинает посещать тоскующую женщину; с той поры она сохнет, худеет, «словно свеча на огне тает».

Под влиянием этих мифических представлений, поставивших ведунов и ведьм в самые близкие и родственные отношения с демоническою силою, естественно, что на них должны были смотреть с робкою боязнью и подозревать их во всегдашней наклонности к злобе и нечестивым действиям. Со своей стороны христианство окончательно утвердило эти враждебные воззрения на колдовство, чародеев и чародеек.

По народному убеждению, всякий колдун и всякая ведьма заключают с дьяволом договор, продают ему свои грешные души и отрекаются от Бога и вечного блаженства; договор этот скрепляется распискою, которую прибегающие к нечистому духу пишут своею собственною кровью, и обязывает первых творить чары только назло людям, а последнего - помогать им во всех предприятиях.

На Руси ходит много рассказов о том, когда, как и при каких обстоятельствах отчаянные грешники продавали дьяволу свои души; названия «еретик», «еретица» в различных местностях употребляются в смысле злого колдуна, упыря и колдуньи; сравни: ворог -знахарь и враг - черт. Все чудесное и страшное колдуны творят бесовским содействием. Они - и властелины, и рабы демонов: властелины - потому что могут повелевать нечистою силою; рабы - потому что эта последняя требует от них беспрестанной работы, и если колдун не приищет для нее никакого занятия, то она тотчас же замучивает его самого. Во избежание такой опасности колдуны придумали заставлять чертей, чтоб они вили из песку и воды веревки, то есть, по первоначальному

смыслу предания, чтобы они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи.

Умирая, колдун и ведьма испытывают страшные муки; злые духи входят в них, терзают им внутренности и вытягивают из горла язык на целых пол-аршина; душа колдуна и ведьмы до тех пор не покидает тела, пока их не перенесут через огонь и пока они не передадут своего тайного знания кому-нибудь другому. Вся природа тогда заявляет невольный трепет: земля трясется, звери воют, от ворон и воронов отбою нет; в образе этих птиц слетаются нечистые духи, теснятся на кровлю и трубу дома, схватывают душу умершего колдуна или ведьмы и со страшным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносят ее на тот свет.

По свидетельству народных сказаний и стиха о Страшном суде, чародеи и ведьмы идут по смерти в «дьявольский смрад» и предаются на казнь Сатане и его слугам. Напомним, что, по древнейшим верованиям, тени усопших возносились в загробный мир в полете бурных гроз, преследуемые и караемые адскими духами. Трясение земли и звериный вой - метафорические обозначения громовых раскатов и завывающей бури; хищные птицы -олицетворения стремительных вихрей.

В предыдущих главах объяснено нами, что старинные религиозные игрища и богослужебные обряды возникли из подражания тем действиям, какие первобытные племена созерцали на небе. В силу этого и ведовские сборища (шабаши, сеймы) должны представлять черты, общие им с древнеязыческими празднествами как по времени совершения, так и по самой обстановке тех и других. И в самом деле, полеты ведунов и ведьм на Лысую гору совпадают с главнейшими праздниками встречи весны, Коляды и Купалы, на которые сходились некогда роды и семьи установлять общественный распорядок и совершать общественные жертвоприношения, игры и пиршества.

У германцев долгое время удерживались в обычае майские народные собрания и майские суды. Сходки бывали на местах, исстари признаваемых священными: среди тенистых лесов и на высоких горах. Кипучие котлы и горшки, в которых ведьмы варят свои волшебные составы и опьяняющий напиток, заклание, сожжение и пожирание ими небесных животных (козла, коровы, коня), в которых олицетворялись дождевые облака, соответствуют жертвенным и пиршественным приготовлениям, действительно совершавшимся во время народных праздников.

Ведьмам, по народному поверью, необходимы для чародейства нож, шкура и кровь (символы молнии, облака и дождя), следовательно, все то, без чего немыслим обряд жертвоприношения; нож и шкура употребляются ими при оборотничестве, с помощью ножа они доят облачных коров и допрашивают вихри о будущем урожае.

Ведуны и ведьмы собираются на Лысую гору для общей трапезы, веселья и любовных наслаждений. Все эти характеристические черты были непременным условием языческих празднеств, которые обыкновенно сопровождались песнями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгул, при излишнем употреблении крепких напитков, и поклонение оплодотворяющей силе Ярилы придали этим празднествам нецеломудренный характер и превратили их в оргии, «срамословие и бесстудие».

Летописцы, проникнутые духом христианского учения, смотрели на них как на крайнее проявление разврата и нечестия. Ведьмы являются на свои сборища с распущенными косами, в белых развевающихся сорочках или звериных шкурах (оборотнями) и даже совсем обнаженные. Согласно с этим, распущенные косы, белые сорочки и звериные шкуры признаны были необходимыми атрибутами для всех жен и дев, принимающих участие в религиозных игрищах и обрядах. Так, при обряде опахивания они с криком и звоном в металлические орудия несутся вокруг деревни или совершенно голые, или в одних сорочках, с распущенными косами; в дни Коляды и Масленицы бегают по улицам ряженые (окрутники); княжна Любуша явилась на сейм и села на отчем столе творить суд по закону векожизненных богов - в белой одежде; скопцы во время своих молитвенных сходок одеваются в длинные белые рубахи и вертятся в круговой пляске, а старообрядцы, приступая к молитве, снимают пояса.

У немцев, чехов и русских встреча с старой бабой или с женщиной без головной повязки, с распущенными волосами (mil fl iegenden haaren), считается недоброю приметою, что объясняется смутною боязнью быть изуроченным при встрече с ведьмою. От вещих жен и мужей языческой старины примета эта позднее была

перенесена на представителей христианского богослужения.

Со времен Нестора и до наших дней встреча с попом, монахом и монахинею признавалась и признается несчастливою: она предвещает неожиданную беду, потерю, неуспех в начатом деле- поэтому простолюдины, повстречав священника или монаха, спешат воротиться домой или трижды плюют наземь [97 - В Новгородской и других губерниях думают, что случайный приход монаха или монахини в дом, где празднуется свадьба, сулит новобрачным несчастие. Примета эта, надо полагать, создалась вследствие иноческого отречения от брака; наоборот, встреча с публичною женщиной принимается шведами за счастливый знак.]. В поучительном слове XVI или XVII столетия высказан следующий упрек: «Дух Святый действует во священницех и в дьяконех и во мнишеском чину. мы же тех всех чинов на встрече гнушаемся и отвращаемся от них, и укоряем их на первой встрече, и поносим их в то время на пути многим поношением». В Швеции, как скоро лицо, принадлежащее к духовенству, выходит со двора, окрестные жители ожидают ненастной погоды [98 - В числе темных лиц, способных изурочивать (портить), в наших заговорах упоминаются поп и попадья, чернец и черница, схимник и схимница.].

Одно из любопытнейших преданий старины представляют народные рассказы о доении ведьмами коров. На рождественские Святки, по мнению наших крестьян, не должно выпускать из хлевов домашнего скота, чтобы предохранить его от колдунов, ведьм и нечистой силы. Третьего января голодные ведьмы, возвращаясь с гульбища, задаивают коров, для охраны которых поселяне привязывают к воротам свечу; накануне Крещения с тою же целию они пишут мелом кресты на скотных избах.

В день святого Власия (11 февраля) кропят хлева, лошадей, рогатый скот и овец крещенскою водою; в это время, по словам малорусов, вовкулаки, обратившись в собак и черных кошек, сосут молоко у коров, кобыл и овец, душат лошадей и наводят на рогатый скот падеж. На вешний Юрьев день колдуны и ведьмы превращаются в телят, собак или кошек и высасывают у коров молоко; крестьяне втыкают тогда в коровьих стойлах освященную вербу и страстные свечи - в том убеждении, что этим прогоняются ведьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающие портить скотину, сверх того, они окропляют святою водою и окуривают ладаном все хлева и загоны. На Зеленые Святки, или Троицу, коровы также небезопасны от нападения ведьм.

В день Агриппины-купальницы крестьяне собирают крапиву, шиповник и другие колючие растения в кучу, которая служит заменою горящего костра; через эту кучу скачут сами и переводят рогатый скот, чтобы воспрепятствовать ведьмам, лешим, русалкам и нечистым духам доить у коров молоко, которое после такого доения совсем высыхает (пропадает) в их сосцах. На ночь разводят огни - для предохранения стад от порчи, потому что в купальскую ночь ведьмы и вовкулаки бывают особенно страшны для коров: прокрадываясь в скотные загоны, они высасывают у коров молоко и портят телят. Осторожные хозяева втыкают по углам хлевов ветви ласточьего зелья, на дверях вешают убитую сороку или прибивают накрест кусочки сретенской свечи, тут же при входе кладут вырванную с корнем осину [99 - Иногда ставят осиновый прут над воротами.], а по стойлам - папоротник и жгучую крапиву. Телят на Иванову ночь не отделяют от дойных коров, а лошадей запирают на замок. Тридцатого июля ведьмы задаивают коров до смерти и, опившись молоком, сами обмирают от чрезмерного пресыщения.

Из приведенных поверий видно, что доение ведьмами коров совпадает по времени с ведовскими полетами на Лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевые облака, по древнеарийскому воззрению, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молоком; молния, разбивая тучи, проливает из них живительную влагу дождя, или, выражаясь языком священных гимнов Ригведы, Индра доит (облачных) коров молниями и молоко их ниспосылает на землю плодоносным дождем. Огненный змей в качестве грозового демона, высасывающего дождевые облака и чрез то производящего засуху и неурожаи, получил у славян знаменательное название смока (сосуна) и, по свидетельству народных сказаний, любит упиваться молоком.

В Киевской губернии утверждают, что ведьмы катаются огненными шарами, а в

Витебской - что они обращаются в огненных змеев и в этом виде высасывают у коров молоко. Не менее важным представляется для исследователя и то поверье, что вовкулаки и ведьмы сосут молоко, обращаясь в собак и кошек, так как в образе гончих псов олицетворялись буйные вихри, а в образе кошек - сверкающие молниями тучи; окутываясь в облачные покровы, ведуны и ведьмы принимали на себя звериные подобия и делались оборотнями (вовкулаками), о чем подробнее будет сказано ниже.

Принимая во внимание эти данные и зная, что ведьмы и до сих пор обвиняются в похищении дождей и росы, нельзя сомневаться в мифическом значении предания о доении ведьмами коров- предания, которое, при забвении старинных метафор, необходимо должно было перейти на обыкновенных дойных животных. В устах народа хранится много отрывочных воспоминаний, наглядно указывающих на коренное значение этого предания.

Ночью, когда заснут люди, ведьмы (как уверяют в Киевской губернии) выходят на двор, в длинных сорочках, с распущенными волосами, и, очертив рукою звездное небо, затмевают месяц тучами (скрадывают его) и потом, при настающей грозе, бросаются доить самых тучных коров, и доят их так усердно, что из сосцов вместе с молоком начинает капать кровь (другая метафора дождя); в некоторых деревнях рассказывают, что ведьмы загоняют луну в хлев (в облака или туманы, как строения, возводимые для небесных стад) и доят коров при ее свете.

По любопытному болгарскому поверью, магесницы (колдуньи) могут снимать луну с неба, отчего и происходит ее затмение; луна обращается тогда в корову (то есть обвертывается, облачается коровьей шкурою - облаком), а магесницы доят ее и приготовляют из добытого молока масло для врачевания неисцелимых ран.

На Востоке верили, будто во время затмения луна проливает амриту, которую боги собирают в свои сосуды. Как ярко блистающее солнце уподоблялось нашими предками светильнику, наполненному горящим маслом, так «бледная, холодная» луна представлялась чашею молока; согласно с этим, затмение луны должно было рассматриваться как утрата ею молока-света, скрадываемого нечистою силою мрака. Но уже в глубочайшей древности затмение солнца и луны и сокрытие их светлых ликов темными тучами признавались явлениями тождественными и равно приписывались злобному нападению демонов; поэтому в приведенном нами болгарском поверье хотя и говорится о затмении луны, но речь, собственно, идет о потемняющем ее облаке, из которого ведьмы доят молоко-дождь.

В Галиции уцелела поговорка: «Солнце свитить, дощик крапить, чаровниця масло робить»; у поляков: «Deszczyk pada, slobce swieci, czarownica maslo kleci»; у сербов: «СуНue гриф, киша (дождь) иде, в]ештице (или: Йаволи) се легу», то есть падают поражаемые громом. Приготовление ведьмами чародейного масла объясняется из древнейшего уподобления грозы взбиванию масла. Бог-громовник сверлит тучи своею молниеносною палицею; вращая ее в облачной кадке или бочке, наполненной млеком дождя, он творит то же на небе, что делали на земле люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этим способом приготовлялось в старину масло.

Еще ныне в Швеции donnerkeile называется smordubbar (butterschläger), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, к их сосцам прикладывают «громовую стрелку». Поселяне думают, что чародейки, мешая палкою воду в источнике, подобно тому как взбивается молоко в маслобитне (buuerfass), тем самым похищают у соседей коровье молоко и масло. Раз одна девочка взяла шест и начала им взбалтывать в колодце; на вопрос, что она делает, девочка отвечала: «Так взбалтывает моя мать, когда хочет, чтобы настало ненастье». Первоначально поверья эти относились к дождевым источникам: возмущая их воды, ведьмы производят непогоду и проливают (выдаивают) небесное молоко. Масло, изготовляемое ведьмами, может заживлять раны, следовательно, ему присваивается та же целебная сила, что и весеннему дождю.

По свидетельству народных сказок, колдуны и ведьмы хранят у себя живую и мертвую воду. В Южной России ведьмам приписывают приготовление сыру (творогу): надоенное и налитое в кувшины молоко они ставят в глубоко вырытых ямах и погребах (там же, где прячут чаровницы похищенные ими дожди и росы), а потом делают из него волшебную мазь или сыр к своей Масленице, то есть к началу весны. Кто пожелает сведать, какие из

деревенских баб занимаются чародейством, тот должен в последний день Масленицы взять кусочек сыру, завязать его в узелок и носить при себе во все время Великого поста; в ночь перед Светлым Воскресеньем к нему явятся ведьмы и станут просить сыра.

С приходом весны пробужденный от зимнего сна бог-громовник выгоняет на небо облачные стада, несущие в своих сосцах благодатное молоко дождя, подобно тому как в ту же пору выгоняют поселяне коров и овец на покрывшиеся зеленью пастбища. Сближая свои земные заботы с творческим подвигом громовника, пастушеский народ в первом весеннем выгоне деревенских стад признал религиозное дело, обставил его теми же обрядами, какие, по его мнению, соблюдались тогда на небе, и самый день совершения этих обрядов стал праздновать как посвященный верховному владыке гроз.

В Германии первый выгон скота в поле бывает в мае ранним утром, когда еще не обсохла на траве роса; передовой корове привязывают к хвосту куст или ветку, называемую dausleipe - thauschleppe: эта ветка - эмблема громовой метлы (donnerbesen), которая, ударяя по корове-туче, сотрясает на землю росу и дождь.

Привязанная к хвосту коровы, майская ветка волочится по траве и сбивает с нее утреннюю росу, вследствие чего, по народному убеждению, все стадо наделяется хорошим и обильным молоком. На Руси стада выгоняются впервые на Юрьеву росу, то есть на рассвете 23 апреля, в день, когда празднуют Егория Храброго, на которого перенесены древние представления о Перуне; при этом коров ударяют освященною вербою, что символически знаменует удары громового бича или прута, низводящего на поля и нивы молоко-дождь. От Вербного воскресенья и до Юрьева дня, а нередко и в продолжение целого года во всякой избе сберегается освященная верба; уверяют, что если в Великую субботу зажечь ее в печи, то непременно явится ведьма и станет просить огня, который, как символ грозового пламени, необходим ей для доения коров [100 - Точно так же если на Чистый четверг, во время так называемого стоянья, за каждым церковным звоном бросать в печь по одному полену и потом на Велик день запалить эти двенадцать поленьев, то ведьмы придут за огнем. Четверг - день громовника, звон - метафора производимого им грохота.].

Чехи выгоняют коров метлой или вербою на рассвете 1 мая (na kravske hody); а на второй и третий дни Светлой недели у них в обычае ходить по домам с помлазкою и ударять хозяев, чтобы велась у них скотина. Слово pomlazka (сравни: серб. млаз - струя молока, какую можно выдоить за один раз; от корня млъз = санскр. мардж - доить) означает орудие, делающее коров молочными; так называют ветку вербы или хлыст, сплетенный из нескольких лоз (вербовых, ивовых, виноградных), иногда даже из ремней и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припев выражается о помлазке: «Proutek se otoci, korbel piva (небесного напитка) naioci!».

У сербов и хорватов на Юрьев день многие расчетливые хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала соседских, а потом своих коров и надеются, что вследствие этого молоко от первых перейдет к последним. В Германии и Швеции, когда наступает пора, в которую коровы доятся трижды в день, их ударяют веткою рябины или другого посвященного громовнику растения. Этот обряд в Вестфалии обозначается словом quiken, то есть делать коров сильными, бодрыми, давать им новую жизнь. У чехов соблюдаются и другие знаменательные обряды. Накануне 1 мая они украшают одну из своих коров зелеными ветками, покрывают ее чистою пеленою и выводят в поле на перекресток; там, сотворив обычное моление, снимают с нее покрывало, расстилают его по траве и хлебным всходам, смоченным небесною росою, и, когда оно сделается мокрым, снова возлагают его на корову.

По возвращении домой вешают это покрывало в избе и выжимают из него росу в нарочно поставленный сосуд, наблюдая при этом, чтобы означенная ткань представляла подобие коровьего вымени с четырьмя сосцами. Добытая таким образом роса примешивается к коровьему пойлу, отчего, по мнению крестьян, коровы в продолжение целого года пользуются вожделенным здравием и дают много молока. Тою же росою умываются девицы, чтобы стать здоровыми и красивыми - что называется кровь с молоком!

Рано поутру, перед солнечным восходом, чехи отправляются на поля, стрясают с

хлебных колосьев росу в подойники и потом этою собранною росою омывают у коровы сосцы и вымя; некоторые косят с соседних полей росистую траву и кормят ею свою скотину с полным убеждением, что у соседей коровы будут давать дурное молоко, а у них - хорошее. Подобными же средствами пользуются и ведьмы для того, чтобы отымать у чужих коров молоко: по чешскому поверью, «carodejne baby chodi prd slunce vychodem do travy v paseach stirat rosu do loktus, a tim nabudou moc z mohou z nich vydojiti mleko tech krav, jenzna onych pasekach se pasly» Вешая на кол свои передники, они доят из них молоко.

На Руси рассказывают, что в ночь перед Юрьевым днем и на утренней его зоре ведьмы выходят в поле, расстилают по траве холст и дают ему намокнуть росою; этим холстом они покрывают коров и делают их тощими и недойными; вместе с тем, как высыхает роса, собранная на холст, высыхает, то есть утрачивается, и молоко у коровы. Пелена или холст - эмблема облачной ткани: когда чаровница упустит нечаянно звезду, то не иначе может поймать ее, как плахтою, через которую процеживалось молоко (Черниговская губерния), то есть она ловит звезды, закрывая их дождевою тучею. На рассвете Иванова дня ведьмы бродят по полям, засеянным рожью, и выбирают из росы содержащееся в ней молоко. Малороссияне коровье молоко и масло называют Божьей росою.

В Киевской губернии существует поверье, что ведьма моет юрьевской росою цедилку (ситечко для процеживания молока), и потом когда станет ее выдавливать, то вместо росы потечет молоко, а соседские коровы останутся с пустыми сосцами; в Литве накануне Иванова дня хозяйки варят цедилку в святой воде, взятой из трех костелов, и это, по их словам, заставляет чародеек возвращать коровам выдоенное молоко: подобно тому, как из цедилки льется роса или святая вода, так из коровьего вымени должно политься молоко.

Ведьма может выдаивать чужих коров на далеком от них расстоянии, употребляя для того и другие чародейные способы: стоит только ей воткнуть нож в соху, столб или дерево - и молоко тотчас же потечет по острию ножа, между тем как в ближайшем стаде начинает реветь корова и остается с пустым выменем. Накануне Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу ведьмы ходят по ночам голые, отворяют в крестьянских дворах ворота и двери и срезывают с них по нескольку стружек, собранные стружки они варят в подойнике и тем самым похищают у соседей молоко. Поэтому в означенные дни каждая хозяйка считает обязанностью осмотреть свои ворота и двери, и если заметит где новую нарезку, то немедленно замазывает ее грязью, после чего, по мнению поселян, ведьма лишается возможности отбирать у коров и овец молоко. Тогда же взлезают ведьмы на деревянные кресты, что стоят по дорогам, и стесывают с них стружки, которые употребляют так же, как и срезанные от ворот, или берут деревянный клин (нередко колок от бороны), вбивают его в скотном хлеву в столб и начинают доить, словно коровий сосок; молоко льется из этого клина, как из крана бочки, и наполняет большие ушаты и ведра [101 - Когда ведьма доит коров и хозяин подкараулит ее, она силою своих заклятий заставляет его сидеть неподвижно на одном месте до тех пор, пока не окончит своего дела.].

Те же поверья встречаем и в Германии: ведьмы стрясают с травы росу, чтобы повредить чужим коровам, и уносят ее на свои поля, чтобы собственным стадам доставить более сочный и обильный корм; в Остфрисланде колдунов и ведьм называют daustriker (thaustreicher). Немецкие hexen втыкают нож в дубовый стол или врубаюттопор в дверной косяк - и тотчас же из сделанного в дереве разреза начинает струиться молоко; кроме того, они умеют доить молоко из веретена и повешенного полотенца. Когда коровы дают водянистое (синеватое) или смешанное с кровью молоко - эту порчу приписывают ведьме, которой, в числе других названий, присваивают и следующие: milchdiebin, milchzauberin, molkenstehlerin, molkentöversche, в лужицком наречии чаровница - khodojta, от глагола доить, с приставным в начале звуком k (сравни: kosydlo вместо osydlo, kedzba вместо dzba и др.). Milchdieb и molkentöversche означают также мотылька, что служит новым указанием на связь ведьм с эльфами; как молниеносные духи, эльфы летают легкокрылыми бабочками и высасывают у коров молоко.

И по русским, и по немецким рассказам, ведьмы часто показываются с подойниками на головах; в ненастную погоду старая Hulda (Huldra) надевает на голову подойник и гонит через лес стадо черных коров и овец - поэтическая картина дождевых туч, гонимых буйными ветрами. Нож и топор - символы Перуновой палицы (donneraxt), доящей небесных коров; дубовое дерево (столб, дверной косяк, деревянный крест), из которого ведьмы с помощью ножа или топора извлекают молоко, знаменует дерево-тучу; полотенце - облачная ткань, а веретено - орудие, которым приготовляется для этой ткани пряжа; в приведенном нами поверье оно (наравне с клином, вбиваемым в дерево) принимается в значении молниеносной стрелы (donnerkeile); наконец, сохе и бороне дано участие в суеверных сказаниях о ведовском доении, потому что небесная гроза в древнейших мифах уподоблялась вспахиванию и засеву полей.

Любопытно, что те же атрибуты, которыми ведуны и ведьмы творят свои волхвования, могут быть обращаемы и против них самих- как предохранительные средства от их злого влияния. По своему демоническому характеру ведуны и ведьмы, подобно чертям и великанам, боятся разящих стрел молнии и потрясающих звуков грома, а потому все орудия и обряды, какие исстари служили символическим знамением небесной грозы, заставляют их поспешно удаляться. Так, в некоторых местностях уверяют, будто ведьма боится ножей, воткнутых под верхнюю доску стола; а если приставить к дверям кочергу загнутым (железным) концом вверх, то колдун до тех пор не уйдет из хаты, пока не будет принята эта неодолимая для него преграда.

По немецким поверьям, если бросить в оборотня освященный нож или огниво, то сила превращения мгновенно уничтожается и колдун или ведьма предстает в своем настоящем виде, то есть молния снимает с оборотня звериную шкуру (облако). В хлевах держат огниво, чтобы предохранить домашний скот от болезней и порчи; огниво, положенное в колыбель младенца, защищает его от злого очарования - точно так же, как и молот, завернутый в пеленки, или крест, подвешенный над детским изголовьем. Напомним, что в большинстве случаев, при которых в древности считался необходимым молот, после водворения христианства стали употреблять крест; такая замена, как известно, условливалась крестообразною формою старинных молотов.

Победоносное орудие громовника - молот ограждает человека от поедучей ведьмы. В Германии в первую майскую ночь, а у нас накануне Крещения на всех дверях и окнах видны начертанные мелом кресты. В Чехии, когда хозяин купит новую корову, он тотчас же кладет на порог своего хлева топор или огниво и затем уже вводит ее в стойло. Другие символы молнии: верба, осиновый кол, папоротник и плакун-трава- также предотвращают от человека и домашних животных пагубные замыслы ведунов и ведьм. Осина есть вернейшая оборона от блуждающих упырей; осиновым колом поражают змея- похитителя дождей, прогоняют Коровью Смерть и снимают хлебный «залом» или «закрут», совершаемый чародеями на бесплодие нивы [102 - Кто на Светлое Христово Воскресенье пойдет к заутрене с осиновой палкою или вербою и через эту палку или вербу станет смотреть на собравшийся народ, тому все колдуны и ведьмы покажутся стоящими головами вниз, а ногами кверху (Полтавская губ.).].

Ту же предохранительную силу дает поверье и прутьям колючих растений (терн, шиповник и др.), и жгучим травам, какова, например, крапива. У нас употребительно выражение: крапива жжется, жалит; серб.: коприва жаре, польск.: pokrzywa parzy, чеш.: kopriva zaha, ziha, pali; в областных говорах крапиву называют жижка, жигучка, хорут. же(и) гавица, чеш.: zahavka, zagavka; сравни: лат. urtica, нем. brennessel и литов. noteres, natres от санскр. nath - urere. Накануне Иванова дня крестьяне собирают крапиву и кладут на окнах и порогах домов, чтобы удалить от себя ведьм, леших и нечистых духов.

При первом выгоне стад на пастбище чехи обвязывают коров красными платками, а в хлевах кладут терновые ветки, что, по общему убеждению, предохраняет скотину от порчи. Если бы у кого заболела корова и стала доиться молоком, смешанным с кровью, тот должен срезать свежую ветку орешника или шиповника и бить ею испорченную корову по голове и вымени; другие советуют кипятить самое молоко и ударять по нему тою же веткою. По народному поверью, ведьма - доительница чужих коров чувствует эти удары на своем собственном теле и впадает в тяжкий недуг.

Подобные же муки испытывает ведьма и тогда, когда бочку, в которой пахтается масло, начинают бить терновым прутом или когда заваривают в горшке под дымовою трубою ветви боярышника и терна. Лужичане думают, что если у порога избы положить веник -туда уже не осмелится войти ведьма, а если веником ударить собаку (оборотня) - эта последняя непременно зачахнет. Корову, у которой опухнет вымя, немцы лечат веником, связанным на рождественские Святки; этот же веник они кладут на пороге хлева, когда выгоняют свои стада в поле. Зажженная свеча и огонь домашнего очага служили знамениями небесного пламени, возжигаемого в тучах богом-громовником. Ничто так не устрашает ведьм, как четверговая (страстная) свеча; где горит она, там бессильны их чары и волхвования; хлебный залом поджигают благовещенскою свечою; сложенные накрест восковые свечи прогоняют ведьм от коровников и конюшен.

На Рюгене соблюдался обычай бегать по полям с зажженными лучинами - для предохранения дойных коров от злых волшебниц. В Германии думают, что горящая головня, кинутая в колдуна или ведьму, разрушает их козни. У нас с целью противодействовать ведьмам заговаривают дымовые трубы, забивают под князек заостренные колья и посыпают на загнетке золу, взятую из семи печей. По народному поверью, ведьмы боятся домового, который, как представитель очага и семейного благосостояния, призван оберегать хозяйское добро. Звон - метафора грома, а святая вода, кровь и смола (вар. деготь) - дождя.

Звуки колоколов нестерпимы для ведьм и нечистых духов; они разгоняют их сборище, мешают их неистовой пляске и не дают совершиться их злобным намерениям. Немецкие hexen называют колокола лающими псами (bellende hunde). Шведы рассказывают, что ведьмы подтачивают перекладины, на которых висят колокола, и, сбрасывая их с высоких башен, восклицают: «Nie soll meine seele Gott näher kommen, als dieses erz wieder zur glocke werden!» Словенцы во время грозы звонят в колокола и стреляют на воздух, чтобы прогнать собравшихся ведьм. Кто желает исцелиться от «порчи», тот должен ударить колдуна или ведьму правою рукою наотмашь, прямо по переносице - так, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенце и сжечь на огне. Как удар молнии, проливая дождь, обессиливает облачного демона, так в настоящем случае с пролитием крови уничтожается губительная сила колдуна или ведьмы.

Лужичане, оберегая дойных коров, мажут на дверях хлевов дегтярные кресты; и черт, и ведьма, как скоро будут настигнуты серебряною пулею (молнией), тотчас же разливаются смолою. На все исчисленные предохранительные средства суеверный народ наложил христианское клеймо: свеча берется страстная или благовещенская, вода - святая или крещенская, верба и нож - освященные в храме.

Когда бог-громовник доит облачных коров, он это делает, чтобы напоить дождем жаждущую землю и возрастить засеянные нивы; наоборот, ведьмы, согласно со своим демоническим характером, доят этих коров с тою же целью, с какою высасывают их мифические змеи, то есть они иссушают облака, скрадывают росу и дожди и тем самым обрекают землю на бесплодие. Им приписываются и летние засухи, и зимнее бездождие. Ведьмы доят и высасывают коров не только летом, но и зимою. По русскому поверью, ведьма, опиваясь молоком, обмирает (впадает в зимнее оцепенение), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей пяты [103 - Припомним выражение «душа в пятки ушла!».], то есть необходимо развести грозовое пламя. Во все продолжение зимы творческие силы природы, по выражению сказочного эпоса, бывают заколдованы. Ведьмы щедры только на безвременные и вредоносные ливни, сопровождаемые градом, вьюгами и опустошением. Стада сгущенных облаков, изливаясь в дождевых потоках, мало-помалу разрежаются, становятся бледнее, прозрачнее и наконец совсем исчезают; явление это на старинном поэтическом языке называлось пожиранием (сожжением, иссушением) небесных коров драконами или порчей их ведьмами; и драконы, и ведьмы равно представляются в народных преданиях существами голодными, жадными, любящими упиваться коровьим молоком до полного бесчувствия.

Низводя древнемифические сказания с небесных высот на землю, предки наши стали верить, что ведьмы доят и сосут обыкновенных коров, которые вследствие этого лишаются молока, спадают с тела и в скором времени издыхают - точно так же, как чахнут и гибнут лошади, на которых ездят ведьмы на свои буйные сборища. Таким

образом, доение ведьмами коров признано было нечестивым делом, влекущим за собою скотский падеж, иссыхание дождевых источников и повсеместный неурожай. В духовной песне грешная душа, обращаясь к своему телу, говорит: «Пойду я в муку вечную, бесконечную, в горючи огни». «Почему ж ты, душа, себя угадываешь?» - спрашивает тело.

- Потому я, телом белое, себя угадываю,
Что как жили мы были на вольном свету —
Из чужих мы коров молоко выдаивали,
Мы из хлеба спорынью вынимывали.
Не ходили ни к обедни, ни к завтрени.

В другом стихе читаем:

Чем же души у Бога согрешили?
А первая душа согрешила:
Во ржи залому заломала,
В хлебушке споры вынимала.
Четвертая душа согрешила:
В чистом поле корову закликала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушивала.

Сербская пословица «Ко се држи правице, Taj не музе кравице» [104 - Перевод: «кто держится правды, тот не доит коров».] намекает на тот же грех. Приведенные свидетельства духовных песен весьма знаменательны; сопоставление рядом отнятия у коров молока, а у хлеба спорыньи звучит как отголосок глубокой старины, которая под молоком разумела плодородящие дожди. Выдаивать молоко - то же, что похищать росу и дождь или отымать у хлеба спорынью, производить неурожаи и голод. Такое действие необходимо должно было казаться самым страшным грехом. Закликая корову, ведьма, по указанию стиха, доит ее, выливает молоко наземь и забивает в то место осиновый кол, с которым связывается идея омертвения [105 - Мертвецы, пронзенные осиновым колом, уже не могут вставать из гробов.]: как засыхает срубленная осина - так у коровы должно иссохнуть вымя.

У всех индоевропейских народов град, бури, холода и засухи, действием которых истребляются зеленеющие и созревающие нивы, приписывались колдовству. Греческие эвмениды (название, объясняемое в старинных немецких глоссариях словом häzasa = hexe) уничтожали своею слюною (дождевыми ливнями) и градом жатвы и овощи. Определено наказание тому, «qui fruges excantassit» или «alienam segetcm pellexerii» (кто околдовывал плоды и творил заклятие на чужую ниву). Агобард, лионский епископ первой половины IX века, записал следующее любопытное предание: «Plerosque autem vidimus et audivimus tanla dementia obrutos, tanta stultilia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in nubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestalibus pereunt, vehantur in eandem regionem, ipsis videlicet nautis aereis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges» [106 - Перевод: «Мы видели и слышали многих одержимых таким безумием, такою глупостью, что веруют и утверждают, будто есть некая страна, именуемая Магония, из которой приходят на облаках корабли; воздушные пловцы забирают зерновой хлеб и другие плоды, побитые градом и вихрями, уплачивают за них чародеям, вызывающим бури, и увозят в свое царство».].

По свидетельству буллы Иннокентия VIII, множество людей обоего пола не боялись вступать в договоры с адскими духами и посредством колдовства делали неплодными брачные союзы, губили детей и молодой скот, истребляли хлеб на нивах, виноград и древесные плоды в садах и траву на пастбищах. В 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокруг, две женщины, признанные виновницами такого бедствия, были осуждены и преданы смерти. И германцы, и славяне обвиняли ведьм в похищении благоприятной погоды, дождей, изобилия и в наслании болезней, скотского падежа и мора, всегда сопровождавших голодные годы; с этим согласно и

старинное убеждение, что затмения, обыкновенно производимые ведунами и ведьмами, бывают «к гладу и мору».

На Украине до сих пор верят, что ведьмы задерживают дождь, низводят град и посылают неурожаи. На всем пространстве, какое ведьма в состоянии обнять своим взором, она может и произвести голод, и отнять у коров молоко [107 - «На скилько забачнла свиту, стилько и вкинула голоду» или «стилько и молока одибрала».]: сближение многознаменательное! По мнению болгар, ведьмы похищают урожай с чужих нив и передают его своим любимцам; поэтому крестьяне выходят весною на поля и произносят заклятие: «Вражья душа! бегай от нас». Русские поселяне также убеждены, что колдуньи скрывают у себя большие запасы хлеба [108 - Чародеи могут допрашивать вихрь о будущем урожае и допрос свой совершают, ударяя крутящийся вихрь острым ножом и держа в руках петуха.].

В Германии рассказывают, что ведьмы катаются голые по нивам, засеянным льном и житом, что они не только умеют вредить посевам, но и могут присваивать себе плоды чужих трудов, скрадывая с соседних полей зерновой хлеб или овощи и наполняя ими свои закрома, - поверье, известное уже римлянам. Так, идучи виноградниками, ведьма потрясает шесты, около которых вьются виноградные лозы, и тотчас же зрелые гроздья переносятся с чужого участка на ее собственный. Один старый колдун дал своей внучке палку, которую она должна была воткнуть на указанном месте посреди нивы; настигнутая на дороге дождем, девочка остановилась под ветвистым дубом и воткнула возле него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на полях деда густые кучи дубовых листьев.

В темные ночи колдун раздевается догола, привязывает к ноге серп и, творя заклятия, направляет путь через нивы своих соседей; вслед за тем на этих нивах не остается ни единого полного колоса; все зерно, какое только уродилось, попадает в закрома и овины заклинателя. Старинная метафора, уподобившая молнии острым зубам мышей, придала этим зверькам мифическое значение. Аполлон, с лука которого слетали убийственные стрелы заразы, в гневе своем творил все истребляющих мышей (Apollo Sminthcus); немецкая клятва «dass dich das mauschen beisse!» употребляется в том же смысле, как славянская «бодай тя ясна стрела ранила!» или «пусть тебе Перун покажет свои зубы!». Параличный удар, наносимый по древнему воззрению карающей рукою бога-громовника, у чехов называется mys (нем hexenschuss).

Поэтические сказания о небесных мышах, являющихся во время бурных, опустошительных гроз, впоследствии были перенесены на обыкновенных полевых мышей, которые нередко целыми стаями нападают на хлебные поля, скирды и житницы и поедают зерно. Чрезмерное размножение полевых мышей народная фантазия приписала злому влиянию колдовства. Ведуны и ведьмы нарочно разводят их и напускают в дома и нивы, почему немцы и называют ведуна mausschlägel, а ведьму - mausschlägerin; старинные ведовские процессы упоминают название mäusemacher(musemaker) и сообщают поверье, будто ведьма, кипятя волшебные травы, причитывает: «Maus, maus, heraus ins teufels namen!» - ив силу ее заклятия мыши выпрыгивают из горшка одна за другою. Рассказывают еще, что ведьма свертывает платок наподобие мыши и восклицает: «Lauf hin und komm wieder zu mir!» - и тотчас же от нее убегает живая мышь.

По свидетельству нидерландской саги, чародейке стоит только подбросить несколько глыб земли, чтобы в то же мгновение все поле закопошилось мышами. Чехи считают мышь созданием черта. При начале мира, когда выросла и созрела первая жатва, черт сотворил этого хищного зверька и приказал ему истребить весь хлеб, а Бог, чтобы разрушить дьявольские козни, тогда же сотворил кошку. В чешской хронике по поводу многочисленных мышей, явившихся в 1380 году, замечено, что современники думали, будто мыши эти зародились от грозы: «Ze by ty mysi se zrodily z povetri porusenehe».

И доныне у чехов сохраняются следующие любопытные поверья: полевые мыши ниспадают при начале весны с месяца (с неба) или зарождаются от дождя, выпадающего на Петров день; если на Троицын день идет дождь, то в продолжение лета будет много мышей; полевые мыши изъедают у коров вымя, то есть высасывают молоко-дождь; когда они появляются в большом числе - это предвещает голод и

болезни; свист, звон, барабанный бой, удары молотильного цепа и крик черного петуха (словом, все, что на поэтическом языке служит обозначением грозовых звуков) признаются за те спасительные средства, которыми можно разогнать крыс и мышей; чтобы избавиться от этих хищников, крестьяне обкуривают свои дворы козлиною бородою, что стоит в несомненной связи с древнеязыческим посвящением козла богу-громовнику.

Кроме плодов земных ведьмы могут скрадывать и другие припасы, необходимые для благосостояния человека; так, они уносят мед из ульев, загоняют к себе рыбу и забирают птиц и зверей, за которыми ходят на промысел охотники. Скрадывание меда объясняется уподоблением дождя медовому напитку, а захват рыбы, птиц и лесного зверя -мифическими представлениями грозы рыбною ловлею и дикою охотою.

Между малорусами ходит такой рассказ: жили-были три брата, занимались рыболовством и звериной охотою; и на лове, и на охоте братья не знали неудачи: закинут ли сети - а они уж полнехоньки рыбою, возьмутся ли за ружья - зайцы сами бегут на выстрелы. Дело в том, что мать у них была ведьма. Раз братья решились ее испытать: взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идут ловить рыбу. Что же? Раскинули тенета - и вместо зайцев полезли в них окуни, караси да щуки! Еще от XI века донеслись до нас интересные летописные свидетельства о подобных обвинениях, взводимых на тех женщин, в которых подозревали ведьм. В 1024 году, говорит летописец, восстали в Суздале волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволю наученью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятеж велик и голод по всей той стране. Слышав же Ярослав. изымав волхвы, расточи, а другая показни, и рек сице: Бог наводить по грехом на куюждо землю гладом, или мором, или вёдром (засухою), ли иною казнью, а человек не весть ничтоже».

Под 1071 годом находим следующее известие: «.бывши бо единою скудости в Ростовстей области, всташадва волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве (мы ведаем) - кто обилье держит. И поидоста по Волзе; кде придут в погост, ту же нарицаху лучшие (добрые) жены, глаголюща, яко си жито держать, а си мед, а си рыбы, а си скору [109 -Мягкую рухлядь, звериные меха.]. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавше за плечем, выимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, именье их отьимашета собе». Наконец волхвы пришли на Белоозеро; за ними следовало до трехсот человек. В это время Ян собирал на Белоозере княжескую дань. «Повелоша ему белозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъсве и по Шексне». Ян потребовал от них выдачи волхвов; но белоозерцы «сего не послушаша». Ян решился действовать против волхвов собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросил: «Что ради погубиста толико человек?» Волхвы отвечали: «Яко ти держать обилье; да аще избиеве сих - будеть гобино; аще ли хощеши, то перед тобою выни меве жито, ли рыбу, ли ино что. Ян же рече: по истине лжа то!» Итак, по словам летописи, волхвы обвиняли старых женщин в том, что они производили голод, скрадывали обилье (гобино), то есть урожаи [110 - Обилье- в Архангельской губернии всякий немолоченый хлеб, в Псковской губернии - огородные овощи.], и делали безуспешными промыслы рыбака и охотника.

Вера в возможность и действительность подобных преступлений была так велика в XI веке, что родичи сами выдавали на побиение своих матерей, жен и сестер; жители не только не хотели сопротивляться волхвам, но и следовали за ними большою толпою. Обвинение «старой чади» в бедствиях голодных годов вполне соответствовало грубому и суеверному взгляду тогдашнего человека на природу, и волхвы (даже допуская с их стороны обман и своекорыстные расчеты) только потому и действовали так открыто и смело, что опирались на общее убеждение своего века [111 - Г. Мельников (Рус. Вест., 1867, IX, 245-7) описывает мордовский обряд сбора припасов для общественного жертвоприношения и наклонен видеть в нем тот факт, однородный с тем, какой занесен в летописное сказание о волхвах. В назначенный для сбора день замужние мордовки обнажают свои груди и плечи и, становясь задом к дверям избы, закидывают за спину холщовые мешки с мукою, медом, маслом и яйцами; янбед (помощник главного жреца) колет их слегка в голые плечи и спины жертвенным ножом, потом перерезывает тесемки, на которых висят мешки, и забирает приготовленные

припасы. Мы, с своей стороны, не усматриваем в этом описании ничего общего с летописным рассказом: в мордовском обряде укол ножа представляет не более как символическое действие и самый обряд этот имеет целью собрать припасы для общественного жертвоприношения, какое совершается в благодарность за дарованный урожай; летопись же говорит о действительном избиении жен, заподозренных в похищении гобина.]. Все физические явления предки наши объясняли себе как действия богов или демонов, вызванные мольбами, заклятиями и чарами вещих людей. Позднее, после принятия христианства, та же сила властвовать и управлять природою была распространена и на представителей нового вероучения.

Бывали примеры, что народ обвинял духовных лиц в засухах и других физических бедствиях. Так, в 1228 году новгородцы, напуганные тем, что «тепло стоит долго», прогнали своего владыку, «акы злодея пьхающе». Женщин, заподозренных в чародействе и обвиняемых в похищении дождей и земного плодородия, преследовали в старину жестокими казнями: жгли, топили и зарывали живыми в землю. Против этого обычая резко протестовал Серапион, епископ Владимирский (XIII в.): «Мал час порадовался о вас, чада! видя вашю любовь и послушание, А еж еще по ганского обычая держитесь, волхованию веруете, и пожигаете огнем невинные человекы и наводите на весь мир и град убийство. Аще кто и не причастися убийству, но в соньми быв в единой мысли - убийца же бысть, или мога(и)й помощи, а не поможе - аки сам убити повелел есть. От которых книг или от ких писаний се слышасте, яко волхованием глади бывають на земли, и пакы волхованием жита умножаються? То аже сему веруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, и дары приносите им, ать (пусть) строять мир, дождь пущають, тепло приводить, земли плодити велять. Се ныне по три лет(а) житу рода несть - не токмо в Руси(и), но (и) в Латене: се влхвове ли створиша? аще не Бог ли строите(ъ) свою тварь, яко же хощет, за грех нас томя?. Молю вы: отступите дел поганьскых. Аще хощете град оцестити от безаконных человек, радуюся тому; оцещайте, яко Давид-пророк, «который судил в страхе Божием и по правде; вы же осуждаете на смерть по вражде и ради прибытка, жаждя пограбить. Правила Божественнаго(ыя) повелевають многыми послух(и) осудити на смерть человека; вы же воду послухом поставите, и глаголите: аще утопати вачисть -неповинна есть, аще ли попловеть - волховь [112 - Женская форма от слова «волхв»; сравни: свекровь.] есть. Не может ли дьявол, видя ваше маловерье, подержати да не погрузится, дабы въврещи в душьгубьство; яко оставльше послушьство бо(го)твореного человека, идосте к бездушну естьству».

По своим стихийным свойствам ведуны и ведьмы могут свободно носиться посреди облачных источников, и потому в народе составилось убеждение, будто они ходят по поверхности рек и озер и не тонут в глубине вод. На Украине до позднейшего времени узнавали ведьм по их способности держаться на воде. Когда случалось, что дождь долго не орошал полей, то поселяне, приписывая его задержание злым чарам, собирались миром, схватывали заподозренных баб и водили купать на реку или пруд. Они скручивали их веревками, привязывали им на шею тяжелые камни и затем бросали несчастных узниц в глубокие омуты: неповинные в чародействе тотчас же погружались на дно, а настоящая ведьма плавала поверх воды вместе с камнем. Первых вытаскивали с помощию веревок и отпускали на свободу; тех же, которые признаны были ведьмами, заколачивали насмерть и топили силою. Квитка в письме своем к Плетневу (1839 г.), по поводу рассказа «Конотопская ведьма» замечает: «Топление ведьм при засухе- не только бывалое, со всеми горестными последствиями, но, к удивлению и даже ужасу, возобновленное помещицею соседней губернии». Гуцулы топили ведьм в 1827 году. Обычай этот известен и между сербами: когда пронесется молва «на Kojy жену да је в]ештица, онда је вежу и бацеу воду да виде: може ли потонути; јер кажу да Bjernraua неможе потонути. Ако жена потопе, а они је извуку на поле и пусте; ако ли не могбуде потонути, а они је у6njy, јер је в]ештица».

Подобное испытание водою («суд Божий») в Германии называлось hexenbad. По уверению г. Даля, на Украине ходит рассказ, заимствованный из судебных актов, как одна злая и пьяная баба, поссорясь со своей соседкою, обвинила ее в скрадывании росы; обвиненную объявили ведьмою и предали сожжению.

В половине прошлого столетия управляющий имением графа Тышкевича в Литве писал к нему: «Ясневельможный пане! с возвращающимися крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц: три сознались, а остальные нет. Две из них престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов святую воду и буду на ней варить кисель; говорят, непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда еще будет мне работа! Вот и г. Эпернети, по нашему примеру, сжег женщину и мущину. этот несчастный ни в чем не сознался, зато женщина созналась во всем и с великим отчаяньем пошла на тот свет».

Сожжение колдунов и ведьм засвидетельствовано многими старинными памятниками. В Грузии при всяком общественном бедствии хватали подозрительных старух, истязали в присутствии князей и духовенства и выпытывали у них сознание во мнимых сношениях с нечистою силою. В 1834 году, во время бывшего неурожая кукурузы и гомии, в некоторых грузинских деревнях бросали колдунов в воду или вешали на деревьях и прикладывали к их обнаженному телу раскаленное железо. Поступая так, народ не только думал удовлетворить чувство своего мщения, но и был убежден, что казни эти суть единственные средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородие. Такое убеждение возникло из древнемифической основы.

Облачные жены, похищающие росу, дождь и урожаи, только тогда возвращают эти сокрытые ими блага, когда сгорают в небесном пламени молнии или купаются и тонут в разливе дождевых потоков. Позднее, когда в засухах и бесплодии почвы стали обвинять смертных жен, народ уверовал, что сожжение и потопление их непременно должно возвратить земле дожди и плодородие - точно так же, как обливание водою «додолы» признается сербами за лучшее средство против летней засухи. Но, с другой стороны, так как гроза, пожирающая тучи, нередко сопровождается разрушительной бурею и градом, то отсюда родилось верование, что ведьмы, желая произвести непогоду, град и буйные вихри, рассеивают по полям дьявольский пепел (пепел демона градовой тучи).

Я. Гримм приводит из одного старинного памятника любопытное свидетельство о чародейке, которая, покаявшись перед смертною казнью, просила снять ее труп с виселицы, сжечь огнем и пепел высыпать в воду, а не развеивать по воздуху, дабы не постигли страну град и засуха.

Губительное влияние ведунов и ведьм распространяется на все, обещающее приплод, нарождение. По народным поверьям, они делают баб неплодными, отымают у жениха мужскую силу, присаживают ему килу, а у невесты скрывают половой орган. При всякой свадьбе необходимо соблюдать особенные предосторожности для охраны новобрачных и поезжан от злого очарования; в некоторых деревнях там, где празднуется свадьба, нарочно затворяют двери и затыкают трубы, чтобы не влетела ведьма (Арзамасский уезд). Ведьмы глазят беременных женщин и выкрадывают из них зачатых младенцев.

Существует примета: если на дворе стрекочет сорока, то беременная баба не должна выходить из-под крова избы, оберегаемой священным пламенем очага, иначе ведьма, которая любит превращаться сорокою, похитит из ее утробы ребенка; самый ребенок, еще до появления своего на свет, легко может быть испорчен колдуном или ведьмою. Народный стих наряду с другими ведовскими грехами: доением коров и отыманьем у хлеба спорыньи - указывает и на порчу детей в утробе. В старину рождение уродов признавалось следствием волшебства или дьявольского наваждения. Древний метафорический язык допускал выражение «замкнуть, завязать плодородие».

Ведьмы, потребительницы земных урожаев, держат росу и дожди в покрытых и завязанных сосудах, и пока сосуды эти не будут развязаны, до тех пор ни единая капля живительной влаги не упадет с неба на жаждущие поля. Подобно тому как зимние холода и летние засухи запирают плодотворное семя дождей, так точно с помощью волшебства можно замкнуть силу плодородия в обвенчанной чете. Германцы приписывают ведьмам такую чару над молодыми супругами: во время свадьбы ведьма запирает замок и забрасывает его в воду, и пока замок не будет найден и отомкнут, супружеская чета делается неспособною к соитию. Чара эта называется schloss-

schliessen и nestelkniipfen (nest - шнурок, ремешок, kniipfen - завязывать).

В Сербии враги, желающие, чтобы у новобрачных не было детей, украдкою завязывают одному из них узлы на платье; а лужичане с тою же целью запирают, при совершении венчального обряда, замок- в ту самую минуту, когда священник произносит слова «плодитесь и множитесь». Интересна жалоба, занесенная в протокол стародубского магистрата 1 января 1690 года. Тимошка Матвеев бил челом на Чернобая, который во время свадьбы обвязывал его неведомо для чего ниткою-портнинкою, и с того-де часу он, Тимошка, уже два года не имеет со своею женою никакого сполкования (spolkowanie -соитие), а портнинку Чернобай забросил и сказывает, что без нее пособить беде не умеет.

В приведенных чарах узлы производят плотское бессилие, точно так же как закручивание колосьев (ржи, овса, конопли и проч.) на ниве может, по народному поверью, отнимать у хлеба спорынью и вместе с тем производить гибель скота и людей -обычные следствия неурожаев и голода в старину, когда не знали благоразумной расчетливости и не делали запасов на будущие года. Неурожай, голод и повальные болезни бывали, по свидетельству летописей, всегда неразлучны.

Закрут (залом, завиток), до сих пор наводящий ужас на целые села, не должно смешивать с завиваньем колосьев на бороду Волосу; это последнее возникло из уподобления связанных созрелых колосьев завитой бороде древнего бога, имело значение жертвенного приношения и доныне совершается явно и с добрыми пожеланиями- на урожай и обилие. Напротив, закрут завивается тайно из жажды мщения, из желания причинить хозяину нивы зло и сопровождается заклятием на гибель плодородия; он совершается так: злобный колдун берет на корню пучок колосьев и, загибая книзу, перевязывает их суровою ниткою или заламывает колосья и крутит (свивает) на запад -сторона, с которою соединяется понятие смерти, нечистой силы и бесплодия; в узле залома находят иногда распаренные зерна и могильную землю: итои другое - символы омертвения.

В старинных требниках встречаются молитвы, которые следовало читать над таким очарованным местом: после установленного молитвословия священник выдергивал закрут церковным крестом и тем отстранял его зловредное влияние. Теперь для снятия закрута приглашают знахаря, который вырубает осиновый кол, расщепливает его надвое и этим орудием выдергивает зачарованные колосья; затем закрут сожигается благовещенскою свечою, а на том месте, где он стоял, знахарь вбивает в землю осиновый кол, что, по мнению поселян, причиняет колдуну нестерпимые муки [113 - В Курской губернии срезывают однолетние осиновые прутья и кладут их накрест возле нивы, на которой сделан залом.].

Доныне думают, что узлы и пояс замедляют роды, ибо с ними нераздельно понятие связывания, замыкания, а в настоящем случае нужно, чтобы женщина разрешилась от бремени (нем. entbunden werden), чтобы ребенку был свободный, открытый путь. Влияние языка обнаружилось в создании следующих поверий: на родильнице не должно быть ни одного узла, даже расплетают ей косу. Но этого недостаточно: при трудных родах призывают отца и заставляют его развязать или ослабить пояс, отстегнуть воротник сорочки, распустить учкур (поясок у штанов) и в тоже время открывают у печи заслонку, отпирают сундуки и выдвигают все ящики.

Во многих местах во время трудных родов просят священника отворить Царские врата в храме, а повивальная бабка читает при этом «Сон Пресвятой Богородицы». В Курской губернии страждущую родильницу переводят троекратно через порог избы, чтобы ребенок скорее переступил порог своего заключения и явился на свет из утробы матери. В Германии уверяют, что сложенные вместе руки и поставленные одна на другую ноги мешают родильнице разродиться. Мнение это разделяли и древние греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то Γλείυια села у дверей, скрестила руки и положила правую ногу на левую, чтобы помешать родам. Но служанка Алкмены обманула богиню ложным известием, что роды уже совершились; раздосадованная богиня вскочила, разъединив свои руки и колени, и в тот самый миг разрешилась Алкмена прекрасным малюткою. В новогреческой сказке муж, покидая свою беременную жену, опоясывает ее поясом и говорит: «Ты не прежде родишь дитя, пока я не расстегну

тебе этого пояса!» - и она действительно не могла разрешиться до того часу, пока не обрела своего мужа и пока он не разрешил ее пояса. В албанской редакции этой сказки муж, вместо пояса, запирает чрево жены своей серебряным ключом.

На Руси, чтобы помочь в тяжелых родах, читают следующий заговор: «Пресвятая Мати Богородица! соходи со Престола Господня и бери Свои золотые ключи и отпирай у рабы Божьей (имярек) мясные ворота и выпущай младеня на свет и на Божью волю». Как обвязанный вокруг тела пояс замыкает чадородие женщины, так, по свидетельству норвежской сказки, королевский сад потому не приносит плодов, что вокруг его зарыта трижды обведенная золотая цепь.

Круговая, то есть со всех сторон замкнутая, линия получила в народных верованиях значение наузы, столь же крепкой, как и завязанная веревка или запертая цепь. Начертанная ножом, зажженною лучиною или углем (знамения разящей молнии), линия эта защищает человека от зловредного действия колдовства и покушений нечистой силы. Через круговую черту не может переступить ни злой дух, ни ведьма, ни самая Смерть; против чумы и других повальных болезней опахивают кругом деревни и села; при добывании кладов и цвета папоротника, при совершении различных чар и произнесении заклятий очерчивают себя круговой линией для охраны от демонского наваждения.

На Украине дети, завидя полет диких гусей, причитывают: «Гуси-гуси! завъяжу вам дорогу, щоб не втрапили до дому» или «Гуси-гуси! колесом, червониим поясом»- и думают, что от этих слов гуси закружатся на одном месте. У лужичан, чехов и русских перед Рождеством дают курам корм, окружая его цепью или обручем, чтобы они клали яйца дома: этот обряд замыкает птицу в границах хозяйского двора. В Ярославской губернии в пламя пожара бросают обруч с квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился в одном месте и не распространялся дальше [114 - Чтобы вор не мог убежать, должно взять нитку из савана, смерить мертвеца и обойти с ней трижды около дома и амбаров, приговаривая: «Как мертвец не встает и не выходит из могилы, так бы не вышел и вор из этого круга».]. В Моложском уезде не обводят новобрачных вокруг стола, чтобы молодая не была бесплодна, то есть чтобы не замкнуть ее плодородия круговою чертою.

Содействуя стихийным демонам, насылая неурожаи, бескормицу и голод, ведуны и ведьмы тем самым порождают между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Вследствие их чар, вместе с холодными вьюгами и продолжительными ливнями, появляются простудные болезни, а вместе с знойным дыханием лета и повсеместною засухою подымаются вредные испарения и настает моровая язва. В тех же кипучих котлах, в которых ведьмы заваривают бурные грозы и град, приготовляют они и мучительные недуги, несущиеся в удушливых парах по направлению ветров.

В финской Калевале Kivutar, дочь олицетворенной болезни (kipu, род. kivun - болезнь), соответствующая нашим и немецким ведьмам, всходит на гору и варит в котле скорби, немощи и язву. По мнению русских поселян, колдуны и колдуньи напускают на людей и домашний скот порчу, то есть томят их, сушат, изнуряют болезненными припадками. Испорченные колдовством люди называются кликушами, это - несчастные, страдающие падучею или другими тяжкими болезнями, соединенными с бредом, пеною у рта и корчами; они издают дикие вопли и под влиянием господствующего в народе суеверия утверждают, будто злые вороги посадили в них бесов, которые и грызут их внутренности.

Силою страшных заклятий колдуны и колдуньи насылают нечистых духов по воздуху: послушные им ветры несут и навевают на людей неисцелимые недуги, называемые стрелами, икотою, поветрием или заразою. По свидетельству Боплана, колтун приписывали на Украине чародейству старых баб. Эту и все прочие болезни, постигающие людей, домашних птиц и животных, кашубы до сих пор считают следствием околдования.

Опасно принимать из рук ведуна какой бы то ни было напиток: вместе с чаркою вина, предложенною на пиру, он может поднести злую немочь. Выпивая это вино, человек проглатывает сестер-лихорадок или иных мучительных демонов, которые

превращаются в его утробе в разных гадин: змей, жаб, лягушек и мышей, они сосут его кровь, терзают кишки и печень, раздувают живот и, наконец, доводят свою жертву до преждевременной кончины. Несчастный, которым овладела болезнь, носит ее с собою везде, куда бы ни направил свои стопы. Такая неотвязность болезни выразилась в поверье, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больного (делают его бесноватым) или разъезжают на его спине; налегая на человека страшной тяжестью, они заставляют его возить себя, изнуряют, ломают и трясут его. То же представление соединяется с ведьмами: в ночные часы они являются в избы, садятся на сонных людей, давят их и принуждают носить себя по окрестностям; нередко ведьма оборачивает доброго молодца конем и скачет на этом коне по горам и долам до тех пор, пока он не потеряет сил и не упадет от усталости. Рассказывают еще, будто ведьма ездит ночью на думе спящего человека, который хотя и не сознает, что с ним делается, но тем не менее, пробуждаясь на следующее утро, чувствует во всем теле полное изнеможение [115 - Подобные поездки приписывают и нечистому; на Украине говорят: «И на мудрим дидько на лысу гору]издить».].

Колдуны и ведьмы собирают ядовитые травы и коренья, готовят из них отравное снадобье и употребляют его на пагубу людей; в областных говорах «отрава» обозначается словами «порча», «портёж», а колдуна и колдунью называют «порче льник» (портёжник) и «порчельница»; для всех одуряющих зелий существует общее, собирательное имя «бесиво». Народные песни говорят о девах-чаровницах, приготовляющих отравный напиток: по край моря синего, по зеленым лугам,

Тут ходила-гуляла душа красная девица,
А копала она коренья - зелье лютое;
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья в серебряном кубце,
Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассыпала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга.

По указанию другой песни, задумала сестра избыть постылого брата:

Брала стружки красна девица.
Бравши стружки, на огонь клала.

Вариант:

Натопила она кореньица в меду в патоке,
Напоила добра молодца допьяна.
Все змей пекла, зелье делала,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Зелье было страшное: едва
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорелася.

Колдуны и ведьмы могут причинить недуги прикосновением, дыханием, словом, взглядом и самою мыслию; в них все исполнено губительной чародейной силы! Выше было объяснено, что под влиянием древнейшего метафорического языка, который уподобил гром вещему слову, веяние ветра дыханию, блеск молний - сверкающим очам, а все душевные движения сблизил с стихиями, возникли суеверные убеждения, заставившие наших предков чувствовать страх перед всяким проявлением души человеческой. Недобрая мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекут за собою несчастие для того, кто возбудит их в чародее; высказанное колдуном злое пожелание действует так же неотразимо, как заговор или клятвенная формула; своим взглядом он может сглазить, а своим дыханием озевать человека, то есть наслать на него порчу.

Как небесные стада теряют молоко и иссыхают от ударов молнии, так точно от взгляда ведьмы пропадает молоко в грудях матери и чахнет ее ребенок; сглазу приписываются и болезни домашнего скота. Как небесные волки и змеи (драконы) страшатся блестящей молнии, так точно взор волшебника смиряет волков и змей,

населяющих леса и пустыни. Что ведьмы были обвиняемы в распространении повальных, заразительных болезней, это засвидетельствовано грамотою царя Михаила Федоровича, упоминающею о бабе-ведунье, которая наговаривала на хмель, с целью навести на Русскую землю моровое поветрие. Крестьяне до сих пор убеждены, что колдуну стоит только захотеть, как тысячи народу падут жертвами смерти.

Русская сказка возлагает на ведьму ту же самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою девою: в глухую полночь она является в белой одежде, просовывает руку в окно избы, кропит волшебными соками и всю семью - от старого и до малого - усыпляет навеки смертельным сном. По уцелевшим на Руси преданиям, в старину при всякой повальной болезни и скотском падеже обрекали на смерть женщину, заподозренную миром в злом волшебстве.

Женщину эту завязывали в мешок, вместе с собакою, черною кошкою и петухом, и зарывали в землю или топили в реке с полным убеждением, что после этого мор немедленно должен прекратиться. Еще недавно высказывалось поселянами мнение, что если бы первого заболевшего холерой похоронить заживо, то означенная болезнь тотчас бы приостановила свои губительные действия (Новгород-Северский уезд).

В некоторых деревнях на том месте, где пала первая зачумленная скотина, приготовляют яму и в этой яме зарывают падаль, привязав к ее хвосту живых собаку, кошку и петуха. Хозяина издохшей скотины община вознаграждает за потерянную шкуру. В Нижегородской губернии от сибирской язвы вбивают на перекрестках осиновые колы и посыпают улицы пеплом нарочно сожженной собаки. Иногда для отвращения заразы крестьяне с вечера загоняют весь деревенский скот на один двор, запирают ворота и караулят до утра, а с рассветом начинают разбирать коров; если бы при этом оказалась лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова, то ее принимают за Коровью Смерть, взваливают на поленницу и сжигают живьем. Тот, кто прежде всех заболевает эпидемическою болезнью, рассматривается как пособник нечистой силы и проводник Смерти; от него начинается зараза и быстро переходит на все окрестное население. Тот же взгляд прилагается и к первой зачумленной скотине.

Вселяясь в человека или корову, демон смерти заставляет их носить себя по белому свету и чрез их посредство распространяет свое тлетворное дыхание между людьми и стадами. Поэтому первые жертвы заразы подлежат такой же очистительной каре, как и ведьмы, изобличенные в напущении мора. Сожжение, потопление или зарытие ведьмы в землю исторгает из нее злого демона (нечестивую душу) и удаляет его из здешнего мира в мир загробный (в подземное царство Смерти); петух, кошка и собака, как мифические представители грозового пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тени усопшего, призванными сопровождать ее на тот свет.

В образе коровы издревле олицетворялась черная молниеносная туча, а с этою последнею были нераздельны представления нечистой силы и смерти. Из свидетельств памятников и народных преданий известно, что в отдаленной языческой древности вместе с трупом покойника сжигались корова, собака и петух. Впоследствии этот погребальный обряд получает характер уголовного возмездия и совершается только в исключительных случаях, с целью увеличить позор смертной казни за особенно важные преступления. Когда вайделотка, хранительница священного огня, теряла свое девство, литовцы зашивали ее в кожаный мешок с кошкою, собакою и змеею, вывозили на паре черных коров на место казни и зарывали в землю или топили в воде. В дополнительных статьях к Судебнику сказано: «Кто убьет до смерти отца или матерь или кто хоти сродича своего убьет, и тому дати сыну муку: в торгу его возити и тело его клещами рвати и по тому посадити на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вместе собравши с ним в воде затопить. А которая дочь отца убьет или матерь - и указ тот же». Литовский статут за означенное преступление постановляет: «Всадити в мех скуряный с псом, курем, ужом, кошкой и зашить».

У германцев мать-детоубийцу завязывали в мешок вместе с собакою, кошкою и змеею и топили в воде; та же кара у римлян постигала убийцу отца или матери, но кошка заменялась обезьяной. С колдовством нераздельно понятие о превращениях. Вера в превращения, или оборотничество, принадлежит глубочайшей древности; источник ее таится в метафорическом языке первобытных племен. Уподобляя явления природы

различным животным, называя те и другие тождественными именами, древний человек должен был наконец уверовать в действительность своих поэтических представлений, как скоро обозначающие их слова и выражения потеряли для него свою первичную прозрачность. Вначале способность превращений исключительно связывалась с существами стихийными, принадлежащими миру фантазии и мифа.

Ходячие по небу, дышащие ветрами, дождевые, градовые и снежные облака олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рыскучими волками, медведями, кошками, рысями, дойными коровами, козами, овцами и так далее. Рядом с этим облака, тучи и туманы, как темные покровы, застилающие собой ясное небо [116 - До сих пор о туманном, облачном небе говорится: заволокло; в областных говорах называется: наволока.], представлялись руном или звериными шкурами, в которые облачаются, одеваются бессмертные владыки надземных стран. Бог-громовник и сопутствующие ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются в облачных нарядах и, следовательно, переодетыми или превращенными в птиц и зверей.

Язык и предания ярко засвидетельствовали тождество понятий превращения и переодевания: слова «оборотиться», «обернуться» (обворотиться, обвернуться) означают, собственно, окутаться, покрыть себя платьем, а «превратиться» - переодеться, изменить свою одежду (свой внешний вид), надеть ее навыворот; в позднейшем переносном смысле малоросс. перевертень, серб. превртл>нь, превршага- человек изменчивый, непостоянный.

Созерцая в полете грозовых туч толпы оборотней, то есть демонов, облачившихся в животненные шкуры, и переводя это воззрение в символический обряд, предки наши допустили в своих религиозных игрищах участие окрутников. Окрутниками называются все замаскированные, наряженные по-святочному, одетые в мохнатые шкуры или вывороченные тулупы - от слова «крутить», которое от первоначального значения «завивать, плести» перешло к определению понятий: одевать, наряжать (округа - женское нарядное платье и вообще одежда, окрутить - одеть, окручаться и окрутиться -наряжаться, маскироваться) и в этом смысле явилось синонимом глаголам облача(и)ть и оборотить (обворотить), точно так же как слово «округа» - одежда тождественно по значению с словом «облако» (облачение). Очевидно, что и колдуны, и ведьмы, по своей тесной связи с облачным миром, должны были усвоить себе чудесную способность превращений.

Одно из названий, знаменующих волшебные чары, кудеса в Новгородской губернии, служит для обозначения обрядового ряжения, скручивания в мохнатые шкуры: кудес - замаскированный человек (кудесник, кудесница), кудесниться - маскироваться; сравни: лат. larvo - околдовать, обворожить и larva (нем. larve) - личина, маска, привидение; боги, духи, вещие люди и сильномогучие богатыри (представители стихийных сил природы, низведенные с течением времени на степень народных героев) превращаются в различные образы, надевая на себя шапку-невидимку, то есть окутываясь облаком.

Согласно с демоническим характером колдунов, одно из главнейших их превращений есть превращение в волка, ибо этот хищный, лукавый зверь выступает в старинных мифах как воплощение мрачных туч, разрушительных бурь и зимней стужи, как демон, пожирающий небесных коров (дождевые облака) и чрез то наводящий на землю неурожай и мор. Рядясь в волчьи шкуры, колдуны рыщут голодными, жадными волками и получают название вовкулаков. Славянская Кормчая книга сохранила драгоценное указание, что в этих оборотнях народ видел некогда стихийных духов, нагоняющих на горизонт темные тучи, а не простых смертных: «облакыгонештеи от селян влкодлаци нарицаються», что совпадает с вышеприведенным названием ведунов и чародеев облакопрогонниками.

Волкодлак (малоросс, вовкулак, вовкун, белорус, вавкалак, польск. wilkolak, wilkolek, чеш. wlkodlak, серб, вукодлак, далм. valtudluk, ragуз. vukolak, транс, vacodlac; у болгар и словаков удержалась более древняя форма: vrkodlak; у леттов wilkats от wilks - lupus) - слово сложное: из волк, санскр. vrka и длака (dlak) - шерсть, руно, клок волос - и означает существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Предания о волках-оборотнях известны у всех индоевропейских народов и тем ясно указывают на свое незапамятно

давнее происхождение. У немцев вовкулак - verwolf (англосакс, verevulf, англ. werewolf, гот. vairavulfs), то есть mannwolf, волколюд, греч. λυχάυυρωπος; первая часть слова ver = гот. vairs, англосакс, ver, лат. vir - муж, человек. Замечательно, что в Митилене и на прибрежьях Малой Азии греки до настоящего времени называют волчьих оборотней именем, буквально тождественным с нашим вовкулаком: βρύχολας, и самые сказания о них существенно ничем не отличаются от преданий славянских.

Древнейшее свидетельство о вовкулаках находим у Геродота, который упоминает, что нуры, или невры (народ, признаваемый Шафариком за славянское племя), почитались у греков и скифов чародеями и что про них рассказывали, будто бы каждый из невров единожды в году обращается на несколько дней в волка, а потом снова принимает свой человеческий облик. Время такого превращения, вероятно, совпадало с колядским праздником, когда на Лысой горе гуляют ведуны и ведьмы вместе с нечистыми духами и оборотнями, а в деревнях и селах бегают по улицам ряженые.

Сербы утверждают, что вукодлаки преимущественно показываются в зимнюю пору «од БожиЙа до Спасова дне». У поляков встречаем поверье, что оборотни превращаются в волков два раза в год: на Коляду и Иванову ночь, - следовательно, в те же сроки, в которые бывают главные ведовские сборища. Жители Митилена и прибрежьев Малой Азии особенно опасаются вовкулаков на рождественские Святки и в Страстную неделю, то есть при повороте солнца на лето и при начале весны.

Любопытны славянские предания о волчьем пастыре: под этим именем разумеется владыка бурных гроз, которому подвластны небесные волки, следующие за ним большими стаями и в дикой (грозовой) охоте заменяющие собою гончих псов. В германской мифологии это - Один, в услугах которого состоят два славных волка; на Руси волчьим пастырем считается Егорий Храбрый, наследовавший подвиги и заботы древнего громовника. Позабыв о мифических волках-тучах, народ отдал ему во власть волков обыкновенных, лесных. Так как бог-громовник является очам смертных в облачном одеянии, то создалось представление, что он сам рядится в мохнатую шкуру волка, принимает на себя образ этого зверя и становится вовкулаком.

В Белоруссии роль волчьего пастыря возлагается на мифического властелина лесов-Полисуна, которого народная фантазия изображает мохнатым и с козлиными ногами; древнечешский лексикон Вацерада толкует слово vikodlak - fannus, а в Далмации vakudluk означает великана, каковые данные указывают на связь волчьего пастыря с исполинским диким охотником, который во время бурной грозы гонится, в сопровождении лающих собак, за лесными нимфами. По хорутанским преданиям, vucji pastir выезжает верхом на волке, имея в руках длинный бич, или шествует впереди многочисленной стаи волков и усмиряет их дубинкою (громовою палицею). Он то показывается в виде старого деда, то сам превращается в волка, рыщет по лесам хищным зверем и нападает на деревенские стада. Народные приповедки рассказывают, как этот оборотень, останавливаясь под тенистым деревом, превращается из зверя в старца, собирает вокруг себя волков, кормит их [117 - По свидетельству одной приповедки, он раздавал волкам по небольшому куску хлеба и сыра и такую же долю отдавал встречному путнику, который, вкусив этой пищи, в продолжение двух недель не чувствовал ни малейшего голода.] и каждому определяет его добычу: одному волку приказывает зарезать корову, другому заесть овцу, свинью или жеребенка, третьему растерзать человека и так далее. Кого назначит он в жертву волка, тот, несмотря на все предосторожности, уже не избегнет своей судьбы: в урочный час зверь настигнет и пожрет его.

Чтобы охранить стадо от хищничества волков, крестьяне приносят в дар их пастырю молоко [118 - Согласно с олицетворением туч то различными зверями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка упоминает еще пастырей птичьего и рыбьего, а сказки русские говорят о трех вещих старухах, из которых одна властвует над лесными зверями, другая - над воздушными птицами, а третья - над морскими рыбами и гадами. Валахская сказка дает власть над зверями и птицами св. Неделькe (Фрее), которая играет в свирель (заводит грозовую песню), и, послушные могучим звукам, бегут к ней из лесов и полян звери и спускаются с воздушных высот птицы.].

У французов ходят рассказы о волчьих вожатых - вещих людях, обладающих тайною

силою покорять волков, которые ласкаются к ним, как смирные собаки. По русским поверьям, вовкулаки бывают двух родов: это или колдуны, принимающие звериный образ, или простые люди, превращенные в волков чарами колдовства.

Колдуны рыщут волками обыкновенно по ночам (то есть во мраке, наводимом черными тучами), днем же снова воспринимают человеческие формы; они состоят в близких сношениях с нечистыми духами, и самое превращение их в волков совершается при помощи дьявольской. По словам барона Гакстгаузена, в Армении существует поверье, что некоторые женщины (ведьмы) за тяжкие грехи свои превращаются в волчиц на семь лет (то есть на семь зимних месяцев); то же число лет назначают хорутанские сказки для волчьего пастыря: семь лет бегает он волком, а потом оборачивается человеком. Ночью является злой дух к нечестивой бабе, приносит волчью шкуру и приказывает надеть ее; как скоро баба облечется в этот наряд - вту же минуту совершается превращение, и вслед за тем она получает все волчьи привычки и желания. С той поры она всякую ночь рыщет прожорливой волчицею и наносит людям и животным страшный вред, а с утренним рассветом снимает с себя волчью шкуру, тщательно прячет ее и принимает свой прежний человеческий образ.

Раз кто-то забрел в пещеру, в которой была спрятана волчья шкура; он тут же развел огонь и бросил в него шкуру. Вдруг с жалобным воплем прибегает баба и бросается спасать свою звериную одежду; попытка ее не удается, волчья шкура сгорает, и баба-оборотень исчезает вместе с клубящимся дымом. Так гибнет облачная жена в грозовом пламени, пожигающем ее волчью «длаку», то есть черную тучу. И по немецким поверьям, превращение в волка совершается чрез набрасывание на себя волчьей сорочки (шкуры, ülfahamr = wolfhemd) или волчьего пояса (wolfgürtel).

Каждый надевающий волчью сорочку делается оборотнем и в течение девяти дней бегает волком, на десятый же день сбрасывает с себя звериный кожух и возвращается в прежнее свое состояние. По указанию других саг, он пребывает в волчьем образе три, семь или девять лет (семь зимних месяцев или во все продолжение осени, зимы и дождливой весны - до наступления ясных дней лета, каковые три времени года равняются девяти месяцам). Оборачиваясь волком, человек приобретает голос и хищнические наклонности этого зверя: удаляется в леса, нападает на путников и домашний скот и, томимый голодом, дико воет и даже пожирает падаль.

Ведуны и ведьмы могут обращаться и во всех других животных, в формах которых фантазия младенческих народов любила живописать облака, тучи и туманы. Они или разъезжают по воздуху на мифических зверях, птицах и гадах, или - что совершенно тождественно - сами принимают их образы и блуждают по свету различными оборотнями.

О вовкулаках великорусские поселяне, позабыв коренной смысл означенного названия, рассказывают, что это - колдуны, одаренные способностью превращаться в волков или медведей. Известный писатель прошлого столетия Татищев в одном из примечаний к своей «Российской истории» говорит: «Я невесьма давно от одного знатного, но нерассудного дворянина слышал, якобы он сам несколько времени в медведя превращался, что слышащие довольно верили».

Скандинавская старина также допускала превращение в медвежий образ, и в Норвегии до сих пор существует убеждение, что подобным чародейным искусством обладают лапландцы, а датская песня упоминает о железном ошейнике (eisenhalsband), надевая который человек делается медведем. Ведьмы часто превращаются в коров и кобылиц, а колдуны - в быков и жеребцов, и от этих животненных образов удерживают они некоторые особенности даже в то время, когда являются в человеческом виде. Так, ведьму народ наш изображает с хвостом, которого она не в силах скрыть ни в одном из своих превращений, а колдуна - с рогами [119 - По германским сказаниям, богиня Perchta носит коровью шкуру, Huldra имеет коровий хвост, а предводительница неистового воинства наделяется в Норвегии кобыльим хвостом и называется Ryssarofa (hryssa - лошадь, rofa -хвост).]. Сходно с этим, человека-вовкулака легко узнать по шерсти, растущей у него под языком.

Когда ведьма превращается в кобылицу, черт подковывает ее и заставляет носить себя по воздуху. Народные сказки повествуют о добрых молодцах, которым удавалось

накидывать на ведьму узду, и она тотчас же оборачивалась кобылою; молодец подковывал эту кобылу, садился на нее верхом и, ударяя ее осиновым поленом, скакал по горам и долам. На другой день на руках и ногах у ведьмы оказывались прибитые гвоздями подковы. Пугая по ночам людей, ведуны и ведьмы бегают в виде свиней, собак и кошек. На Украине ходят рассказы, будто ведьмы превращаются в огромных, чудовищных сук с длинными сосцами, которые волочатся но земле - «аже телепаютця»: эта последняя черта объясняется из древнего представления дождевых туч материнскими грудями.

Фантазия наделяет облачных жен длинными, отвислыми грудями и сохраняет за ними эту особенность при всех животненных воплощениях. Рассказывают еще, что ведьмы вместо двух имеют три сосца. Кошка - одно из любимых воплощений ведьмы, равно известное у славян и немцев; в Германии ведьм называют wetterkatze, donnerkatze, и там существуют поверья, что кошка, когда проживет двадцать лет, становится ведьмою и что чужим кошкам не следует причинять вреда, а то ведьмы будут за них мстить. Чехи убеждены, что черная кошка через семь лет делается ведьмою, а черный кот - дьяволом, что через них совершаются волшебные чары и что колдуны постоянно держат с ними совет.

По русским поверьям, в кошек и собак входят во время грозы нечистые духи; ведьмы же, превращаясь в этих животных, высасывают у коров молоко. В Мазовии есть рассказ о ведьме, которая в образе кошки отымала у коров молоко; раз ночью захватили эту кошку на промысле и прежде, чем она успела скрыться, обрубили ей два пальца на передней лапе, а наутро оказалось, что именно двух пальцев недоставало на руке у одной вражьей бабы.

Как превращение в звериные образы совершается при посредстве мохнатых шкур, надеваемых на себя человеком, так точно превращение в птицу условливается набрасыванием на человеческое тело окрыленной птичьей шкурки, или так называемой пернатой сорочки. Народные предания, немецкие и славянские, рассказывают о прекрасных нимфах, которые, облекаясь в лебединые и голубиные сорочки, летают по воздуху белыми лебедями и голубками, а снимая с себя эти сорочки, становятся девами.

Локи выпросил у Фреи ее соколью одежду (valshamr = falkengewand) и полетел быстрым соколом, а великан Тиасси, нарядившись в одежду орлиную, преследовал его как орел; одна из валькирий, предаваясь воздушному полету, набрасывала на себя krahengewand. Сказка, занесенная в сборник Боричевского, упоминает о превращении ведьмы в огромного сокола. В Германии уверяют, что колдуны оборачиваются в воронов, а ведьмы - в ворон; в областных русских говорах каркун означает и ворона, и завистливого человека, который может сглазить, изурочить; карга - ворона и бранное название злой бабы или ведьмы («ах ты, старая карга!»). Наконец, вещица - не только ведьма, но и сорока.

Согласно со своими демоническими наклонностями, ведьмы по преимуществу обращаются в зловещих, темноперых и ночных птиц: лат. strix, род. strigis (στρίγζ) - ночная птица, сова, привидение и колдунья, занимающаяся порчею детей; чеш. striha, словац. stryga, польск. strzyga - ведьма, хорут. и хорв. strigoï - упырь. Напротив, о голубе существует в Воронежской губернии поверье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна ведьма не в силах воспринять ее образа. Больше всего ведьмы любят превращаться в сорок. О происхождении этих последних рассказывают на Руси, что в стародавние годы обернулась некая ведьма сорокою, да так навсегда и осталась птицею; с тех пор и явились на белом свете сороки.

По свидетельству народной песни, Марина Мнишек (признанная современниками за чародейку) в ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетела из царских теремов. В Олонецкой губернии сохраняется предание, будто один старик поймал сороку за хвост, но она вырвалась и улетела, а в руках старика осталась женская рубашка: пойманная им сорока была ведьма. Народная сказка говорит о ведьме, которая прилетала к своему любовнику птицею и, снимая с себя перья, являлась перед ним страстною женщиной. В Томской губернии думают, что для такого превращения ведьме необходимо бучное корыто: намек на поэтическое представление грозы стиркою облачных тканей в дождевом щелоке. Ложась под это корыто, она

тотчас же выпархивает оттуда сорокою, причем руки ее преобразуются в крылья.

Любопытен рассказ Татищева: «В 1714 году (говорит он) заехал я в Лубны к фельдмаршалу графу Шереметеву и слышал, что одна баба за чародейство осуждена на смерть, которая о себе сказывала, что в сороку и дым превращалась, и оная с пытки в том винилася. Я хотя много представлял, что то неправда и баба на себя лжет, но фельдмаршал нимало мне не внимал». После долгих увещеваний баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кроме лечебных трав, она ничего не ведает; казнь была отменена, и несчастную знахарку сослали в монастырь под начало.

По словам простолюдинов, в Москве потому не видно сорок, что в былое время в виде этих птиц прилетали сюда ведьмы, и одна из них похитила частицу святого причастия, а митрополит Алексей проклял за это сорок и запретил им приближаться к первопрестольному граду.

Чтобы напугать ведьм, крестьяне убивают сороку и вешают ее возле коровников и конюшен. Кроме того, ведуны и ведьмы могут превращаться и в некоторые неодушевленные предметы: в клубок ниток, в снежный ком, камень и копну сена, что, без сомнения, стоит в связи с уподоблением скученных облаков пряже, скалам, стогам и копнам.

Народный эпос любит останавливаться на таинственной науке оборотничества и нередко заставляет своих героев

По темным лесам летать черным вороном,
По чисту полю скакать серым волком
По крутым горам тонким белым горностаем
По синим морям плавать серой утушкою

Богатырь Волх Всеславьевич, имя и подвиги которого указывают на его чародейное значение (когда он родился - сотряслось все царство Индийское), с детства учился трем премудростям: оборачиваться ясным соколом, серым волком и гнедым туром - золотые рога; далее былина рассказывает, что он оборачивался горностаем и мурашкою. Царь Афромей, по свидетельству былины об Иване Годиновиче,

Скоро вражбу (ворожбу) чинил:
Чистыя поля туром перескакал,
Темныя леса соболем пробежал,

Быстрыя реки соколом перелетал [120 - В одной из великорусских песен девица, отданная замуж в чужедальнюю сторону, прилетает оттуда на родину горемычною кукушкою, а в другой сестры идут искать своего милого брата:Как и старшая сестра в море щукою,А середняя сестра в поле соколом,А меньшая сестра в небе звездочкою.].

«Слово о полку» замечает о князе Всеславе, что у него вещая душа была в теле, что он «в ночь влком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур (до петухов) Тмутороканя, великому Хръсови [121 - Имя Хоре (Хърсъ, Хръсъ) встречается во многих старинных памятниках; исследователи признают его тождественным Дажьбогу: в санскр. солнце - sürya (ведаич. sür, süra) = svarya от svar - свет, небо: слову svar в зендском соответствует hvare, род. hürö - солнце, перс. chür, hör, осс. chur.] влком путь прерыскаше», то есть достигал Тмутаракани до рассвета, предупреждая восход солнца.

В зимние месяцы небо и царствующие на нем светила помрачаются густыми туманами, бог-громовник перестает разить демонов и заключается в окованные стужею тучи; таким образом, все светлые боги облекаются в темные облачные покровы и теряют свою благодатную силу- или, выражаясь мифически, надевают мохнатые одежды, делаются оборотнями и подчиняются злой чародейке - зиме. В ту печальную пору колдуны, ведьмы и демонические духи овладевают небесным царством, набрасывают на богов волчьи и другие звериные шкуры, превращают их в мифических животных, в образах которых и пребывают они до начала весны. Такое невольное превращение в сказаниях индоевропейских народов называется околдованием, зачарованием, заклятием.

Одно из таких сказаний - сказка о заклятых детях. «Если б Иван-царевич взял меня замуж (говорит красная девица), я бы родила ему сыновей - по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» или: «Во лбу красное солнце, на затылке светел месяц, по

косицам частые звезды». Иван-царевич взял за себя девицу; пришло время, родила ему царевна сыновей - таких ненаглядных, каких обещала; но злая ведьма (иногда ее заменяют завистливые сестры: пряха, что с помощию одного веретена может одеть все царство, и искусная ткачиха, обещающая выткать ковер-самолет, то есть вещие жены, изготовительницы облачных тканей, и вместе с тем злые парки) подменяет их щенками и котятами, а настоящих детей прячет в подземелье возле старого дуба.

Родила еще царевна сына-богатыря и успела скрыть его от ведьмы за пазухой; между тем ее осудили, посадили в смоленую бочку, оковали железными обручами и пустили в океан-море глубокое, а Иван-царевич женится на дочери хитрой волшебницы. Долго носило бочку по морю и наконец прибило к далекому берегу, а тем временем сын-богатырь растет не по дням, а по часам, как тесто на опаре всходит; вырос, потянулся - и вмиг бочку разорвало, железные обручи поспадывали. Мать с сыном выходит из бочки; богатырь с помощью кремня и огнива, топора и дубинки (эмблемы молнии) строит славный дворец, добывает разные диковинки (мельницу, которая сама мелет, сама веет, пыль на сто верст мечет, кота Баюна, который пески поет, сказки сказывает, и золотое дерево с певчими на нем птицами) и освобождает из подземелья братьев.

Доходит о том слух до Ивана-царевича, он приезжает посмотреть на диковинки - тут все изобличается, ведьму предают казни, и царевич берет к себе прежнюю жену. Интересен вариант, записанный в Пермской губернии: молодая царица родила трех чудесных младенцев; Баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взамен их подложила простого крестьянского мальчика. Царь разгневался на жену, велел посадить ее вместе с ребенком в бочку и пустить в сине море. Бочка пристает к пустынному берегу и разваливается; царица и подкидыш выходят на сухое место, молят Бога даровать им хлеб насущный, и по их молитве превращается вода в молоко, а песок в кисель. Проходили мимо нищие и немало дивилися, что вот живут себе люди - о хлебе не думают: под руками река молочная, берега кисельные; пришли к царю и рассказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успел на другой жениться - на дочери Бабы-яги. Услыхала те речи новая царица, выскочила и крикнула: «Экое диво рассказывают! у моей матушки есть получше того: кувшин о семи рожках - сколько ни ешь, сколько ни пей, все не убывает». Этими словами она отуманила царя: то хотел было ехать, на диво посмотреть, атои думать перестал. Когда сведал про это подкидыш, тотчас же собрался в путь и унес у Бабы-яги заветный кувшин. Снова заходят к царю нищие, рассказывают про реку молочную, берега кисельные и кувшин о семи рожках. Ягинишна выскочила.

«Нашли, - говорит, - чем хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый сад, в том саду птицы райские, поют песни царские».

Подкидыш отправился сад добывать, обошел вокруг него и, произнеся заклятие «как дует ветер, так лети за мною зеленый сад!», заиграл в дудочку - ивту же минуту деревья двинулись с места и последовали за своим вожатым. Тогда Ягинишна стала похваляться зеркальцем: «У моей матушки есть почище того: чудное зеркальце - как взглянешь в него, так сразу весь свет увидишь!» Подкидыш заказал кузнецу сковать три прута железных да щипцы, пришел к Бабе-яге, поймал ее за язык щипцами, начал бить прутьями железными и заставил отдать себе зеркальце.

Принес зеркало домой, царица глянула в него и увидела своих деток волчатами - на чистой поляне, промеж густого орешника, по травке-муравке валяются. Подкидыш вызвался на новое дело: он пришел на поляну и, пока волчата спали, развел костер и связал у них хвосты в один крепкий узел да как крикнет зычным голосом: «Не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бежать в разные стороны - волчьи шкуры с них мигом слетели, и явились три добрых молодца, три родных братца.

Подкидыш схватил волчьи шкуры и бросил в огонь; когда они сгорели, братья воротились к матери. Услыхал царь про царицу и царевичей, не вытерпел, поехал к ним и узнал все, что было; в тот же день он приказал расстрелять Бабу-ягу вместе с ее дочкой. Сказка эта передается еще со следующими отменами: царица породила двух сыновей и третью дочь-краса-вицу, которая когда улыбалась - розы сыпались, а когда плакала -вместо слез алмазы с бриллиантами падали.

При самом рождении дети подменяются щенками да котятами; впоследствии

царевичи были превращены в камни, а царевна добывает птицу-говорунью, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращает братьев к жизни, колдовство рушится, и правда торжествует над злобою. В немецкой редакции поющее дерево названо sonnenbaum, а живая вода - sprinpande wasser; на солнечном дереве красуются золотые плоды, и блеск их так силен, что прогоняет ночную тьму.

Подобные сказки составляют общее наследие индоевропейских народов. Внимание наше прежде всего останавливается на тех чудесных приметах, с какими рождаются на свет царевичи: во лбу красное солнце, на затылке светел месяц, по бокам (или косицам) часты звезды; по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре; волоса у них золотые или на каждом волоске по жемчужине; сымая свои шапочки, они все вокруг себя освещают яркими лучами. Такие приметы указывают, что это - не простые смертные, а светлые боги, представители высокого неба и тех блестящих светил, которые присвоены им как всегда присущие атрибуты.

Красное солнце во лбу напоминает глаз Одина, месяц на затылке- лунный серп, венчающий голову Дианы, частые звезды по телу - многоочитого Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтические обозначения солнечных лучей. Сестрою этих сказочных героев является прекрасная дева Зоря, рассыпающая по небу розовые цветы и роняющая алмазные слезы в утренней и вечерней росе. В соответственной новогреческой сказке прямо указано, что царицею были рождены Солнце, Луна и Денница.

Рождение Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачивает на лето; но этот поворот совпадает с самыми сильными морозами, вьюгами, метелями и самым неистовым гульбищем нечистых духов и ведьм. Злая колдунья Зима тотчас же овладевает светоносным героем и его братьями и обращает их в волчат (на языке Эдды зима -wohzeit); подмен новорожденных щенками и котятами обозначает ту же мысль: боги ли превращаются в зверей или звери заступают их место - это только различные формы выражения, суть же остается неизменною. Сверх того, фантазия воспользовалась и другими метафорическими выражениями: ведьма прячет новорожденных в темные подземелья (в мрачные вертепы туч) и даже подвергает их окаменению.

Но с приходом весны владычество темных сил оканчивается: бог-громовник, заключенный в бочку-облако, несется по воздушному океану, разрывает свою темницу и творит молочные реки и кисельные берега, то есть пускает на землю дождевые потоки и производит грязи; окамененные герои оживают, а превращенные сбрасывают с себя чуждые им звериные шкуры и предстают во всей своей несказанной красоте.

Такой акт освобождения совершается тотчас, как скоро добыта живая, или «прыгающая», вода, то есть как скоро прольется с неба дождь и зимние льды и снега превратятся в журчащие, скачущие с гор потоки. Вот почему сказки заставляют богатыря-громовника или, по другим вариантам, красавицу Зорю (богиню весны) с такою неустанною заботою отыскивать и отымать у ведьмы разные диковинки- знамения творческих сил природы.

Неисчерпаемый кувшин соответствует тем урнам, из которых небесные богини слали на поля и нивы плодородящие дожди; дерево с золотыми плодами есть дерево-туча, с которым предания связывают источники живой воды; оно названо поющим, потому что с ним нераздельно представление о песнях, заводимых весеннею грозою; на том же основании птица-туча названа говоруньей, а мифическому коту (donnerkatze) придан эпитет баюна (от глагола баять).

В числе других диковинок (чудесная мельница и летучий сад) бог-громовник отымает у ведьмы славное зеркальце, в которое можно видеть весь мир, то есть выводить из-за туч все озаряющее солнце, издревле уподобляемое зоркому глазу и блестящему металлическому щиту или зеркалу; щипцы, которыми тянет он за язык Бабу-ягу, и железные прутья, которыми ее бьет, - символы разящих молний; теми же орудиями побеждают богатыри и чертей, и драконов. Снятые с царевичей волчьи шкуры сожигаются на костре, то есть в грозовом пламени.

Сила околдования или заклятия обращает сказочных героев различными зверями (волком, медведем, рысью, конем, собакою, козлом и бараном), чудовищными змеями и

гадами (жабою, лягушкою и проч.), и во всех этих метаморфозах главное значение принадлежит шкуре животного. В Белоруссии для тех оборотней, которые являются в виде жаб, лягушек и кошек, употребительны названия «жабалака» и «кошкалачень», названия, образовавшиеся наподобие слова «вовкулак» и буквально означающие жабью (лягушечью) и кошачью длаку. По свидетельству народной сказки, Царевна-лягушка освобождается от заклятия после сожжения ее лягушечьей кожурины; точно так же предаются огню змеиная сорочка, свиной кожух и другие шкуры, в которые рядятся очарованные царевичи и царевны.

На Руси хранится такое предание: красавица, превращенная мачехой-ведьмою в рысь, прибегала к своему осиротелому ребенку, сбрасывала с себя звериную шкурку и кормила его материнскою грудью, а накормив, снова оборачивалась рысью и удалялась в дремучий лес; муж красавицы, улучив удобную минуту, захватил звериную шкурку, спалил ее на огне и тем самым освободил свою подругу от волшебного очарования. В норвежской сказке один из королевичей, превращенных в жеребят, говорит своему избавителю: «Возьми этот старый меч, в день твоей свадьбы ты должен отрубить нам головы и снять лошадиные кожи; тогда мы опять сделаемся людьми. Злой тролль набросил на нас эти кожи - и мы стали жеребятами». Подобное указание встречается и в сказках немецких и славянских; меч - метафора молнии, которая, нанося удар оборотню, совлекает с него облачный покров.

Наряду с этими преданиями существуют другие - о превращении зачарованных царевичей в птиц. Так, по свидетельству русской сказки, дети, рожденные по колена в серебре, по грудь в золоте, с месяцем во лбу и звездами по бокам, были превращены в голубей и только тогда приняли человеческие образы, когда у них вырвали из хвостов по перу, что равносильно снятию пернатой одежды. По другому указанию, восстановление человеческих форм условливается сожжением птичьей шкурки и крыльев. Норвежская сказка говорит о ведьме (trollxehe), которая оборотила двенадцать королевичей дикими утками; но королева родила еще дочь - белую, что снег, и румяную, что кровь.

Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является в той же роли избавительницы, какую в вышеприведенной сказке исполняет богиня Зоря. Белоснежка выросла и отправилась искать братьев; после долгого странствования ей удалось достигнуть своей цели. «Для того чтобы избавить нас, - сказали ей королевичи, - ты должна набрать пуху с цветов одуванчика, расчесать этот пух, выпрясть, выткать и сшить нам двенадцать сорочек и столько же шапочек и шейных платочков; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смеяться». Белоснежка согласилась, и братья повели ее на широкий луг, на котором пестрели одуванчики. Всякий день она собирала мягкий пух и долго сидела за пряжею, дожидаясь братьев.

Однажды, когда прекрасная королевна собирала пух с цветов, вблизи того места охотился молодой король. Он увидал Белоснежку и, пораженный ее красотою, остановился и повел было речь, но девица упорно молчала. Король посадил ее на коня и увез к себе, вместе с мешком, в котором лежала начатая ею работа. Вскоре он задумал на ней жениться, но его мачеха была против этого брака. «Смотри, - говорила она, - чтоб не взять за себя ведьмы! ведь недаром же она все молчит, не плачет и не смеется». Король не послушался и женился. Белоснежка и после свадьбы продолжала шить братнины сорочки.

До истечения года она родила сына; но злая мачеха, войдя ночью в спальню, унесла ребенка и бросила его в змеиную яму, потом разрезала свой палец, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «Ступай, посмотри: твоя жена съела свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простил ее. На другой год Белоснежка опять родила сына, а на третий - дочь; старая королева выкрала и этих детей. Тогда раздраженный отец отдал приказ сжечь свою жену на костре. Приготовили костер, зажгли и повели Белоснежку; она захватила с собой и свое рукоделье: только сорочка младшего брата была не дошита, все остальное было готово.

Вдруг послышался шум в воздухе- прилетело двенадцать диких уток, всякая ухватила свое платье в носик и накинула на себя, ив ту же минуту все двенадцать превратились в королевичей; только у меньшего брата вместо левой руки осталось утиное крыло. Срок

испытания кончился; Белоснежка могла говорить, плакать и смеяться; истина открылась, и злоба мачехи была наказана. С первого взгляда свидетельство этой сказки как бы противоречит сделанным нами выводам: не совлечение, а, напротив, накладывание верхних покровов возвращает превращенным королевичам их настоящие образы. Но вглядимся ближе, и мы увидим, что никакого противоречия не существует.

По древнему представлению, тело есть одежда (lik-hamr), в которую облекается бессмертный дух в известное время; это - та жизненная сорочка, изготовляемая девами судьбы, в какой является на божий свет новорожденное дитя. Отсюда возникло верование, что душа может менять свой телесный покров, воплощаться то в одну, то в другую форму.

Вот почему как набрасывание мохнатой шкуры или пернатой сорочки (то есть звериной или птичьей телесной оболочки) превращает человека зверем и птицею, так точно набрасывание людской одежды (körperhemd, fl eischgewand) должно возвращать оборотню образ и подобие человека. По народному убеждению, если унести человеческое платье оборотня, то он уже не в силах будет восстановить свой прежний образ и останется навсегда зверем; оттого-то ведун, снимая одежду - с целию перекинуться в зверя, -старается запрятать ее так, чтобы никто не мог найти и овладеть ею.

В старинной французской повести (Lai du Bisclavaret - XIII в.) рассказывается об одном рыцаре, проживавшем в Бретани; каждую неделю он уходил от своей молодой жены, раздевался донага, прятал снятое платье и, превращаясь в волка, в течение трех дней оставался в лесу. Коварная жена выпытала от мужа тайну и похитила его платье; с тех пор он рыскал волком и не прежде сделался человеком, как получив обратно свою похищенную одежду [122 - Как-то охотился король; собаки наследили Бисклаварета и страшно его искусали. Увидя короля, волк подбегает к нему, целует его ноги и просит знаками о пощаде. Король взял волка с собою и держал в своей опочивальне; волк был кроток, как ягненок, и только однажды обнаружил зверское бешенство, бросившись на королевском празднике на свою бывшую жену и откусив у нее нос. Это возбудило подозрения; произвели допрос, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратить рыцарю его платье.].

Возвращаемся к Белоснежке и ее братьям: восстановление человеческого образа совершается при посредстве тонкой, вытканной из пуха цветов сорочки. В немецкой редакции героиня, чтобы избавить братьев, превращенных ведьмою в лебедей, приготовляет для них сорочки из цветов sternenblumen; а в хорутанской редакции братья-вороны требуют от сестры рубашек «iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim casom dok bude ove rubace delala, z nikem se ne bu spominjala». Эти сорочки тождественны с теми чудесными нарядами, блистающими, как солнце, месяц и звезды, о которых упоминают другие народные сказки.

Одетые во время зимы в животненные шкуры, небесные боги просветляются с возвратом весны, рядятся в блестящие, светозарные одежды и с тем вместе снова обретают те прекрасные человекоподобные формы, в каких обыкновенно олицетворяла их фантазия. Этот счастливый исход возможен только под условием, чтобы сказочная героиня не плакала, не смеялась и не говорила целые семь лет, то есть освобождение наступает не прежде, как по истечении семи зимних месяцев, в продолжение которых дева Зоря (царевна Несмеяна) не плачет - не роняет росы и не смеется, не рассыпает розовых, золотистых лучей; в ту же печальную пору она, как богиня весенних гроз, пребывает бесчувственной и немою - не льет дождевых слез и не вещает громовых глаголов.

Приписывая превращения влиянию злого колдовства ивтоже время признавая души человеческие за существа стихийные, способные менять свои телесные одежды, предки наши пришли к убеждению, что колдуны, ведьмы и нечистые духи могут превращать людей в различных животных. Убеждение это глубоко вкоренилось у всех индоевропейских народов и вызвало множество любопытных сказаний.

На Руси думают, что колдун, зная имя человека, может по собственному произволу сделать его оборотнем, а потому имя, данное при крещении, необходимо утаивать и называться иным, вымышленным. В пылу злобы и мщения колдуны и ведьмы творят

чары и оборачивают своих недругов навсегда или на известный срок зверями.

На Украине и в Белоруссии таких невольных оборотней называют вовкулаками, потому что всего чаще их представляют в виде волков. Это - более страждущие, чем зловредные существа; они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий смысл и почти никогда не нападают на деревенские стада; только нестерпимый голод может понудить их искать себе поживы. Нередко бродят они возле родного села и, когда завидят человека, смотрят на него так жалостливо, как будто умоляют о помощи; случалось замечать при этом, что из глаз бедного вовкулака струились в три ручья слезы; сырого мяса, которое ему предлагают, он не берет, а брошенный кусок хлеба поедает с жадностью.

Один пригожий юноша презрел любовь ведьмы, и вскоре его постигло жестокое мщение: раз поехал он за дровами, остановился в лесу, взялся за топор и только что замахнулся на дерево - как руки его превратились в волчьи лапы, а затем и весь он покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился к своим волам, но те в испуге шарахнулись в сторону; хотел было остановить их своим голосом, но вместо людской речи раздался протяжный дикий вой.

Другая ведьма оборотила волком своего соседа, который впоследствии, когда освободился от заклятия, рассказывал, что, будучи оборотнем, он подружился с настоящим волком, ходил с ним на добычу и хотя чувствовал себя человеком, но не мог выражать своих мыслей словами, а выл по-волчьи. Выше указано, что в летних грозах древний человек созерцал свадебное торжество, брачный союз, в который бог-громовник вступал с облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая ведьма Зима накидывала на них волчьи шкуры, то есть оцепеняла стужею и лишала плодотворящего семени дождя. Отсюда родилось поверье, что колдуны и ведьмы чаще всего оборачивают в волков или собак новобрачную чету и свадебных поезжан. В числе ведовских грехов народный стих упоминает:

По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьям оборачивала.

У белорусов сохраняется предание, что некогда праздновалась свадьба- и вдруг нежданно-негаданно среди шумного веселья жених и все прочие мужчины были превращены чародеем в волков, женщины - в сорок, а невеста - в кукушку, с той самой поры эта горемычная кукушка носится следом за своим суженым и роняет несчетные слезы; там, где она пролетает, текут ручьи и растет трава, известная под названием «кукушечьи слезы». Скандинавская мифология заставляет волков сопутствовать богу побед, а потому шведы появление вовкулаков связывают с военной грозою. Когда во время последней войны Швеции с Россией около Кальмара появилось множество волков, то между окрестными жителями пронесся слух, что эти волки суть шведские пленники, превращенные чарами неприятеля в зверей и посланные опустошать свое собственное отечество. По указанию старинной былины, чародейка Марина, полюбовница Змея Горыныча, превратила девять богатырей быками, а десятого, Добрыню, гнедым туром -золотые рога [123 - При этом Марина похвалялася: «А и нет меня хитрее, мудрее». Но сыскалась волшебница похитрее ее. «Я не хвастаю, - сказала она, - а хочешь - оберну тебя сукою!».].

Средства, употребляемые колдунами и ведьмами для превращения людей в животненные образы, сходятся с теми, силою которых они сами становятся оборотнями. Средства эти следующие.

а) Набрасывание звериной шкуры. Крестьяне уверяют, что в старые годы случалось, снимая шкуру с убитой волчицы или медведицы, находить под нею бабу в сарафане. Есть рассказ, что на охотничьей облаве убили трех волков и когда стали снимать с них шкуры, то под первою нашли молодого жениха, под второю - невесту в ее венчальном уборе, а под третьей - музыканта со скрипкою [124 - Медведь, говорят поселяне, был прежде человеком. Когда-то в старину странствовали по земле св. Петр и св. Павел. Случилось им проходить через деревню около моста. Злая жена и муж согласились испугать святых путников, надели на себя вывороченные шубы, притаились в укромном месте, и только апостолы стали сходить с моста - они выскочили им навстречу и заревели по-медвежьи.

Тогда апостолы сказали: «Щоб же вы ривили отныни и до вика!» С той самой поры и стали они медведями.]. Однажды пристала на дороге к извозчикам черная собака - такая умная, что всем на диво, что ни скажут ей - все понимает, только говорить не умеет. «Уж не оборотень ли это?» - подумали извозчики и показали собаку знахарю. Тот сейчас узнал, что собака не простая, и говорит им: «Истопите баню как можно жарче и тащите туда черного пса, положите на полок и парьте так, чтобы шкура долой слезла; слезет шкура- человек будет!» Извозчики так и сделали: ошпарили оборотня, шкура слезла - и стал перед ними знакомый парень из соседней деревни; начали его расспрашивать и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья. Рассказ этот любопытен как отголосок древнего представления, что облачные шкуры исчезают в потоках дождя - в грозовой бане.

b) Волшебная пауза. Чтобы превратить свадебное сборище в стаю волков, колдуны берут столько ремней или мочалок, сколько нужно оборотить лиц; нашептывают на них заклятия и потом этими ремнями или мочалами подпоясывают обреченных, которые тотчас же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе может получить прежний человеческий образ, как разве в том случае, когда чародейный пояс изотрется и лопнет; но и после избавления долгое время бывает дик, сумрачен и не скоро навыкает людской речи.

В подляшской Руси рассказывают, что ведьма, с целью обратить свадебный поезд в волков, скрутила свой пояс и положила его под порог избы, где праздновалась свадьба, и все, кто только переступил через пояс, оборотились волками. По другому рассказу, она крутила для этого липовые лыки, варила их и приготовленным отваром обливала поезжан. Через три года ведьма покрыла каждого оборотня тулупом (человеческой одеждою -lihhamo), ивтуже минуту все они сделались людьми, только у жениха уцелел волчий хвост, потому что случайно не попал под тулуп, наброшенный ведьмою.

По указанию славянских сказок, ведьма оборачивает доброго молодца конем, накидывая на него узду. Немецкие предания говорят о волчьем поясе и медвежьем ошейнике, чрез посредство которых совершается превращение в волка и медведя; на шведских островах новобрачные, превращенные в волков, узнаются по кольцам, надетым на их шеи. В «Мифологии» Гримма приведен рассказ о гусе-оборотне, который однажды покусался с другою птицею, и та сорвала ему с шеи волшебную повязку (tuchlein); едва повязка упала - как в то же мгновение гусь превратился в человека. Наконец, сами колдуны и ведьмы, желая преобразиться в зверей, набрасывают на себя кольцо или кувыркаются через обручи. Польск. przedziergnac - перевязать узлом, przedziergnac sie (przedzierzgnacsi^) -преобразиться, принять иной вид.

По древнейшему воззрению, душа, облекаясь в телесную одежду, соединяется с нею таинственною связью; как скоро эта связь (веревка, цепь или кольцо) будет разорвана, душа покидает тело и остается на свободе до нового воплощения в ту или другую материальную форму. Вот почему всякая метаморфоза человека (воплощение его души в звериное или птичье тело) скрепляется наложением волшебной наузы, а восстановление человеческого образа требует ее снятия.

По другим же сказаниям, колдун или ведьма не прежде может превратить человека в зверя, как снявши с него пояс, то есть разрешив ту связь, которая существует между его душою и человеческим телом. В романской и немецкой средневековой литературе встречаем предание о рыцаре-лебеде. Молодой витязь женился на вещей красавице (валькирии), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всех мальчиков на шеях было по золотому ожерелью.

Злая свекровь велела подменить детей щенятами. Обманутый муж зарывает невинную жену по пояс среди двора; над головой ее поставили лохань, в которой дворовая челядь мыла свои руки и отирала их прекрасными волосами несчастной женщины. Так пробыла она целые семь лет. Между тем детей ее приютил некий пустынник, а робкая лань вскормила их своим молоком. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять с них золотые ожерелья; слуга пришел на реку: шестеро братьев, в виде лебедей, плавали и резвились по воде, а сестра сидела на берегу; тут же лежали и золотые цепи. Слуга захватил цепи и принес в замок; свекровь приказала сковать из них кубок.

Но кузнец употребил в дело только одну цепь, а прочие спрятал. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельев, уже не могли восстановить свои человеческие формы; они полетели на озеро, к замку своего отца, а вслед за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются так, что отец узнает своих детей, освобождает красавицу жену и карает преступную мать. Отданные кузнецом ожерелья возвращают пятерым сыновьям их человеческие образы, и только шестой, ожерелье которого было уничтожено, остался навсегда лебедем.

с) Народные сказки свидетельствуют еще, что колдуны и ведьмы превращают людей различными зверями и птицами, ударяя их зеленым прутиком, палкою или плетью (кнутом-самобоем) [125 - Так колдун и его любовница превращают мужика в кобеля, дятла, воробья и черного ворона; тем же способом сам колдун был превращен в жеребца, а его любовница - в козу и кобылицу.]. Такое верование разделялось и греко-италийским племенем.

Знаменитая чародейка Цирцея быстрым ударом жезла оборотила в свиней спутников Одиссея; Пик был наказан превращением в дятла: едва волшебница коснулась его тростью, как он тотчас же сделался пестрокрылою птицею. Эта чудесная трость (wunschruthe) или плеть - эмблема молнии и указывает на тесную связь оборотничества с грозовыми тучами; с этой эмблемою сочетались противоположные представления: с одной стороны, удар волшебного прута повергает сказочных героев в окаменение и непробудный сон (зимнее оцепенение), а с другой - призывает их к жизни (к весеннему творчеству).

То же двоякое значение придается удару волшебного прута и в преданиях о вовкулаках и оборотнях: им превращаются люди в звериные образы и, наоборот, им же разрушается сила заклятия, и превращенные возвращаются в среду людей. На Украине думают, что если ударить вовкулака вилами или цепом, то он тотчас же делается человеком, то есть бог-громов-ник, ударяя своей палицей, срывает с него волчью длаку (разносит тучу). Оборотни, то есть стихийные духи и тени усопших, облеченные в облачные шкуры, появляются и исчезают вместе с бурными грозами.

С каждым дуновением ветра, с каждым извивом молнии и раскатом грома в облаках тучи меняют свои прихотливые формы, или, выражаясь метафорическим языком, с каждым ударом громовой палицы стихийные духи перекидываются, перебрасываются, кувыркаются и тем самым как бы переворачивают или переменяют свои облачные одежды и переходят из одного видимого (телесного) образа в другой.

Для того чтобы обозначить акт превращения, народные сказки и песни употребляют выражения, указывающие на быстрое движение, стремительный удар и круговой поворот: молодец «ударился оземь и оборотился собакою»; «колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню», «перекинулся медведем, жеребцом, добрым молодцем», «перекинулся в сиву зозуленьку»; «колдун может окинуться и в кошку, и в собаку»; польск. przewierzgnac и przerzucic - перекинуть, перебросить, перевернуть; przewierzgnac sie, przerzucic si§, przekinac si^npeBpaTHTbca во что, изменить свой образ; в том же смысле употребительны серб, проврйи (проврг нем) се и прометнути се (сравни: метать, переметчик, опрометные лица): «проврже се црни]ем jarrneTOM», «ах да ми себувом прометнути!».

В ближайшем сродстве с ведунами, ведьмами и оборотнями стоят упыри или вампиры. Название это, упоминаемое в Паисьевском сборнике («а переже того клали требу упирем и берегиням»), и доныне известно почти во всем славянском мире. У нас поверья о злобных, блуждающих упырях преимущественно уцелели на Украине и в Белоруссии; это - мертвецы, бывшие при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Впрочем, и в губерниях великорусских не совсем исчезло воспоминание об этих загробных выходцах.

По указанию словарей, упырь - колдун, превращающийся волком, человек с хвостом.

По мнению малорусов, упыри нарождаются от блудной связи вовкулака или черта с ведьмою, и народная пословица утверждает: «Упир и непевний усим видьмам родич кревний». В глухую полночь выходя из могил, где лежат они нетленными трупами, упыри принимают различные образы, летают по воздуху (Харьковская губерния), рыщут на

конях по окрестностям, подымают шум и гам и пугают путников или проникают в избы и высасывают кровь из сонных людей, которые вслед за тем непременно умирают; особенно любят они сосать кровь младенцев. Если сложенные накрест руки упыря окоченели и он не в состоянии их развести, то прибегает к помощи зубов; а зубы у него - словно стальные клыки и сокрушают всякие преграды. Прогрызая двери, он прежде всего бросается к зыбке, высасывает кровь ребенка и потом уже нападает на взрослых.

Предрассветный крик петухов заставляет упыря мгновенно исчезать или повергает его окровавленного наземь - в совершенном бесчувствии. Посыпая пол около постелей мелкою солью, замечают поутру следы ног, оставляемые ночным гостем, а раскапывая его могилу, находят в ней мертвеца с свежим румянцем на щеках и с запекшеюся на устах кровью.

В Тамбовской губернии можно услышать следующий рассказ: ехал мужик мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомец в красной рубахе и новом полушубке. «Остановись! - говорит. - Возьми меня в попутчики». - «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому: хоть ворота и настежь, а незнакомый говорит: «Заперто!»- потому что на тех воротах кресты выжжены. Подходят к крайнему дому, ворота на запоре и замок в полпуда висит, но креста нету - и ворота сами собой отворяются. Вошли в избу; там на лавке спят двое: старик да молодой парень. Незнакомец взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине - и тотчас спина открылась и полилась алая кровь; нацедил полное ведро и выпил. Затем другое ведро крови нацедил он из старика, утолил свою зверскую жажду и говорит мужику: «Уж светает! пойдем теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели - и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень, и старик - оба померли.

По другому рассказу, колдун-мертвец является на свадьбу, вынимает два пузырька, ранит шильцем руки жениха и невесты и точит из них горячую кровь. Болгары убеждены, что по смерти злодеев, грабителей и вообще людей с порочными наклонностями в тела их вселяются нечистые духи и они становятся вампирами. Уверяют еще, что если кошка перепрыгнет через покойника, когда он лежит в избе, то умерший непременно сделается вампиром; поэтому во все время, пока не похоронят покойника, при нем находится один из родичей и заботливо оберегает его от такого несчастия.

Спустя сорок дней после кончины человека злой дух, поселившийся в его трупе, начинает выходить из могилы, бродит по домам и сосет кровь из ушей младенцев и взрослых. Как только пронесется молва о загробном выходце, поселяне собираются на ночь по нескольку семейств в одну избу и двое из мужчин поочередно караулят до самого рассвета: если кто-нибудь во сне станет сильно храпеть или стонать от удушья, то стоящие на страже немедленно будят всех и принимаются искать вампира. Этот злой мертвец нередко появляется в образе варколака, бросается на женщин и вступает с ними в блудную связь; рожденные от него дети бывают без хряща в носу (отличительный признак и самого варколака) и обладают способностью видеть духов.

Чтобы избавиться от вампира, его заклинают войти в кувшин; после заклятия горло кувшина затыкают пробкою и затем отправляются на избранное место; там зажигают несколько возов дров и дерну и бросают кувшин в средину пламени: когда сосуд раскалится и лопнет с сильным треском, «народ успокоивает себя мыслию, что вампир уже сгорел».

Точно так же и сербы отождествляют вампира с вукодлаком. По словам Караджича, вукодлаком называется человек, в которого спустя сорок дней после его кончины входит дьявольский дух и оживляет его бесчувственное тело («повампири се»). Вставая из гроба, он бродит по ночам одетым в саван («с покровом на рамену»), прокрадывается в избы, давит спящих людей и пьет из них кровь, отчего эти несчастные не только умирают, но и сами становятся вампирами (кровососами). Каждый покойник может «повампириться», если через него перелетит птица или перескочит какое-нибудь животное; потому сербы и считают священной обязанностью наблюдать, чтобы ничего подобного не случилось с их усопшим родичем.

Упитанный человеческой кровью, вукодлак лежит в могильной яме - тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлак является к своей овдовевшей жене (особенно если она

молода и красива) и спит вместе с нею; говорят, «да оно д]ете нема KocTnjy [126 - Не имеет костей.], Koje се роди с вукодлаком». Вампир может проникать в дома сквозь всякую щель, и потому запирать от него двери так же бесполезно, как и от ведьмы. Словенцы и кашубы называют упырей вещими (vicszcy), то есть признают их ведунами и ведьмами; а соседние с кашубами немцы дают им прозвания begierig, unbegier и blutsauger.

«Вещий» - это человек, рождающийся на свет с зубами или в сорочке; когда он умирает, лицо его сохраняет яркий румянец, а левый глаз остается открытым. К покойникам, у которых заметят эти признаки, простолюдины относятся с чувствами невольного страха и озлобления.

На Руси и в Германии существует примета, по которой открытые очи мертвеца высматривают, как бы увлечь кого-нибудь в могилу; оскаленные зубы мертвеца и румянец на его щеках указывают в нем вампира. По рассказам кашубов, зарытый в землю вампир, пробуждаясь от могильного сна, начинает грызть свои руки и ноги, и покуда он грызет, один за другим заболевают и умирают сперва его родственники, а потом и другие обыватели.

Когда вампир изгложет свое собственное тело, он встает в полуночный час из гроба, отправляется в стадо и губит крестьянский скот или взбирается на колокольню и принимается звонить, всякий, кто услышит этот звон, делается добычею смерти. Но чаще всего вещие мертвецы являются ночью в дома, подступают к сонным людям и высасывают из них кровь, а насытившись, возвращаются в могилы. Тот, кого сосал «вещий», уже не пробудится больше: поутру находят его в постели мертвым, с маленькою, едва заметною ранкою на левой стороне груди, прямо против сердца, или с очевидными знаками укушения на левом грудном соске.

Если разрыть могилу вампира (хотя бы через год после его погребения), то легко убедиться, что заключенный в ней мертвец не подвергается тлению, что руки и ноги его страшно изгрызены, а губы обагрены свежею кровью. Подобные басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (польск. upior, upir и upierzyca, чеш. upir и uperice); марлаки и далматинцы рассказывают о вакодлаках, сосущих кровь младенцев; истрияне называют упыря slrigon; по лужицкому поверью, когда мертвец принимается жевать свой саван или сосать собственную грудь, то вслед за ним сходят в могилу и все его родственники; поляки также приписывают упырям пожирание погребальных одежд и покровов.

Предания о вампирах не составляют исключительной принадлежности славян; они распространены почти у всех индоевропейских народов и должны быть возведены к древнейшей эпохе племенного единства. Валахи знают вампиров под именами murony и priccolitsch. Murony, по их мнению, - дух умерщвленного вампиром или существо, рожденное от любодейной связи; днем покоится он в могиле, а ночью прилетает к людям, питается их кровью и принимает различные образы, превращаясь в собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососных насекомых (вошь, блоху, клопа, паука), Разрывая его могилу, находят в ней цельный, неистлевший труп, из глаз, ушей, носа и рта которого струится свежая кровь, а на руках и ногах видны недавно выросшие ногти. Priccolitsch - оборотень, являющийся в образе собаки; в ночное время он рыщет по лесам, пастбищам и селам, умерщвляет своим прикосновением лошадей, коров, овец, коз, свиней и упивается их кровью.

Новые греки смешивают вампиров с вовкулаками. Злые демоны, овладевая трупами усопших под церковным проклятием, одушевляют этих мертвецов, делают их оборотнями (βουρχόλαχες) и чрез их посредство распространяют повсюду свое губительное влияние. βουρχόλαχες бегают ночью по улицам, стучатся в двери домов и выкликают имена местных жителей; кто отзовется на их оклик - тот немедленно умирает, подобно тому, как, по славянским преданиям, все отозвавшиеся на голос Моровой девы гибнут от заразы.

В Германии существует поверье, что с кончиною ребенка, рожденного с зубами во рту, начинается всеобщая, повальная смертность; существуют также сказания о мертвецах, которые, лежа в могилах, грызут свое собственное тело и одежды, а по ночам выходят из гробов, давят сонных и насылают на окрестное население мор. Чудовищный

Грендель, о котором упоминает поэма о Беовульфе и который приходил ночью сосать кровь из жил спящих воинов, вполне соответствует жадным вампирам и вовкулакам; мать Гренделя носила прозвание волчицы. Яков Гримм указывает подобное же свидетельство в одной из древнесеверных саг.

Слово вампир - упырь (упир, впир, женск. - вампера, упирица, упирина, ynnpja) доселе не объяснено надлежащим образом; исследователи сближают его с литовским wempti - пить (alu wempti - потягивать брагу; wempti, wampiti - ворчать, бурлить, бормотать) или производят от корня pi (пить), с приставкою у - av, va. Если принять это производство, то вампир будет означать опойцу, существо, которое впивается в живое тело и сосет из него кровь, как пиявка. Хорутане именуют вампира pijawica; о человеке с красным от опьянения лицом сербы выражаются: «црвен као вампир»; и сербы, и словаки горького пьяницу обзывают vlkodlak'oM. Это существенное, характеристическое свойство упыря роднит его со змеем (смоком), высасывающим из своих жертв молоко и кровь, и с великаном Опивалою.

Первоначально под именем упыря предки наши должны были разуметь грозового демона, который сосет тучи и упивается дождевою влагою, ибо в древнейших мифических сказаниях дождь уподоблялся крови, текущей в жилах облачных духов и животных. Очевидно, высасывание крови вампирами есть то же самое, что высасывание ведьмами и вовкулаками молока из небесных кобылиц и коров; меняются только поэтические краски, основная же мысль и там и здесь - одна.

Зимний холод, оцепеняющий дождевые тучи, повергает творческие силы природы усыплению, смерти, проклятию; бог-громовник и молниеносные духи- сосуны дождей - скрываются в облачных подземельях и засыпают в гробах-тучах. Но эта смерть - временная; с возвратом весны они пробуждаются, восстают из гробов и начинают сосать молоко или кровь, то есть живительный дождь, из облаков, усыпленных чарами зимы. Сосут они по ночам, то есть во мраке грозовых туч, которые, облегая со всех сторон небо, претворяют светлый день в темную ночь; с возгласом петуха (знамение утреннего рассвета и громовых ударов, рассеивающих тучи) духи эти немедленно исчезают.

Вампир может высасывать жизненные соки (питаться кровью), не только являясь в дома и нападая на сонных; той же цели достигает он, терзая собственное тело острыми, железными зубами или принимаясь жевать свой саван, а по кашубскому поверью - и тогда, когда ударяет в колокол. Саван в данном случае есть туманный, облачный покров, облекающий молниеносного духа, то есть телесная риза, в которой пребывает пламенная душа усопшего; железный зуб есть метафора молнии, а звон - громовых раскатов.

Таким образом, пробужденная молния начинает грызть облако, как свое тело или свой саван, и точить из него живую воду дождя, или, выражаясь поэтически, упивается горячею кровью. Замирая на зиму, духи-вампиры лежат в гробах-тучах нетленными мертвецами - подобно тому, как в действительности трупы усопших, покоясь в земле, охваченной зимнею стужею, не разлагаются до наступления теплой весны.

В русском народе доныне удерживается суеверное убеждение, что колдуны, ведьмы, опойцы и вообще люди, предавшиеся злому духу, проклятые или отлученные от церкви, по смерти своей не гниют, что мать сыра земля не принимает их, что они выходят по ночам из гробов, бродят возле прежнего своего жилища и являются к родным и соседям; поэтому и называют их полуночниками.

Существует рассказ о матери, которая прокляла своего сына, и труп его оставался нетленным целые сто лет; наконец его откопали, старуха мать, которая еще продолжала жить, изрекла прощение - ивто же мгновение мертвец рассыпался прахом. Болгары через каждые три года разрывают могилы, и если найдут неистлевшие трупы, то, признавая этих мертвецов состоящими под родительским или священническим проклятием, снова отпевают их и возносят за них заупокойные молитвы.

По древнему воззрению, в шуме весенней грозы праздновался брачный союз дьявола или вовкулака с ведьмою; плодом этого союза была летучая молния - упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно проникающее и потому, по мнению народа, рождаемое без костей. Отсюда возникли сказания: во-первых, о плотском смешении

вовкулаков с женщинами и, во-вторых, о появлении упырей на свадьбах и высасывании ими из жениха и невесты крови.

Рядом с этими мифическими представлениями необходимо поставить сербское предание о духе, излетающем из ведьмы. «Щештица, - говорит Караджич, - има у себи некакав Йаволски дух, kojn у сну из и>е изийе и створи се у лепира, у кокош или у Йурку, па лети по куйама и jefle луде, а особито малу щецу; кад найе чов]ека rflje снава, а она га удари некаквом шинком преко л^еве сисе те му се отворе прей док извади срце и из]еде, па се онда прей опет срасту. Неки тако из]едени луди одмах умру, а неки живе више времена, колико је она одсудила кад је ерце јела, и онаковом смрти умру, на какову она буде намщенила... Кад у каквом селу помре много д]еце или лудии, и кад сви повичу на Kojy жену да је вдештица и да их је она тојлеа» - ту связывают и ведут на публичную расправу [127 - Перевод; «Вещица имеет в себе некий дьявольский дух, который выходит из нее во время сна, превращается в бабочку, курицу или индейку, летает по домам и поедает людей, особенно младенцев. Находя спящего человека, вещица ударяет его прутом в левый сосок, открывает ему грудь, достает и съедает сердце, после чего грудь опять срастается. Некоторые из этих лишенных сердца людей].

Этот кровососный дух называется Аедогоььа и признается существом, тождественным вампиру. Когда в семье умирают дети, то вновь народившегося ребенка мать нарицает Вуком (валком): имя это дает она под влиянием мысли, что детей у нее поела злая вещица, «а на вука да не he CMjera ударити».

В одной из сербских песен спящий мальчик, которого будит сестра, отвечает ей:

«Нека и, сејо, не могу;
Вештице су ме изеле:
MajKa ми срце вадила,
Стрина јој лучем светлкла» [128 - Перевод: «Не могу, сестрица! вещицы меня изъели: мать вынула мое сердце, тетка ей лучиной светила».].

Итак, упырь есть порождение ведьмы, плод ее чрева (облака) или, по другому представлению, он- вечно живая, бодрствующая душа, исходящая из тела вещей жены во время ее глубокого, непробудного сна.

Но сон- эмблема смерти, и в русском народе существует убеждение, что когда человек обмирает (лежит в летаргическом сне), то душа его, вылетая на свободу, странствует на том свете, созерцает рай и ад, и потом снова возвращается в свое покинутое, бездыханное тело. Отсюда очевидно тесное сродство упырей и ведьм с душами-эльфами или марами; подобно этим стихийным карликам, они незаметно проскользают сквозь щели и замочные скважины, налегают на сонных людей и причиняют им удушье. Падающие звезды и метеоры, связь которых с представлением души человеческой достаточно объяснена выше, в Харьковской губернии принимаются за ведьм, поспешающих на бесовские игрища.

Малорусы ведьму называют марою; чехи упырям и волкодлакам дают названия mory, muy, muasi (сравни волошск muruny). Появляясь ночью muy нападают на спящих, давят их и сосут кровь из сердца и молоко из женских грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своих детей от злой мары, заклиная ее не приближаться к своему ложу: «Mury, mury! ne pristupuj k memu lozi, pokud nespocitas pisek v mosi, hvezdy na nebi, cesty na zemi». По свидетельству Илича, mora- старая баба, которая по ночам превращается в муху или бабочку, прилетает в избы и душит людей.

Эльфические существа, известные в Малороссии под именем мавок, защекочивают парубков для того, чтобы упиваться их кровью; о навах летопись сохранила любопытное известие, что они избивали народ - губили его моровою язвою. Излетающий из ведьмы кровососный дух принимает образ птицы, ночного мотылька или мухи и открывает грудь обреченного на смерть человека ударом прута, то есть молнии, что вполне согласуется с русским поверьем, будто упырь прокалывает свою жертву острым шильцем, и с поверьем кашубским, будто умерщвленный вампиром имеет на груди маленькую рану. По немецким и славянским поверьям, колдуны и ведьмы выпускают эльфа-бабочку из-под своих густых, сросшихся вместе бровей, то есть молния разит, как пламенный взор, сверкающий из-под нависших облаков.

О вовкулаке рассказывают, что когда он показывается в человеческом образе, то

отличительною его приметою бывают сросшиеся вместе брови. Птица, мотылек и муха - общеизвестные у арийских племен представления души, разлучившейся с человеческим телом. То же значение придавал миф и летучей мыши; замечательно, что слово «вампир» употребляется не только в смысле загробного выходца, полуночника, но ив смысле летучей мыши, которая обыкновенно прячется днем и показывается уже по закате солнца, почему и была названа нетопырем - гшхтерц, vespertilio. Сверх того, как существо стихийное, душа наравне с дующими ветрами и грозовым пламенем олицетворялась собакою и кошкою.

Отсюда создалось поверье, что мертвец тотчас же оживает и делается вампиром, как скоро через труп его перепрыгнет собака, кошка или перелетит птица; на Украине же думают, что человек, которого овеет (одушевит) степной ветер, становится упырем. Подобно сербским вещицам, греко-италийские стриги, нападая на сонных, вынимают трепещущее сердце, жарят его и съедают, а взамен кладут в раскрытую грудь солому или полено, после чего человек продолжает жить без сердца. Румыны верят, что чародеи могут обвить сердце человеческое клубком ужей или змей, которые не перестают сосать его до тех пор, пока не высосут всю кровь до последней капли.

Могучий двигатель крови и необходимое условие жизни - сердце - издревле принималось за вместилище души и ее способностей: мысли, чувства и воли [129 - У нас говорится: человек с сердцем, с душою, с чувством, сердечный: это ему по сердцу (по желанию); Бог проницает в глубину сердец, Он знает: у кого что на сердце; серчать - гневаться и т. д. тотчас же умирают, а другие продолжают жить столько времени, сколько присудила им поедучая ведьма, и потом погибают назначенною от нее смертию».]. Поэтому выражение «ведьма съедает сердце» следует понимать в том смысле, что она похищает у человека жизнь, извлекает из него душу, обращает его в бескровный труп. Такое объяснение вполне оправдывается поверьями, отождествляющими ведьм с нечистыми духами повальных болезней и с богинею смерти (Моровою девою). Но сверх этого указанное выражение могло применяться и к стихийным явлениям природы: как «высасывание крови» относилось первоначально к пролитию дождя, так «съедание сердца» могло обозначать мысль о молниеносном духе, терзающем внутренности, сердцевину дождевой тучи. В этом отношении народные сказания о ведьмах и вампирах сближаются с древненемецким преданием о драконе Фафнире и греческим мифом о Прометее.

Зигурд, победитель Фафнира, вынимает из него сердце, жарит на огне и съедает и чрез то самое обретает высокий дар предвидения, то есть герой громовник разводит грозовое пламя, пожигает дракона-тучу или (что то же) пожирает его внутренности и упивается вещим, вдохновительным напитком дождя. Миф о Прометее изображает этого титана похитителем небесного огня; разгневанные боги приковали его к скале и послали орла -носителя Зевсовых молний клевать его печень [130 - Шварц (Sonne, Mond u. Sterne, 1422), объясняя эти предания, принимает «сердце» за поэтическое обозначение солнца, закрытого тучами, так как у древних писателей оно называлось «сердцем Вселенной». Что ведьмам приписывалось пожирание солнца - об этом сказано выше. Здесь прибавим, что ребенок, родившийся с зубами, признается у венгров существом чародейным (по мнению чехов, это - мора); когда он умирает, то ему в рот кладут камень; в противном же случае он проглотит и солнце, и месяц. Точно так же славяне кладут камень в рот вампира, дабы он не мог высосать кровь. Слово «упырь» перешло от русских к татарам и чувашам; у первых убыр - колдунья, ведьма, у последних вабур - чародей, поедающий луну. В ярких красках зори и в преломленных лучах солнца предки наши видели потоки крови, а солнечные затмения приписывали демону, который в образе волка грызет дневное светило и точит из него горячую кровь.].

Та любопытная черта, что ведьма, пожирая сердце, заменяет его обрубком дерева или пуком соломы, может быть легко объяснена поэтическим уподоблением грозового пламени, во-первых, живому огню, добываемому из дерева, и, во-вторых, костру горящей соломы; самая молния, как известно, представлялась волшебным прутом, веткою и стеблем разрыв-травы.

Мазовецкое предание рассказывает о рыцаре, который долгое время славился своим мужеством и отвагою; но вот однажды, пользуясь его сном, явилась ведьма, ударила

его в грудь осиновой веткою и, когда грудь раскрылась, вынула из нее трепещущее сердце, а на место похищенного положила другое, заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся боязливым трусом и оставался таким до самой смерти. В Польше ходил рассказ о ведьме, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему в грудь петуха; с тех пор несчастный постоянно кричал петухом. Основа этих преданий - чисто мифическая, ибо и заяц, и петух принимались символами огня и сверкающих молний.

Позднее, перерабатывая старинные мифы, фантазия налагает на них печать нравственных воззрений и пользуется для этого всяким готовым намеком; так как заяц возбуждает представление трусости, то отсюда в рассказе о рыцаре с заячьим сердцем главный интерес сосредоточился на тех душевных страданиях, какие должен испытывать воин с утратою мужества и доброй славы. С похищением сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрению, чувство любви охватывает человека как внутреннее пламя, возжигаемое в его сердце стрелою громовника и раздуваемое буйными вихрями. Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимают из груди юноши или девицы сердце, жарят его и наговаривают любовную тоску. По справедливому замечанию Я. Гримма, в связи с этим поверьем должны быть поставлены и следующие доселе употребительные выражения: «она похитила мое сердце» - заставила полюбить себя, «он отдал ей сердце», «он очарован, обворожен ею».

Мы знаем, что ведуны и ведьмы, выдаивая облачных коров, производят засухи, неурожаи, голод и моровую язву; те же гибельные последствия соединяет народ и с высасыванием крови вампирами. Злому влиянию упырей и ведьм приписываются как зимнее оцепенение дождевых туч, так и летний, все пожирающий зной. Русские поселяне убеждены, что упыри и вовкулаки могут творить бездождие, насылать бури, неурожаи, скотские падежи и различные болезни; там, где они бродят, одна беда следует за другою.

По сербскому поверью, вукодлак преимущественно показывается зимою и в голодные годы: «У врщеме глади често га привийау око воденица [131 - Водяная мельница.], око амбара житии]ех и око чардака и кошева кукурузнщех», где и поедает заготовленный хлеб и кукурузу. В таких общественных бедствиях исстари и доныне обвиняются блуждающие мертвецы.

Еще в XIII веке Серапион обращался с укором к современникам, которые воспрещали погребать тела удавленников и утопленников и вырывали их из могил как виновников засухи и неурожаев. Обычай этот в XVI веке настолько был силен, что Максим Грек признал необходимым вооружиться против него особым посланием: «Кий ответ сотворим (говорит он) в день судный, телеса утопленных или убиенных и поверженных не сподобляюще я погребанию, но на поле извлекше их, отыняем колием, и еже беззаконнейше и богомерско есть, яко аще случится в весне студеным ветром веяти и сими садимая и сеемая нами не преспевают на лучшее, оставивше молитися содетелю и строителю всех. аще увемы некоего утопленного или убитого неиздавпа погребена. раскопаем окаянного и извержем его негде дале и непогребена покинем . по нашему по премногу безумию виновно стужи мняще быти погребение его».

Димитрия Самозванца народная молва обвиняла в чародействе [132 - В современных грамотах говорится, что Отрепьев - еретик, впал в чернокнижие и обольстил народ бесовскими мечтами.]; когда он погиб насильственной смертью, труп его был выставлен на Красной площади и в продолжение трех дней лежал на столе с дудкой, волынкою и маскою, атрибутами окрутников и скоморохов, а затем погребен в убогом доме за Серпуховскими воротами. Это было в половине мая 1606 года; как нарочно, настали тогда сильные морозы, вредные для полей, садов и огородов. Столь поздние холода москвичи приписали самозванцу; они вырыли его труп, сожгли на Котлах и, смешавши пепел с порохом, выстрелили им из пушки.

Запрещение хоронить утопленников, удавленников, чародеев существовало и у других славянских племен; самоубийцы и доныне лишаются христианского погребения. Всякое физическое бедствие (бездождие, буря, град, чрезмерный зной или стужа) приписывается народом влиянию мертвецов, погибших насильственным образом: их стихийные души блуждают в воздушных сферах, носятся буйными вихрями и грозою и,

нарушая порядки природы, как бы мстят людям за свою неестественную разлуку с жизнию. Предубеждение против таких мертвецов до сих пор не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцев.

Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгих засух по общему мирскому приговору выкапывали из могилы труп опойцы и топили его в ближайшем болоте или озере, твердо веруя, что после того непременно пойдет дождь. Засуха нынешнего лета и опасение неурожая заставили крестьян Тихого Хутора (в Таращанском уезде) прибегнуть к следующему средству: они разрыли могилу скончавшегося в декабре прошлого года и похороненного на сельском кладбище раскольника, приподняли его из гроба, и между тем как один из них бил мертвеца по черепу, приговаривая: «Давай дождя!» - другие лили на усопшего воду сквозь решето, затем снова уложили его в гроб и закопали на прежнем месте.

В некоторых деревнях, с целью вызвать дождь, в могилу заподозренного мертвеца лили воду целыми бочками. Эти представления о вампирах, сосущих кровь, то есть скрадывающих дожди и насылающих неурожаи, заставили фантазию сроднить их с богинею смерти, во-первых, потому, что вслед за неурожаями начинаются повальные болезни, а во-вторых, потому, что самая Смерть, нападая на людей и животных, высасывает из них кровь и оставляет одни холодные и безжизненные трупы. Обитатели загробного царства, вампиры, являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отошедшая из сего мира душа рассматривалась как бы увлеченная ими в свое сообщество.

Поселяне наши убеждены, что Коровья Смерть (чума рогатого скота) есть оборотень, который принимает на себя образ черной коровы, гуляет вместе с деревенскими стадами и напускает на них порчу. Всюду в славянских землях гибельное действие моровой язвы объясняется злобою вампиров, и не только предания, но и положительные свидетельства памятников утверждают, что для отвращения повальной смертности народ прибегал к разрытию могил, извлечению трупов и различным над ними истязаниям. Так как от зачумленного покойника прежде всего заражаются те, посреди которых он скончался, то отсюда возникло поверье, что вампиры сначала умерщвляют своих родичей, а потом уже соседей и других обывателей.

На Руси главнейшим средством против смертоносной силы упырей считается заостренный осиновый кол, который вбивают в грудь или в спину мертвеца, между лопаток, а иногда в могильную насыпь. В Киевской губернии рассказывают, что в могилах колдунов и ведьм всегда есть отверстие, в которое вылезают они ночью в виде мышей и ящериц; отверстие это советуют затыкать осиновым колом, а самые гробы, в которых покоятся их трупы, заколачивать осиновыми гвоздями. Если и затем мертвец продолжаеттревожить население, то необходимо предать его сожжению. «Привезли (говорит сказка) осиновые дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил - все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают», чтобы и в червяке не мог ускользнуть волшебник от заслуженной им кары.

Вбивать осиновый кол в тело упыря должно с размаху за один раз, и притом остерегаться, чтобы кровь, которая брызнет из него в разные стороны, не омочила кого-нибудь из присутствующих; повторенный удар оживляет мертвеца и сообщает ему способность превращений. Тот же совет не ударять дважды дается и сказочным героям, выступающим на борьбу с Вихрем, Бабой-ягою, великанами и змеями. От огненного змея можно отделаться, поразив его во время сна единым богатырским ударом; если же ударить его в другой раз - то змей немедленно оживает.

Сверх того, упырям подрезывают пятки, связывают лыками руки, а на грудь кладут осиновые кресты. Теже средства употребляются против вампиров и прочими славянами. По свидетельству Караджича, ««како почну луди много умирати по селу, онда (сербы) почну говорите да је вукодлак у гроблу, и стану погайати ко се повампирио. Кашто узму врана ждри|епца без бил ere, па га одведу на гробл е и преводе преко гробова, у копима

се 6oje да Hnje вукодлак: jep кажу да такови ждри|ебац не he, нити сми|е прщейи прско вукодлака. Ако се о ком уßjере и догоди се да га HCKonaeajy, онда се скупе сви селаци с глоговщем колем, на расKonajy гроб, и ако у нему Hahy чов]ека да се Hnje распао, а они га изводу опишем кол ем, па га баце на ватру те изгори» [133 - Перевод: «Когда начнет на селе умирать много людей, то станут говорить, будто на кладбище есть вукодлак, и примутся гадать, кто это повампирился. Для этого берут вороного жеребца без отметин, ведут на кладбище и переводят через те могилы, в которых можно опасаться присутствия вукодлака. Еоворят, что такой жеребец не захочет и не посмеет переступить через вукодлака. Когда убедятся в вампирстве покойника и вздумают выкопать его, то все поселяне собираются вместе, разрывают могилу и, если найдут в ней неистлевший труп, прободают его итоговым колом (глог - weissdom, crataegus Linn., боярышник), а потом бросают в огонь и предают сожжению».]. «Кад умре 40ßjeK, за Kojera се мисли да je jefloroH а, ударе му глогово трше под нокте и ножем ncnpecnjeuajy жиле испод колена, да не би могао излазити из гроба, као вампир» [134 - Перевод: «Когда умрет человек, о котором думают, что он - ведогоня, то забивают ему под ногти глоговые иглы и подрезывают ножом жилы под коленками, чтобы он не мог выходить из гроба, как вампир».].

Болгары, как скоро заподозрят усопшего вампиром, немедленно приготовляют заостренные терновые или глоговые колья, идут с ними на кладбище, разрывают могилу и, скипятивши несколько ведер виноградного вина, пробивают мертвеца кольями и обливают его кипящим вином, думая, что таким образом они истребляют вселившегося в труп злого демона. В Червонной Руси во время засух и холеры жгли упырей и ведьм на терновом огне. Маннгардт собрал много интересных указаний на подобные расправы с мертвецами, засвидетельствованные памятниками различных народов.

В одной чешской деревне в 1337 году умер пастух и стал являться вампиром; когда его откопали и вонзили ему кол в тело, то из него брызнула кровь, а сам он промолвил: «С этою палкою мне еще лучше будет от собак отбиваться!» После того он был предан сожжению и, сгорая, ревел, как бык или осел. В 1345 году скончалась женщина, ославленная промеж чехов ведьмою, и была погребена на перекрестке; выходя из могилы, она оборачивалась зверем и пожирала попадавшиеся ей жертвы. Дубовый кол, которым ее пронзили, она извлекла вон и стала еще больше умерщвлять народу, чем прежде. Напуганные жители сожгли ее труп, а оставшийся пепел зарыли в могилу; замечательно, что на месте, где совершилась эта посмертная казнь, несколько дней кряду кружился сильный вихрь. В 1567 году в Trutnau (в Богемии) отрубили вампиру голову.

Несколько позже (в 1572 г.), когда появилась в Польше чума, обвинение в этом бедствии пало на умершую бабу, которую народ признавал за ведьму.

В могиле она покоилась совершенно голая, потому что пожрала все свои одежды; решено было отрубить ей голову могильным заступом и потом снова закопать в землю; когда это сделали - чума тотчас же прекратила свой губительный набег. Венды считают необходимым ударять вампира заступом по затылку и уверяют, будто при этом ударе он визжит, как поросенок. В 1672 году недалеко от Лайбаха умер человек по прозванию Giure Grando; по смерти своей он показывался ночью, стучался в двери домов и целые семьи увлекал за собою на тот свет. Староста Miho Radetich приказал разрыть его могилу; колдун (strigon) лежал нетленный, с багровым, усмехающимся лицом и открытою пастью. Ударили его в живот терновым колом (hagedom) - он выдернул кол обратно; отрубили ему голову киркою - он вскрикнул, словно живой, а могильная яма наполнилась свежею кровью.

По мнению кашубов, чуму и другие повальные болезни производят «вещие»; первый, кто падает жертвою холеры, вслед за которым начинают умирать и другие, признается вампиром. Разрывая могилу «вещего», кашубы отсекают ему голову железным заступом и промеж ею и туловищем насыпают несколько земли или кладут отрубленную голову к ногам мертвеца; иногда же влагают ему в рот камень, набивают ему глотку землею, поворачивают труп лицом книзу, бросают в гроб что-нибудь сплетенное или связанное (напр., чулок), обсыпают могилу маком и думают, что пока мертвец не распутает всех петель и не сочтет всех маковых зерен, до тех пор он не может удалиться с кладбища. В

Южной России есть поверье, что путь, которым приходит мертвец к живым людям, должно посыпать маком: тогда он не прежде может повторить свое посещение, как подобравши все до единого разбросанные зерна.

Волохи вбивают в сердце упыря деревянный кол, вгоняют ему в череп гвоздь, кладут возле него лозу шиповника, иглы которого, цепляясь за саван, должны задержать мертвеца в могиле, или, наконец, сожигают его. В Силезии в 1592 году разнеслась молва об одном умершем сапожнике, что он является по ночам и давит сонных людей, и с такою силою, что оставляет на их теле синие пятна; мертвеца вынули из могилы, отсекли ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли на позорном месте. В Гессене еще в недавнее время, как только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы и если находили неистлевшие трупы, то отсекали у них головы.

У скандинавов был обычай - тела заподозренных мертвецов сожигать на костре, а пепел бросать в море. Все исчисленные нами обряды имеют целью воспрепятствовать вампиру выходить из могилы, высасывать кровь и губить население. Они направлены:

a) против ног, с помощию которых вампир посещает людские жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрезывают подколенные жилы и пятки;

b) против рук, которыми он схватывает и давит свою жертву: их связывают лыками;

c) против поедучей пасти мертвеца: ему стараются забить глотку, зажать рот камнем или землею; пока он не разжует этого камня, не съест этой земли, до тех пор уста его и зубы не свободны инев состоянии ни сосать, ни грызть живого человека;

d) мак, как снотворное зелье, должен усыпить могильного обитателя;

e) словацкая сказка повествует о вовкулаке, у которого было девять дочерей; восемь старших он умертвил, а когда погнался за девятою - догадливая девица сбросила с себя платок и сказала: «Не догнать тебе, пока не изорвешь этого платка в лоскутья, пока не расщиплешь его на тонкие нити и потом не выпрядешь и не соткешь снова!» Вовку лак исполнил эту трудную задачу и погнался за девицей; с теми же словами она сбрасывает с себя платье, оплечье, кофту, рубашку и голая спасается от страшной смерти.

Согласно со старинным уподоблением облаков прядеву, тканям и одеждам, вампир только тогда и может упиваться кровью (дождевою влагою), когда прядет туманы, ткет облачные покровы или разрывает их в бурной грозе. Это мифическое представление, вместе с верою в предохранительную силу наузы (узла, петли), привело к убеждению, что пока вампир или вообще нечистый дух не распутает всех узлов и петель - он связан в своих действиях и не может повредить человеку;

f) вернейшим же средством против блуждающих мертвецов признается совершенное уничтожение их трупов.

По древнему воззрению, душа усопшего только тогда делается вполне свободною, когда оставленное ею тело рассыпается прахом, и наоборот, пока оно не истлеет, между ним и душою не перестает существовать таинственная связь. Замечая, что некоторые трупы долгое время остаются нетленными, что у покойников даже отрастают волоса и ногти, предки наши видели в этом несомненные признаки продолжающейся жизни и верили, что душа не вдруг покидает бренную оболочку, что и по смерти она сохраняет к своему телу прежнюю привязанность, прилетает к нему в могилу, входит в него как в знакомое ей обиталище и таким образом временно оживляет мертвеца и подымает его из гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь души с телом, чтобы окончательно удалить ее из здешнего мира, необходимо было предать труп сожжению.

Только в пламени погребального костра отрешалась она от всего материального, влекущего долу, очищалась от земного праха и содеянных грехов, сопричиталась к стихийным духам и вместе с ними восходила в светлое царство богов. У всех индоевропейских народов существовало глубоко вкорененное убеждение, что пока над телом усопшего не будет совершен погребальный обряд, то есть пока оно не будет разрушено огнем, до тех пор душа его не обретает покоя, томится, мучится и, блуждая в сем мире, мстит за себя своим беспечным родичам и землякам неурожаями, голодом и болезнями.

В наше время думают, что такая страдальческая участь по смерти ожидает всех лишенных христианского погребения. В силу этих верований сожжение вампиров

первоначально было не столько казнью, направленною против злых демонов, сколько благочестивою заботою об успокоении душ, очищении их огнем и водворении в райских обителях. Вся обрядовая обстановка такого сожжения служит знамением небесной грозы, в бурном полете которой, по мнению наших праотцов, возносились на тот свет легкие тени усопших.

Осиновый или дубовый кол, вбиваемый в грудь мертвеца, - символ громовой палицы; в погребальном обряде ему соответствует молот Индры или Тора, которым издревле освящали покойника и приуготовленный для него костер. То же значение соединялось и с колючей лозою терна, боярышника или шиповника; сербы называют терновый куст «вукодржица» (держащий волка - вовкулака). Острый гвоздь и могильный заступ суть позднейшие замены этих древнейших символов. Огонь, на котором сожигают вампиров, стараются добывать из дерева посредством трения, так как именно этот огонь и признавался равносильным «живому» пламени грозы [135 - Так как вампиры умерщвляют людей через высасывание из них крови, то, наоборот, умерщвленные вампирами тотчас же оживают, как скоро будет возвращена им высосанная кровь; кто заболеет вследствие укушения мертвеца, тому советуют давать хлеб или питье с примесью крови, добытой из вампира, или тою же кровью предлагают ему натирать недужное тело.]; в других же местностях их сжигают на терновом костре. Пепел, остающийся после сожжения вампира, бросают в воду; самый труп его окачивают вскипяченным вином или обливают сквозь решето водою, что символически означает омовение усопшего в дождевом ливне, погружение его души в небесный поток, переплывая который можно достигнуть царства блаженных (вино - метафора дождя).

В народной памяти уцелели суеверные представления, что пронзенный колом и поджигаемый пламенем вампир ревет как раненый зверь (завывание грозовой бури) и истекает кровью (дождем); из его тела выползают гады (змеи-молнии), а вокруг пылающего костра подымаются вихри.

Как производители неурожаев, голода и повальных болезней, упыри и ведьмы отождествлялись с поедучею Смертию и наравне с этою злобною богинею и другими демоническими существами (великанами, змеями и чертями) являются в народных сказаниях пожирающими человеческое мясо. Когда человек умирает, душа его увлекается в сообщество загробных духов, а тело делается снедью червей, тлеет и разрушается; отсюда родилось убеждение, что духи эти, призывая к себе смертных (отымая у них жизнь), питаются их мясом. Manducus- оборотень, чудовище с большою пастью- Я. Гримм производит от mandere, manducare- есть, жевать; а masca (larva, привидение, оборотень, личина), итал. maschera, сближает с словами macher, mascher и masticare (значение то же, что и глагола mandere). Ведьмам нередко давались названия larve - maske, и, начиная с индусов, у всех племен арийского происхождения они представляются жадными на человеческое мясо.

На Украине уверяют, будто упыри гоняются по ночам за путниками с громким возгласом: «Ой, мяса хочу, ой, мяса хочу!». По свидетельству народных преданий, колдуны являются по смерти в ночное время, бродят по деревне, морят и поедают живых людей. В одной сказке повествуется о мертвеце, который пришел на свадьбу, умертвил жениха и невесту, пожрал все приготовленные яства, вместе с посудою, ложками и ножами; а затем закричал «Есть хочу! голоден!»- и бросился было на солдата, но тот отделался от него, благодаря осиновому полену и раздавшемуся крику петуха.

Существует любопытное предание о человеке, ищущем бессмертия; оно известно в двух вариантах, и та роль, которую в одном варианте исполняет Смерть, в другом приписывается ведьме: эта последняя пожирает людей и точит на них свои страшные зубы. И славяне, и немцы наделяют ведьм огромными зубами.

По народным рассказам, когда умирает ведьма или «заклятая» царевна (та, которою овладел нечистый дух), тело усопшей заключают в гроб, окованный железными обручами, выносят в церковь и заставляют кого-нибудь «отчитывать» ее [136 - Отчитыванье, т. е. чтение вслух Священного Писания над «заклятыми» и усопшими, - вернейшее средство для избавления их от демонской власти.]; ночью, ровно в двенадцать часов, вдруг подымается сильный вихрь, железные обручи лопаются с

оглушительным треском, гробовая крышка спадает долой, и вслед за тем ведьма или заклятая царевна встает из гроба, летит по воздуху, бросается на испуганного чтеца и пожирает его, так что к утру остаются от него одни голые кости.

Только тот может избегнуть опасности, кто очертится круговою чертою и станет держать перед собой молот, это священное орудие бога-громовника. Рассказывают еще, что некогда, в старые годы, умер отчаянный безбожник; тело его вынесли в церковь и приказали дьячку читать над ним псалтырь. Этот догадался захватить с собой петуха. В полночь, когда мертвец встал из гроба, разинул пасть и устремился на свою жертву, дьячок стиснул петуха; петух издал обычный крик - и в ту же минуту мертвец повалился навзничь оцепенелым и неподвижным трупом (Харьковская губерния).

Как глубоко запала в наших предков суеверная боязнь мертвецов, лучше всего свидетельствует любопытное послание царя Алексея Михайловича к знаменитому Никону о кончине патриарха Иосифа. «Ввечеру, - пишет царь, - пошел я в соборную церковь проститься с покойником, а над ним один священник говорит псалтырь, и тот. во всю голову кричит, а двери все отворил; и я почал ему говорить: для чего ты не по подобию говоришь? «Прости-де, государь, страх нашел великой, а во утробе-де, государь, у него святителя безмерно шумело. Часы-де в отдачу вдруг взнесло живот у него государя (усопшего патриарха), и лицо в ту ж пору почало пухнуть: то-то-де меня и страх взял! я-де чаял - ожил, для того-де я и двери отворил, хотел бежать». И меня прости, владыко святый! от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; за се и при мне грыжа-то ходит прытко добре в животе, как есть у живого, да и мне прииде помышление такое от врага: побеги де ты вон, тотчас-де тебя вскоча удавит. да поостоялся, так мне по легче ло от страху».

Так как души представлялись малютками - эльфами, марами, то отсюда родилось поверье, что упыри и ведьмы крадут и поедают младенцев, то есть, по первоначальному смыслу, исторгают у людей души, уничтожают их жизненные силы. Стриги и ламии классических народов и немецкие hexen, являясь в дома, похищают из колыбелей младенцев, терзают их и жарят на огне; на своих нечестивых сборищах ведьмы убивают детей, добытую из них кровь смешивают с мукою и пеплом, а жир употребляют на изготовление волшебной мази.

Памятники XV-XVII столетий сохранили нам свидетельства о тех несчастных жертвах народного суеверия, которых обвиняли, будто они превращаются в волков, пьют младенческую кровь, пожирают детей, и вследствие этих обвинений подвергали суду и предавали сожжению. По словам барона Гакстгаузена, в Армении рассказывают, что когда волчий оборотень приблизится к людскому жилищу - окна и двери сами собой отворяются, вовкулак входит внутрь дома, бросается на детей и утоляет свой голод их кровью и мясом. В некоторых местностях России поселяне убеждены, что вещицы выкрадывают из утробы спящей матери ребенка, разводят на шестке огонь, жарят и съедают его, а взамен похищенного дитяти кладут ей в утробу голик, головню или краюшку хлеба - поверье, напоминающее вышеприведенные рассказы о похищении ведьмою сердца, на место которого она влагает обрубок дерева или связку соломы. Поэтому беременные женщины, в отсутствие мужей своих, не иначе ложатся спать, как надевая на себя что-нибудь из мужниной одежды или по крайней мере опоясываясь мужниным поясом; эта одежда служит знамением, что они продолжают состоять под покровом (защитою) главы семейства, а пояс преграждает (завязывает) к ним доступ злой чародейке.

В народных сказках ведьмы уносят тайком или заманивают к себе маленьких детей, жарят их в печи и, пресытившись этим яством, катаются по земле и причитывают:

«Покачу ся, повалюся, Ивашкина мяса наевшись!» [137 - В образе эльфа (как указано выше) представление души сочеталось с представлением грозового гения, и потому сказка о ведьме и хитром мальчике, которого она хочет пожрать, живописует, во-первых, черную тучу, поглощающую молнии, и, во-вторых, Смерть (Моровую деву), похитительницу душ человеческих.] Белорусы уверяют, что Смерть передаст усопших Бабе-яге, вместе с которою разъезжает она по белому свету, и что Баба-яга и подвластные ей ведьмы питаются душами покойников и оттого делаются столь же

легкими, как самые души, -предание в высшей степени знаменательное!

Рассказывают также, что Баба-яга крадет детей, подымает их на воздух и бросает оттуда мертвыми на кровлю дома. У валахов, когда в семье народится младенец, один из присутствующих при этом перекидывает через себя камень; а прочие восклицают: «Вот тебе, стрига, в глотку!» [138 - По греческому сказанию, новорожденный Зевс обязан своим спасением камню, который дали проглотить Кроносу.] Во Франции существует поверье, что в глухую полночь ведьмы собираются возле источников и занимаются стиркою, но вместо белья моют, крутят и бьют вальками младенческие трупы.

Бабе-яге принадлежит весьма важная и многознаменательная роль в народном эпосе и преданиях славянского племени. В разных отделах настоящего сочинения мы не раз останавливались на этих преданиях и, объясняя их первоначальный смысл, указывали на сродство Бабы-яги с вещими облачными женами. Она живет у дремучего леса в избушке на курьих ножках, которая поворачивается к лесу задом, а к пришельцу передом, летает по воздуху и ездит на шабаши ведьм в железной ступе, погоняя толкачом или клюкою и заметая след помелом.

Белорусы утверждают, что Баба-яга ездит по поднебесью в огненной ступе и погоняет огненною метлою, что во время ее поезда воют ветры, стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья. Как эта ступа, так и подвижная избушка (домашний очаг) - метафоры грозовой тучи, а толкач или клюка - Перунова палица. Сверх того, Баба-яга обладает волшебными огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковром-самолетом, гуслями-самогудами и мечом-самосеком, то есть в ее власти состоят и быстролетные облака, и бурные напевы грозы, и разящая молния. Преследуя сказочных героев, убегающих от ее злобы и мщения, она гонится за ними черною тучею.

У чехов и доныне дождевые облака называются бабами. Что же касается слова «яга» (era, польск. j^dza, j^dzi-baba, словац. jenzi, jezi-baba, чеш. jezinka, галиц. язя), то оно соответствует санскритскому ahi - змей (корень ah ис носовым пазвуком anh) [139 - Звук h, сохраненный в русском, в других славянских наречиях, смягчается в «жд»=«зд» (пол. «dz»), «ж» и «з». Чешек, jedu-baba образовалось из «яждати, ездити, еда». Согласно с сварливым, неугомонным характером Бабы-яги, областные русские «ягать», яжить» стали употребляться в значении кричать, шуметь («что ты яжишь, как Баба-яга?»), яган - буян, грубиян.]. Там, где в славянских сказках действующим лицом является Баба-яга, параллельные места новогреческих и албанских сказок выставляют ламию и драконицу; лат. lamia - колдунья, ведьма и болг. ламья, ламя- баснословная змея. Скажем более, у самих славян Баба-яга и мифическая змеиха выступают в преданиях как личности тождественные; что в одном варианте приписывается змее, то нередко в другом исполняется ягою, и наоборот; на Украине поедучую ведьму обыкновенно называют змеею. Замечательно, что те же эпические выражения, какими обрисовывается избушка Бабы-яги, прилагаются и к змеиному дворцу.

Словацкая сказка изображает сыновей Ежи-бабы лютыми змеями. Очевидно, что под этим именем, смысл которого давным-давно утрачен народною памятью, предки наши разумели мать змея Вритры, демона, похищающего дожди и солнечный свет. Подобно змею, Баба-яга любит сосать белые груди красавиц, то есть извлекать молоко (дождь) из грудей облачных нимф; подобно змею, она ревниво сторожит источники живой воды и заботливо прячет в своих кладовых медь, серебро и золото, то есть сокровища солнечных лучей.

Так, по свидетельству одной сказки, жили-были два богатыря, взяли к себе названую сестру, и повадилась к ней ходить и сосать груди Баба-яга. Богатыри заприметили, что сестра их стала хиреть и сохнуть; подстерегли ягу, изловили и заставили указать себе источник с живою водою. Приводит их яга в лесную трущобу, указывает на колодец и говорит: «Вот целющая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катома, сломил с дерева зеленую ветку и бросил в колодец; не успела ветка до воды долететь, как вся огнем вспыхнула. Разгневались добрые молодцы, вздумали за такой обман бросить Бабу-ягу в огненный колодец (метафора грозовой тучи), но она упросила-умолила пощадить ее и привела к другому колодцу. Катома отломил от дерева сухой прутик и только что кинул в воду - как он тотчас же пустил ростки, зазеленел и расцвел [140 -

Наравне с драконами ведуны и ведьмы тотчас же разрывают наложенные на них оковы и пропадают из темницы, как скоро добудут воды и утолят свою жажду.].

Словаки верят, что Баба-яга может по собственному произволу насылать ненастье и ясную погоду. Так как наводимый тучами мрак уподоблялся ночи, а следующее за грозой прояснение солнца напоминало утренний рассвет, то русская сказка отдает во власть яги трех таинственных всадников - белого, красного и черного, олицетворяющих собою день, солнце и ночь. Наконец, подобно змею, Баба-яга пожирает человеческое мясо. Вокруг избы, в которой живет она, тянется забор из человеческих костей или высокий тын с воткнутыми на нем черепами; из тех же костей устроены и ворота: вереями служат ноги, засовом - рука, а замком - челюсть с острыми зубами.

Баба-яга и ведьмы чуют присутствие скрытого человека и при всякой встрече с странствующими героями восклицают: «Фу-фу! доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а ныне русской дух в очью проявляется!» или «Что это русским духом пахнет!» Теже слова произносят при встрече с людьми и все другие мифические лица, которым приписывается пожирание человеческого мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. В немецких сказках означенные восклицания заменяются выражением: «У-у-у! я чую - здесь пахнет человеческим мясом!»

Наряду с ведьмами Баба-яга ворует детей, жарит и поедает их; наряду с ведьмами она питается душами усопших [141 - У финнов Бабе-яге соответствует Оеэтср = пожируха; в чувашской сказке старая ведьма как только вошла в избу, так и закричала: «Что это человеческим духом пахнет?» «Матушка, - возразила ей дочь, - да разве ты не каждый день употребляешь в пищу человеческое мясо; так какому же запаху быть в нашей избушке!».]. Как олицетворение черной тучи, как существо, равносильное змею, производителю засух, бесплодия и морового поветрия, Баба-яга в среде вещих облачных жен является с значением третьей парки и роднится с богинею смерти [142 - Желая навести дождь, яга выставляет на двор мертвую голову (Морану - черную тучу).]. Народная фантазия представляет ее злою, безобразною, с длинным носом, растрепанными волосами, огромного роста старухою.

Именем «яга», точно так же как именем «ведьма», поселяне называют в брань старых, сварливых и некрасивых женщин. Следуя эпическому описанию сказок, Баба-яга - костяная нога, голова пестом лежит в своей избушке из угла в угол, нос в потолок врос, груди через грядку повисли. Замечательно, что лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется в наших сказаниях бабой-великанкою, жадно пожирающей людей; по выражению южнорусского варианта, лихо покоится на ложе из человеческих костей, голова его лежит на покути, а ноги упираются в печку.

Бабу-ягу называют на Руси:

а) ярою, бурою, дикою, что указывает на связь ее с бурными, грозовыми тучами и с неистовой породою великанов;

b) железною. Малороссияне, не позволяя детям щипать горох, говорят: «Нейди в горох, ботам зализна баба сидить!» Тою же угрозою останавливают они ребятишек, чтобы не бегали в леса и сады. В Пошехонском уезде крестьяне с целью удержать детей от своевольного беганья по огородам и нивам запугивают их полевым дедом или Бабой-ягою - костяной ногою, с большими грудями и сопливым носом. В других славянских землях уверяют детей, что в колосистом хлебе сидит babaj^dza, zitnamatka, sserpashija, ловит шалунов и давит их своими железными грудями.

По мнению чехов, житная баба является на полях и нивах по преимуществу в то время, когда хлеб начинает цвести и наливаться. Сербы пугают шаловливых девочек и мальчиков гвоздензубою - бабою с железными зубами. Теже самые поверья и эпитеты немцы соединяют с Бертою - Гольдою. Светлая богиня рая, кроткая владычица эльфов (блаженных душ), она, в силу присвоенных ей обязанностей неумолимой Смерти, получает демонический характер и преобразуется в дикую или железную Берту (wilde Bertha, Eisenbertha), отличительными признаками которой считаются: страшное лицо, всклоченные волоса, длинный нос, веник в руках и коровья шкура, наброшенная вместо верхней одежды. Ельда (Hulda, Huldra) представляется то молодою красавицей, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, с большими зубами [143 - По свидетельству некоторых саг, она прекрасна спереди и безобразна сзади.].

У кого вихрятся волоса, о том принято выражаться: «Er ist mit der Holle gefahren!» Стращая капризных детей, говорят: «Schweig! die eiseme Bertha (или: Perchr mit der eisemen nas) kommt». В Альтмарке и Бранденбурге плачущего ребенка заставляют умолкать следующими словами: «Halls maul! sonst kommt roggenmohme (komweib) [144 - Möhme = muhme, mutter.] mit schwarzen langen (или: mit eisemen) zitzen und schleppt dich hinweg!» Эта roggenmohme представляется женщиной огромного роста; ее считают матерью блуждающих по нивам волчьих оборотней (roggenwolfen).

Чтобы дети не трогали снопов, их пугают вовкулаком: «Der verwolf sitzt im kom!»; «der wolf ist im kome; wenn er euch frisst, mussen eure seelen von baum zu baum fl iegen, bis das kom eingefahren ist». Kommutter имеет огненные пальцы и с горячими железными сосками груди, которые заставляет сосать заблудившихся детей; груди ее так длинны, что она может закидывать их за плечи. Когда ветер волнует ниву - это она гоняется за малютками и пойманных толчет в железной маслобойне или, подобно Берте, отнимает у них зрение.

Во время жатвы немцы, славяне и литовцы последний связанный сноп посвящают «житной бабе»; его наряжают в женское платье, украшают цветами и зеленью и торжественно, с песнями, несут в деревню; сноп этот называют бабою, kompuppe, grosze mutter, die alte. Таким образом, народные поверья сближают Бабу-ягу с царицею эльфов; истребляя род людской, она забирает к себе прекрасных малюток, то есть эльфоподобные души, и вместе с ними скрывается в колосистых нивах; сравни с вышеприведенными сказаниями о мавках, русалках и полудницах.

Острые железные зубы Бабы-яги (первоначально - метафора разящих молний) отождествляют ее с поедучею Смертию; длинные железные груди, которыми она удушает детей, указывают на ее сродство с дивоженами; у последних груди так велики, что они употребляют их вместо вальков. Эти груди - дождевые облака, а смертельные удары, наносимые ими, знаменуют гром. Замечательно, что Бабе-яге приписывается обладание волшебным прутом, которым стоит только махнуть, как тотчас же все живое превращается в камень; это - тот молниеносный жезл, прикосновением которого Гермес (проводник усопших в загробное царство) погружал людей в непробудный, вечный сон.

Длинный сопливый нос Бабы-яги - черта, не лишенная значения и столь же древняя, как и спутанные, растрепанные ее косы. Напомним, что, по свидетельству сказок, прекрасный герой (бог светлого неба) на пять зимних месяцев делается неопрятным замарашкою (Неумойкою): во все это время он не чешется, не стрижется, не моется и не сморкается, то есть покрывается облаками и туманами, которые исстари уподоблялись косматым волосам, и не проливает дождей. Г. Потебня слово «сопля» производит от глагола «сыпать», который в малорусском наречии употребляется в смысле лить; старослав. сачити, с кнжти, пол saczyc - испускать жидкость («источник иссяк») и малоросс, сякать, высякаться - сморкать, высморкаться. По другому преданию, сказочный герой превращается в сопливого козла; но вот наступает пора освобождения, и он берется за гусли и начинает (грозовую) песню; наносимые ему удары (удары грома) прекращают силу чародейного заклятия, козлиная шкура спадает и предается сожжению.

Белорусы рассказывают, что во время жатвы ходит по нивам Белун, заставляет встречных утирать себе нос и за эту услугу рассыпает перед ними деньги, то есть золото солнечных лучей. Тождество Бабы-яги с Бертою и Гольдою подтверждается еще тем, что все они равно представляются пряхами. По указанию народных преданий, Баба-яга прядет кудель, ткет холсты и гоняется за своими жертвами с железным гребнем в руках; сербская гвоздензуба носит в горшке горячие уголья и, встречая нерадивых прях, жжет им пальцы. Из понятия смерти возникла мысль о могучей судьбе, представительницами которой явились три мойры, норны или моровые девы. Согласно с этим, сказки нередко упоминают о трех вещих сестрах - Бабах-ягах, изображая их хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: они предвещают страннику, что ожидает его впереди, помогают ему мудрыми советами, дают ему богатырского коня, клубок, указывающий дорогу в неведомые страны, ковер-самолет и другие диковинки. Из святочных игр можно заключить, что Баба-яга- мастерица загадывать загадки и разрешать их таинственный смысл.

Процессы о колдунах и ведьмах

В предыдущей главе указано нами, что обвинения волхвов и жен-чародеек в сношениях с нечистыми духами, в похищении дождей и земного плодородия, в наслании болезней, голода и моровой язвы возникли из древнейших основ языческого миросозерцания. Подобные обвинения всякий раз, как только страну постигало общественное бедствие, возбуждали против них народную месть и вызывали суровые казни сожжения, потопления и зарывания в землю. Впоследствии, когда водворилось христианство, высшие духовные власти редко и небезусловно возвышали свой голос против несправедливости и жестокости таких казней. Мы знаем только протест епископа Серапиона (XIII в.), который, впрочем, не отвергает возможности колдовства, а осуждает произвол народной мести и требует для обвиняемых правильного суда.

По необходимому закону всякого исторического развития новая религия должна была стать во враждебные отношения к старым народным верованиям и главным образом противодействие свое направить на лиц, которые были представителями и хранителями языческого культа: умели гадать, предвещать, целить недуги, обладали тайной молитвенных заклинаний и священных обрядов. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены вещие.

Христианская иерархия не могла относиться к ним индифферентно; по ее выражению, это были «бесовские сосуды», пособники Сатаны, через посредство которых он рассевает в народе злое семя неверия. С своей стороны волхвы и кудесники также не могли оставаться равнодушными при виде тех успехов, какие делала религия, чуждая их интересам, недоступная их пониманию, направленная против «старожизненных» богов и праотеческих заветов.

При самом введении христианства святым Владимиром дело не обошлось без борьбы. Иоакимовская летопись сохранила нам свидетельство о восстании новгородцев, которые, не желая изменять веру и отказываясь креститься, взялись за оружие; по словам этой летописи, «Богомил, высший над жрецы словян, вельми претя люду покоритися». Феодор и Илларион, первые епископы Ростова, принуждены были бежать от озлобления тамошних язычников, а святой Леонтий пострадал от них смертию; в послании Симона о нем сказано: «… первый ростовский Леонтий священномученник, его же неверии, мтного мучивше, убиша; и се третий гражданин небесный бысть руськаго мира с онема варягома (убитыми при великом князе Владимире), венчався от Христа». Событие это исследователи относят ко времени около 1070 года. Такая же мученическая кончина постигла и преподобного Кукшу, который в половине XII века проповедовал вятичам: все сведают (писал про него Симон), «како вятичи крести. и по многых муках усечен бысть с своим учеником Никоном».

По сведениям, занесенным в «Повесть временных лет», в XI столетии волхвы громко, всенародно хулили христианство и, пользуясь своим влиянием на массу населения, старались возбуждать ее к открытому сопротивлению. Так, в 1071 году в Киеве явился волхв, который предсказывал, что через пять лет Днепр потечет назад, земля греческая станет на месте русской, а русская на месте греческой; тогда же переставятся и прочие земли. В народе нашлись невегласи, которые охотно слушали волхва и верили его предсказаниям; но «верные» посмеялись ему, говоря: «Бес тобою играет на пагубу тобе», - и действительно, волхв пропал в одну ночь без вести. Переяславский летописец дополняет, что, по словам волхва, ему предстали пять богов и велели поведать людям о будущих изменениях стран и что сам он погиб, вринутый в ров («и вринуша его беси в ров»). Также и волхв, явившийся в Ростове в 1091 году, погиб вскоре. Можно догадываться, что волхвы гибли не без участия ревностных приверженцев христианской стороны. На это имеется и несколько положительных указаний.

Посланный наБелоозеро для сбора княжеской дани Ян, вместе с священником и двенадцатью вооруженными отроками, выходил на волхвов, которых не хотели выдать ему местные жители. Волхвов было двое, но у них были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, один из них уже замахнулся на него топором, но, по старинному выражению, огрешился, не попал; тогда Ян, оборотя топор, ударил своего противника

тульем, а остальных приказал рубить отрокам. Мятежная толпа не устояла и побежала в лес. В этой схватке убит и священник. Наконец настояния и угрозы Яна заставили белозерцев схватить и выдать ему волхвов. Начался допрос. Волхвы требовали поставить их перед князем Святославом. «Сам ты ничего не можешь нам сделать, - говорили они Яну, - так поведают наши боги!» «Лгут ваши боги!» - возразил Ян и велел их бить и рвать за бороды; потом связал их, посадил в ладью и вместе с ними поплыл но Шексне. Остановясь на устье этой реки, он спросил: «Что вам поведают боги?» «Боги поведают, -отвечали волхвы, - что не быть нам в живых». - «Правду говорят!» - «Но если отпустишь нас - много будет тебе добра; а погубишь - многую печаль и зло примешь». Ян не поверил предсказанию; оба волхва были убиты и повешены на дуб; трупы их достались в пишу лесным зверям. Более значительное восстание волхвов было в Новгороде при князе Глебе, о чем летопись повествует так: «.встал волхв. творяся акы Бог, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все ведаю, и хуля веру хрестьянскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхову пред всеми. И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру и хотяху погубити епископа; епископ же взем крест и облекся в ризы, ста рек: иже хощеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть. Иразделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва, и бысть мятежь велик межи ими». Тогда князь, скрывши под верхнею одеждою топор, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что будет утром и что будет к вечеру?» «Все знаю!»- отвечал волхв. «Знаешь ли, что теперь должно совершиться?» - «Я сотворю великие чудеса!» При этих словах князь выхватил топор и ударил волхва с такою силою, что он тотчас же пал мертвый; смерть его поразила народное воображение, толпа разуверилась в его пророческом призвании и тихо разошлась по домам.

Хотя народ и принял христианство, но уставы и предания предков не вдруг утратили для него свою обаятельную силу; тайно еще продолжали жить старые верования и соблюдаться старые обряды. «Невегласи» (а такими следует признать целые массы населения) еще долгое время совершали мольбы и требы языческим богам и во всех сомнительных и тревожных случаях прибегали к помощи колдунов и чародеев.

Заветы древней религии и культа сохранялись в семьях, передавались по наследству от отцов к детям и потому легко укрывались от постороннего вмешательства и преследований. Сверх того, при всеобщей грубости нравов и отсутствии образовательных начал предки наши инев состоянии были возвыситься до восприятия христианства во всей его чистоте; мысль их, опутанная сетью мифических представлений, на всякое новое приобретение налагала свои обманчивые краски и во всяком новом образе силилась угадывать уже знакомые ей черты. Результатом этого было странное, исполненное противоречий смешение естественной религии с откровенною: предания и мифы о древних богах переносятся на Спасителя, Богородицу и святых угодников; суеверные обряды и чары обставляются предметами, освященными в церкви, каковы: ладон, пепел кадила, святая вода, свечи страстная, богоявленская, сретенская и венчальная, верба, сбереженная от недели Ваий, соль четверговая [145 - Пережженная на Чистый четверг.], которую, по свидетельству Стоглава, клали под престол, и проч.; заговоры сливаются с христианскими молитвами, и рядом с воззваниями к стихийным силам природы народ призывает ангелов, апостолов и Пречистую Деву; языческие празднества приурочиваются к христианскому календарю; священников заставляют кататься по нивам - на плодородие почвы, выдергивать хлебные заломы, принимать не установленные церковными правилами приношения. Старинные моралисты называли наших предков людьми двоеверными, и нельзя не признаться, что эпитет этот верно и метко обозначал самую существенную сторону их нравственного характера.

Духовенство в высших своих представителях сознавало вред и незаконность такого положения дел и в поучениях своих постоянно возвышало голос как против басен и обрядов, наследованных от языческой старины, так и против народного доверия к волхвам, ведунам и ведуньям. Кирилл Туровский восстает на скоморошество, игры, волхвование, потворы и запрещает искать и посещать волхвов.

В правилах митрополита Иоанна (XII в.) предписывается: кто будет творить

волхвование и чары, тому не давать святого причастия. В Кормчей книге, по списку 1282 года, велено всех, «иже вследоуе(ю) ть поганым обычае(я)м и к волхвом или обавником ходять или в дом свой призывають, хотя те увидети от них некая неизреченная», отлучать на шесть леть от церкви. Подобные же запреты встречаем в грамотах игумена Памфила (1505 г.), митрополитов Фотия и Даниила, в Домострое, Стоглаве и других памятниках, направленных против народного суеверия.

В поучении священнослужителям 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношений от волхва, потворника, игреца (скомороха); а в дополнительном указе (1552 г.) к Судебнику повелено было кликать по торгам, чтобы к волхвам, чародеям и звездочетцам не ходили, под опасением опалы и духовного запрещения. В патриаршей грамоте на основание Львовского братства 1586 года читаем: «.а если бы в котором месте или селе будеть чаровница или ворожка- сосуды диавольские, или волшебница. да истребится от церкве, и тех, которые диаволом прельстившися до чаровниц и до ворожок ходять, отлучайтеся».

В одном из рукописных сборников XVI века мы нашли следующее правило: «.грех есть стрячи (встречи) веровавши - опитемьи 6 недель, поклонов по 100 на день; грех есть в чох верова(ти) или в полаз - опитемьи 15 дней, по 100 поклонов на день. грех есть к волхвам ходити, вопрошать или в дом приводите, или чары деявше - опитемьи 40 дней, поклонов по 100 на день; грех есть пивши зелие молока деля или детей деля - опитемьи 3 недели, поклонов по 60, грех есть деявше чары каковы-либо в питьи - опитемьи 5 лет, поклонов по 100 надень; грех есть носивше наузы какие-либо - опитемьи 40 дней, поклонов по 60 на день» и т. д.

К волхвам и чаровницам чаще всего обращались с просьбами об исцелении недугов. Духовенство старалось искоренить этот обычай: оно убеждало, что чародеи служат Сатане и врачуют его силою, а потому если и спасают тело, то губят душу. Из вопросов Кирика и ответов Нифонта узнаем, что всякий, кто приходил к волхвам лечиться или приносил к ним детей для навязки предохранительных науз, подлежал эпитемье. В «Слове о злых дусех», приписанном святому Кириллу, высказаны сильные упреки тем, которые в случае болезни обращались к женам-чародейкам: «.о горе нам прелыценым бесом и скверными бабами, идем во дно адово с проклятыми бабами!»

Проповедник советует недужным приглашать попов, «да творять молитвы врачебныя, Бога призывающе». Митрополит Фотий в послании своем новгородцам (1410 г.) предписывает священникам: «.. також учите их (паству), чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова; занеже с того гнев Божий приходит, и где таковыя бабы находятся - учите их, чтобы престали и каялись бы, а не имут слушати - не благословляйте их; христианом заказывайте, чтобы их не дрьжали между себе нигде, гонили бы их от себе, а сами бы от них бегали, аки от нечистоты; а кто не имать слушати вас, и вы тех от церкви отлучайте». Те же требования заявляют царская грамота 1649 года, различные назидательные статьи и Домострой. Из последнего памятника видно, что бабы-колдуньи ходили по боярским домам, лечили недуги, гадали, переносили вести и особенно охотно были принимаемы на женской половине.

Следующее свидетельство, занесенное в притчу о женской злобе, несмотря на общий тон этого сочинения, явно враждебный женщине, кажется, указывает на действительные бытовые черты: «.издетска начнет она у проклятых баб обавничества навыкать и еретичества искать, и вопрошати будет многих, како б ей замуж выйтить и как бы ей мужа обавити на первом ложе и в первой бане; и взыщет обавников и обавниц, и волшебств сатанинских, и над ествою будет шепты ухищряти и пол позе подсыпати, и в возглавие и в постелю вшивати, и в порты резаючи, и над челом втыкаючи, и всякие прилунившиеся к тому промышляти, и корением и травами примешати, и всем над мужем чарует».

Когда приключится болезнь, Домострой советует возлагать надежду на Бога, а с волхвами и теми, кто промышляет зельем, отнюдь не знаться и на двор их к себе не приводить. Троицко-Сергиевский монастырь в приговорной грамоте 1555 года запрещал в своих волостях держать скоморохов, волхвов и баб-ворожеек; за нарушение этого указа назначалась пеня в десять рублей с каждой сотни, а скомороха, волхва или бабу-

ворожейку, «бив да ограбив, выбити из волости вон».

Другою заботою духовенства было уничтожение народных игрищ; вместе с музыкой, песнями, плясками и ряженьем в мохнатые шкуры и личины игрища эти вызывали строгие запретительные меры, как дело нечестивое, бесовское, принадлежавшее некогда к религиозным обрядам язычества. Согласно царской окружной грамоте 1648 года, «многие люди, забыв Бога и православную хрестьянскую веру, тем прелестником - скоморохом последуют, на бесчинное их прел(ь)щение сходятся по вечерам на позорища, и на улицах и на полях богомерзких их и скверных песней и всяких бесовских игр слушают, дав городах жеив уездах от прелестников и от малоумных людей делается бесовское сонмище, сходятся многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи чародействуют. и чинят бесчинное скакание и плясание», поют песни, играют во всякие бесовские игры и накладывают на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это под страхом наказания батогами и ссылкою, грамота предписывает: скоморохов никуда не принимать, «а буде где объявятся домры, сурны, волынки, гудки, гусли и хари - таковые немедленно отбирать, ломать и огнем жечь».

С особенною ревностью были преследуемы так называемые отреченные, или отметные, книги, принесенные к нам вместе с грамотностию из Византии и отчасти с Запада; к ним причислялись и те листы и тетрадки, в которых записывались народные заговоры, приметы и суеверные наставления. Следуя церковному индексу, запретными книгами признавались следующие:

a) Остролог (другие названия: Мартолой, Остроиомия, Звездочетец и Зодий). В статье о ложных книгах сказано: «Звездочетец- 12 звезд»; другой Звездочетец, ему же имя Шестодневец: «.в них же безумнии людие верующе волхвуют, ищуще дний рожения своего, санов получения и урока житию». Это - сборник астрологических замечаний о вступлении солнца в различные знаки зодиака, о влиянии планет на счастие новорожденных младенцев (то же, что Рожденник, Родословие), а также на судьбы целых народов и общественное благоденствие; отсюда почерпались предсказания о грядущих событиях, будет ли мир или война, урожай или голод, повсеместное здравие или моровая язва.

b) Рафли (греч. ραμπλιου) - астрологическая книга, разделенная на двенадцать схем (σχήματα), в которой трактуется о влиянии звезд на ход человеческой жизни. Стоглав замечает, что тяжущиеся, как скоро доходило до судебного поединка, призывали на помощь волхвов - «и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют, и в Аристотелевы Врата и в Рафли смотрят, и по планетам глядают и смотрят дней и часов . ина те чарования надеяся, поклепца и ябедник не мирятся и крест целуют и на поли бьютца, и поклепав побивают». Вследствие этого современный Стоглаву указ требует, под опасением опалы и духовного запрещения, чтобы к чародеям и звездочетцам не ходили и у поля бы чародеи не были. Одна из грамот 1628 года называет Рафли «гадальными тетрадями». Кроме того, о Рафлях упоминает еще Домострой; но в статье о ложных книгах, тщательно перечислившей запретные тетрадки, этого имени не встречаем - вероятно, потому, что в сущности оно обозначало то же самое, что Остролог, или Зодий [146 - Словом raffia на Западе обозначалось метание жребия, азартная игра в кости. Поэтому г. Пыпин приписывает Рафлям западное происхождение и думает, что гадательными тетрадями названы они в смысле известной книжки Соломона, которая и поныне с успехом расходится в народе чрез посредство дешевых (лубочных) изданий. В этой книжке изображен круг с цифрами и напечатаны разные краткие изречения, долженствующие служить ответами на вопросы гадающих; на какой цифре остановится брошенный шарик или зерно (зернь), та цифра и указывает гадающему номер ответа.].

c) Аристотелевы Врата- перевод средневекового сочинения «Secreta secrelornm», составление которого приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверх нравственных наставлений, содержит сведения по астрологии, медицине и физиогномике; она состоит из нескольких отделов, называемых вратами.

d) Громник, или Громовник, = греч. (ЗрошоХбуш: в рукописи Императорской Венской библиотеки означен «творением премудрого Ираклия, царя Перского». Книга эта известна по спискам XV-XVI столетий сербского письма и заключает в себе различные,

расположенные по месяцам предзнаменования (о состоянии погоды, о будущих урожая, болезнях, ратях и проч.), соединяемые с громом и землетрясением; к этому присоединяются иногда и заметки «о состоянии луны право или полого», с указанием на значение таких признаков в разные времена года [147 - В числе отмеченных книг упоминаются также: «месяц окружится» и «стенем (лунным и солнечным затмениям) знамянье».].

e) Молник (Молнияник), сохранившийся в сербской рукописи XV столетия: здесь собраны сведения, в какие дни месяцев что предвещает удар молнии.

f) Коле(я)дник = χαλαυδολόγια содержит в себе приметы, определяемые по дням, на какие приходится Рождество Христово (праздник Коляды); например: «аще будет Рождество Христово в среду - зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеници помалу, вина много, женам мор, старым пагуба» (по списку XV столетия).

g) Записка о днях и часах добрых и злых.

h) Мысленник- вероятно, то же самое, что Разумник, содержащий апокрифические сказания о создании мира и человека.

i) Волховник - сборник суеверных примет, «еже есть се: храм трещит, ухозвон, вороногpай, куроклик, окомиг, огнь бучит, пес выет» и проч. Некоторые статьи Волховника переписывались отдельно и занесены в индекс под своими частными названиями, каковы: Вороногpай (приметы и гадания по крику воронов), Куроглашенник (по крику петухов), Птичник, или Птичьи чарове (по крику и полету птиц вообще) и Трепетник - истолкователь примет, основанных на трепете различных частей человеческого тела: «.аще верх главы (челюсть, бровь, око и т. д.) потрепещет, лицо или уши горят, во ухо десное и левое пошумит (или позвонит), длань посвербит, подошвы отерпнут.» Подлинник Трепетника найден в одной из греческих рукописей Венской библиотеки,

к) Сносудец (Сновидец, Сонник).

1) Путник- «книга, в ней же есть написано о стречах» добрых или злых.

m) Зелейник - описание волшебных и целебных трав (зелий), с указанием на заговоры и другие суеверные средства, употребительные в народной медицине; подобные тетрадки и доныне обращаются между простолюдинами под названием травников, цветников и лечебников.

n) Чаровник, состоящий из 12 глав, «в них же суть двое-надесять опрометных лиц звериных и птичьих», то есть сказания о блуждающих оборотнях.

o) Метание (Метаньеимец, или Розгомечец) - книга гаданий посредством жребия.

У г. Пыпина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлого века, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желающие допросить Судьбу метали жребий, то есть прутики (розги) с нарезанными на них чертами; вместо этих прутиков могли употребляться и помеченные точками игральные кости; по числу выпавших нарезок или точек определялся номер того изречения гадательной книги, которое должно было служить ответом на задуманный вопрос.

Такие изречения в «Давидовой книге» скрепляются ссылкою на псалмы и другие отделы Священного Писания; например: «.что во уме держишь и жедаешь, возрадуешися и сердце весело будет; о том царь Давид рече: изми мя. Господи, от человека лукава, и от мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болезни, и та болезнь минется; аще о дому, в доме твоем здраво, и путь тебе доброй, и пропажа твоя сыщется». При некоторых ответах добавлено: «эта меть добрая» или «берегися - меть злая!».

Наконец, p) альманахи. Максим Грек, который не раз протестовал против заблуждений современников, в одном обличительном слове коснулся и альманахов, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаниями. К нам они занесены с Запада.

Таким образом, календарные прогностики, напечатанные в 1710-м и последующих годах, уже имели своих предшественников в рукописных сборниках допетровского времени. Отреченные книги ясно свидетельствуют, что научные познания о природе были смешиваемы с языческими верованиями и волшебством [148 - Олеарий говорит, что русские признавали астрономию и астрологию за науки волшебные, что умение

вычислять и предсказывать солнечные и лунные затмения казалось для них сверхъестественным даром. Когда в Москве сделалось известным, что царь желает принять Олеария на службу в звании придворного астронома, то в народе пошла молва, что в скором времени должен явиться волшебник. Эта молва и была причиною, почему ученый иноземец отказался от сделанного ему царем предложения. В начале XVIII в. известный Брюс, составитель календаря, дополненного астрологическими предсказаниями, считался в народе колдуном и чернокнижником. По рассказам простолюдинов, волшебники обладают черною книгою ис ее помощью вызывают чертей, узнают тайное и творят злые чары. Кто случайно найдет такую книгу и станет читать ее, к тому немедленно явятся черти и потребуют от него работы.]. Духовная власть установляет бегать этих книг, аки Содома и Гоморры, и если они попадутся в руки, то немедленно истреблять их огнем: «.. аще кто заповедь Божию преступит, а имет еретическия писания у себя держати, еже есть враг Божий, и волхованию их веровати имет кто, с теми со всеми еретики да будет проклят. Аще который отец духовный, ведая у себе такового в сынех, а ведая то, имет ему в том потаковы (потачку) деяти, и приемля его на частое покаяние без опитемий и без отлучения церковнаго, или имет (и) сам то же творити, да извержется сана своего по правилом св. отец, и с прежереченьими еретики с теми со всеми да будет проклят, и написанная та на теле его да сожгутся».

Осуждения, высказанные статьею о ложных книгах и другими памятниками (Стоглавом, Домостроем), были для своего времени как бы официальной цензурой. Предостерегая паству от чтения запретных сочинений, духовенство называло их «болгарскими баснями»: знак, что сочинения эти явились к ним чрез посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала их из Византии; уцелевшие доныне списки особенностями языка и правописания прямо обнаруживают свое болгарско-сербское происхождение. Большая часть отреченных книг проникла в Россию именно этим путем, и только некоторые должно считать занесенными с Запада [149 - Кроме альманахов и книги «Аристотелевы Врата», можно указать еще на «Луцидариус», напечатанный в 1-й кн. Летописей г. Тихонравова, и отчасти на «планидники».]. Несмотря на то, народ принимал их с постоянно возбужденным любопытством и доверием, потому что основы сообщаемых ими сведений были те же самые, на каких держались и национальные, наследованные от предков поверья. Книги эти были в уровень с умственным развитием общества; они не противоречили его заветным убеждениям и обращали его к тем же вопросам, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христианские пастыри не ограничились только поучениями и запретами; они требовали преданий, обличаемых строгому суду и казням. Тотчас после крещения Русской земли дела о волшебстве уже подлежали рассмотрению духовной власти. В Церковном уставе святого Владимира к ведомству духовного суда отнесены «ветьство, зелейничество, нотворы, чародеяния, волхования». Обычною карою за эти преступления было сожжение; как сожигались музыкальные инструменты и волшебные книги, так подобную же участь испытывали и колдуны, и ведьмы.

В 1227 году, по сказанию летописца, в Новгороде «изжгоша волхвов четыре, творяхуть я потворы деюща, а Бог весть, и сожгоша на Ярославле дворе». По свидетельству Никоновской летописи, волхвы были приведены сперва на архиепископский двор, а потом уже преданы сожжению на Ярославовом дворе, несмотря на заступничество бояр [150 -ПСРЛ, III, 42; IV, 29; Никон, лет., II, 357: «явишаяся в Новеграде волхвы, ведуны, потворницы, и многая волхования и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многих прельщающее. И собравшееся новгородцы изымаша их, и ведоша их на архиепископов двор. И се мужи княже(и) Ярославли вступившася о них; новгородцы же ведоша Волхов на Ярославль двор, и складше огнь велий на дворе Ярославли, и срезавшее Волхов всех и вринуша во огонь, и ту згореша вси».].

В начале XV столетия (в 1411 г.) псковичи сожгли двенадцать вещих женок; заметим, что около этого времени действовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводом к их обвинению. О князе Иване Андреевиче Можайском сохранилось известие, что он сжег за волшебство мать Григория Мамона. Повесть о волхвовании, написанная для Ивана Г розного, доказывает необходимость строгих наказаний для чародеев и в пример выставляет царя, который вместе с епископом «написати книги

повеле и утверди, и проклят чародеяние, и в весех заповеда таких огнем пожечи».

Котошихин говорит, что в его время мужчин за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижничество и ереси сожигали живых, а женщинам за те же преступления отсекали головы. Из следственных же дел XVII столетия видно, что за ворожбу и чародейство большею частию наказывали ссылкою в дальние места и заключением в монастырь; следовательно, кроме сожжения употреблялись и другие, более легкие наказания. Вероятно, при назначении меры взыскания принимались в расчет как замыслы обвиняемых лиц, так и степень причиненного ими вреда.

В грамоте, данной царем Федором Алексеевичем на учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии, сказано: «.а от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учити и учителей таковых не имети. Аще же таковые учители где обрящутся, и оны со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся». Блюстителю и учителям академии предписывалось иметь тщательное наблюдение, чтобы никто из духовных и мирских людей не держал у себя «волшебных, чародейных, гадательных и всяких от церкви возбраняемых книг и писаний, и по оным не действовал, и иных тому не учил». У кого же объявятся такие богопротивные книги, тот вместе с ними «без всякого милосердия да сожжется». Колдовство поставлялось наряду с богохульством, безбожием и ересями и подлежало тому же возмездию, как и эти последние [151 - Так были преданы сожжению жидовствующие, обвиняемые между прочим и в занятиях астрологией; так в 1689 году сожжен за ересь иноземец Кульман.]. Сожжение чародеев на кострах согласовалось с общим народным убеждением, которое, обвиняя колдунов и ведьм в засухах, неурожаях и повальных болезнях, почитало такую казнь за единственное средство против постигших бедствий.

Выше были указаны любопытные примеры народного самоуправства с этими мнимыми виновниками неурожаев и моровой язвы; очень может быть, что и засвидетельствованное летописцами сожжение волхвов и вещих женок в Новгороде и Пскове было совершено вольницею этих городов. По словам песни, девица-чародейка напекла змей, сварила зелье и приготовила снадобье на гибель родного брата, но брат сметил ее злой умысел.

Снимал он с сестры буйку голову.
И он брал со костра дрова,
Он клал дрова середи двора;
Как сжег ее тело белое,
Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить, плаката.

Тому же наказанию подвергаются колдуны и ведьмы и по свидетельству народных сказок. Христианские пастыри не только скрепили своим авторитетом старинное мнение о связи чародейства с нечистою силою, но и придали этому мнению более решительный характер.

Как на сообщников злых демонов, народ восставал на колдунов и ведьм только в чрезвычайных случаях общественных бедствий; в обыкновенное же время он доверчиво и с уважением относился к их вещим дарованиям и охотно пользовался их помощью. Напротив, христианство на все проявления колдовства смотрело безразлично; на его строгий взгляд, равно были греховны и похитители дождей, напускатели града, вихрей, болезней, и составители целебных снадобий, наузники, ворожеи, гадатели. Отсюда возникли многие столкновения, которые живо рисуют перед нами прошлую жизнь с ее внутренней стороны.

Вера в колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, в допетровское время была общим достоянием всех классов общества. По незначительной степени доступного тогда образования высшие сословные разряды в умственном и нравственном отношении почти не рознились от низших- черта, существенно отличающая древнюю нашу историю от новейшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворце, и в боярских палатах, и в избе крестьянина, на что указывает весь строй домашнего быта и в особенности свадебный обряд; дух суеверия одинаково властвовал над всеми, начиная от поселян и до царя.

В 1467 году скончалась супруга Ивана III Мария [152 - Дочь великого князя Тверского.],

тело усопшей «разошлося» (распухло, отекло), и смерть ее приписана была действию отравного зелья. Подозрение пало на жену Алексея Полуектова Наталью, которую обвиняли в том, будто она посылала пояс великой княгини к какой-то бабе (ворожее); тогда, замечает летописец, «восполеся князь на Алексея и его жену и шесть лет не допускал его на свои пресветлые очи». От брака с Марией князь имел сына, который умер еще при жизни отца и оставил ему внука Димитрия - от Елены, дочери молдавского господаря.

Во время спора, возникшего за наследство престола между внуком Ивана III и сыном его от нового брака с греческою царевною Софией, сторонники Елены оговорили великую княгиню в злых умыслах и в сношениях с бабами-чародейками, «и в то время (1497 г.) опалу положил князь великий на жену свою на великую княгиню Софию о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити -потопити в Москве-реке нощию, а с нею с тех мест нача жити в брежении» [153 - Дочь великого князя Тверского.].

Димитрий был венчан на царство; но торжество его партии было непродолжительно и-как известно- окончилось заключением в темницу этого несчастного царевича. София победила, но за нею осталось название «чародейки греческой»: так обзывает ее Курбский в истории Ивана Грозного.

Великая княгиня Соломония, супруга Василия Ивановича, верная воззрениям своего века, прибегала к чарам и ворожбе, чтобы излечиться от неплодия. Из розыскного дела узнаем, что она разведывала о колдуньях и приказывала приводить их к себе Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, - говорила ему великая княгиня, - на Москве женка, Стефанидою зовут, рязанка, и ты ее добудь и ко мне пришли».

Сабуров исполнил просьбу и с помощию своей жены привел Стефаниду к великой княгине; ворожея смотрела ей брюхо и сказывала, что детей у нее не будет; потом наговаривала в рукомойнике воду и советовала великой княгине тою водою умываться, чтобы любил ее муж, а когда понесут к великому князю сорочку, чехол или порты, и в то время она бы, омочив свои пальцы в рукомойнике, охватывала ими белье. Соломония последовала наставлению и действительно смачивала наговорной водою мужнино белье и платье.

В другой раз она говорила Сабурову: «Сказали мне черницу, что она дети знает (то есть может отвращать неплодие), а сама безноса, и ты ту черницу добудь». Черница была найдена, приведена к Сабурову на подворье, и там наговаривала не то масло, не то мед пресный и «посылала к великой княгине с Настею (женою Сабурова), а велела ей тем тертися от того ж, чтоб ее князь великий любил, да и детей деля» [154 - В старые годы чары на любовь мужей были в большом ходу. Когда князь Курбский женился в Литве на Марье Юрьевне Козинской, довольно пожилой вдове, то она подобными же средствами хотела упрочить расположение своего мужа. При обыске в сундуке ее найден был мешочек с песком, волосами и другими снадобьями, которые, по свидетельству служанки, дала княгине одна старуха - для того, чтобы ее любил князь.] - и великая княгиня тем снадобьем терлась. В заключение своих показаний Сабуров добавил: «А что ми говорити? того мне не испамятовати, сколько ко мне о тех делах женок и мужиков прихаживало!»

Но все было напрасно: чары не помогали, Соломония не рождала детей, а без них исчезала и любовь великого князя, который страстно желал иметь наследника, и однажды, по словам летописца, увидя на дереве птичье гнездо, зарыдал и в этих поэтических выражениях жаловался на свою судьбу: «Люте мне! кому уподоблюся аз? не уподобихся ни птицам небесным, яко птицы небеснии плодовиты суть, ни зверем земным, яко звери земнии плодовити же суть; не уподобихся аз никому же - ни водам, яко воды сия плодовити суть, волны бо их утешающе и рыбы их глумящеся! ни земли сей, яко и земля приносит плоды своя на всяко время!» Бояре отвечали ему: «Государь! неплодную смоковницу посекают и измещут из вертограда». И великий князь, после двадцати лет супружества с Соломонией, повелел постричь ее в монахини; несчастную княгиню вывели из дворца, насильно постригли и заключили в женской обители в Суздале.

Князь Курбский обвиняет и самого Василия в такой же заботливости помочь себе

чарами: женившись снова на молодой жене, «сам стар будучи, он искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему к плодотворению. О чаровниках оных так печашеся, посылающе по них тамо и овамо, аж до Корелы, и отгулу провожаху их к нему советников сатанинских, и за помощию их от прескверных семей, по произволению презлому, а не по естеству от Бога вложенному, уродишеся ему два сына: един таковый прелютый и кровопийца. а другий был без ума и без памяти и бессловесен. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христианские родове! яже дерзают непреподобне приводите себе на помощь и к деткам своим мужей презлых чаровников и баб, смывателей и шептуней, и иными различными чарами чарующих, общующе со диаволом и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь от того имеете!»

В 1547 году Москву постигла страшная кара: великий пожар испепелил все здания, ни огороды, ни сады не уцелели, около 2000 народу сделалось добычею пламени; народная молва приписала это бедствие чародейству и обвинила в нем Глинских, родственников молодого царя по матери; были они, говорит летописец, у государя в приближении и жаловании, допускали грабеж и насильство и чрез то возбудили против себя общую ненависть черных людей. Царский духовник благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский да Иван Федоров довели о том до сведения государя, и он приказал разыскать боярам. Бояре приехали в Кремль на площадь, к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать: кто зажигал Москву?

Толпа закричала: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и с людьми волховала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду да тою водою, ездячи по Москве, кропила - и оттого Москва выгорела!» На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя государя, но, слыша такое ужасное обвинение, поспешил укрыться в Успенском соборе. Озлобленная чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни; побили и многих людей его, а имущество разграбили.

На третий день после этого толпа приходила к царю в село Воробьеве и требовала выдачи Анны Глинской и князя Михаила Глинского, и только строгие меры, принятые Иваном IV, заставили ее разбежаться. Как в смерти Марии Тверской подозревали участие волшебства, так к тому же обычному обвинению прибегли и противники Адашева и Сильвестра при кончине царицы Анастасии (1560 г.); по свидетельству Курбского, они говорили, «аки бы чаровали ее оные мужи» [155 - Испрашивая церковного разрешения на четвертый брак, Иван IV говорил, что первая жена его изведена «вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами».], и советовали царю не допускать их перед свое лицо: «... аще припустишь их к себе на очи, очаруют тебя и детей твоих, обвяжут тя паки и покорят аки в неволю себе»; и до сих пор держали тебя, великого государя, словно в оковах, «а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрети, хотяще сами царствовати и над всем владети».

Внушения эти должны были производить сильное влияние на восприимчивую и подозрительную душу Ивана Грозного, который относительно веры в колдовство стоял не выше своих современников. Так, знаменитый воевода князь Михаил Воротынский, обвиненный в тайных сношениях с ведьмами, был предан им жесточайшим пыткам. Связанного князя привели и поставили перед царем, который сказал ему: «Се на тя свидетельствует слуга твой, иже мя еси хотел счаровати и добывал еси на меня баб шепчущих». Воротынский отвечал: «Не научихся, о царю! и не навыкох от прародителей своих чаровать и в бесовство верити, но Бога единаго хвалити, Асей клеветник мой есть раб и утече от меня, окравши мя: не подобает ти сему верити и ни свидетельства от такового примати, яко от злодея и от предателя моего, лжеклевещущаго на мя!»

По царскому повелению Воротынского положили на бревно между двух огней и начали медленно поджаривать, причем сам Грозный жезлом своим подгребал к его обнаженному телу горячие уголья. После пытки еле живого князя повезли в ссылку на Белоозеро, но по дороге туда он скончался. Гели верить Горсею, Иван IV в последние годы жизни вполне отдался предрассудкам своего века.

Зимою 1584 года явилась комета; больной царь вышел на Красное крыльцо, долго смотрел на нее и потом, изменившись в лице, сказал окружающим: «Вот знамение моей

смерти!» Встревоженный этой мыслию, он решился прибегнуть к волшебству: по его указу на севере России было собрано до шестидесяти чародеек; привезенные в Москву, они содержались здесь под стражею, и царский любимец Богдан Вельский ежедневно посещал их, выслушивал и передавал царю их предвещания. Колдуньи утверждали, что светила небесные враждебны для государя и что он умрет 18 марта. Царь пришел в бешенство и высказал желание, чтобы в этот самый день лживые колдуньи были преданы сожжению. Утром 18 марта он почувствовал себя лучше и послал Вельского объявить чародейкам, какая ожидает их казнь за ложное предсказание. «Не гневайся, боярин, -отвечали они, - день начался с восходом солнца, а кончится только с его закатом».

Между тем царь собирался играть в шахматы, начал было расставлять шашки, но вдруг упал в обморок и вскоре затем испустил последнее дыхание. Под 1570 годом Псковской летописи находим интересное свидетельство, что Иван Грозный, по возвращении из Ливонского похода, приблизил к себе «немчина лютого волхва, нарицаемого Елисея, и бысть ему любим». Это был медик Бомелий, родом голландец. Он навел на царя «страхование» (боязливое недоверие к своим), «на русских людей царю возложи свирепство, а к немцам на любовь приложи». Это влияние иноземца летописец объясняет так: узнали безбожные немцы посредством гаданий, что быть им от русского государя разоренным до конца, и того ради прислали к нему такого злого еретика, «понеже русские люди прелестни и падки на волхование».

Из крестоцеловальных записей на верность царям Борису Годунову, Василию Шуйскому и Михаилу Федоровичу видно, до какой степени сильна была в ту эпоху вера в возможность и могущество волшебных чар; по всем городам и селениям подданные обязаны были клясться: «.а лиха мне государю, царице и их детям не хотети, не мыслити и не делати никоторою хитростию - ни в естве, ни в питье, ни в платье, ни в ином чем никакого лиха не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не испортите; да и людей своих с ведовством да со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати, а ведунов и ведуней не добывати на государево лихо, и их, государей, на следу всяким ведовским мечтанием не испортите, ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати и следу не выимати». Всякий, кто узнает о подобных злых умыслах другого человека, должен схватить его или сделать на него извет.

О Борисе Годунове, еще правителе при царе Федоре Ивановиче, рассказывается в одной современной повести, что он по разным городам собирал волхвов и кудесников и их «волшебством и прелестию сотвори, яко и сам царь Федор Иванович вельми любляше его». В Морозовскую летопись занесено любопытное известие, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствование его будет недолгое: «...призвав к себе волхвов и волшебниц, и вопроси их: возможно ли вам сие дело усмотрети. буду ли я царем? Врагоугодницы же ему сказаша: истинно тебе возвещаем, что получивши желание свое - будеши на царствии московском; только на нас не прогневайся. недолго твоего царствия будет, только семь лет. Он же рече им с радостию великою и лобызав их: хотя бы седмь дней, только бы имя царское положите и желание свое совершите!»

В старину ни одно важное дело не обходилось без обвинений в чародействе, и вот когда началось следствие об убиении царевича Димитрия, то в числе показаний, отобранных от различных лиц, встречаем и такие: была у Михаила Битяговского юродивая женочка и хаживала к царице Марье [156 - Мать Димитрия.] «для потехи», и как царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту женку отыскать и убить - за то, что она царевича портила; а Михайло Нагой велел убить Битяговского, который с ним почасту бранивался и уличал, будто он добывает на государя и государыню ведунов и хочет их портить. Между этими ведунами назван был Андрюшка Мочалов, которого предписано было сыскать и в оковах (по рукам и ногам) привезти в Москву с великим береженьем; что было потом с Мочаловым - не известно.

Ко времени царя Федора Ивановича относится розыск над ведунами, которые сгубили в Астрахани крымского царевича Мурат-Гирея. В 1591 году, рассказывает летопись, басурмане прислали из Крыму ведунов, и те испортили царевича. Воеводы, видя его болезнь, привели к нему лекаря-арапа. Лекарь отозвался, что «его излечить не можно,

покаместа сыщет ведунов, кои его портили; и взя с собою людей русских и пошел в юрты, и в юртах переимал ведунов, и приведе к нему и муча их. Ведуны ему рекоша: буде де кровь их не замерзла [157 - То есть не сгустилась. У Карамзина (И.Г.Р., X, примеч. 254) вместо этого слова стоит «не умерла».] ин де можно пособить. Тот же арап, многий знатец, повеле им ведунам из себя метати кровь в лохань. Они же из себя выметали всю кровь, кои татарове и татарки перепорчены с царевичем». Лекарь спросил: «Коево чья кровь?» «И они начата сказывати все по ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажут которого татарина или татарку, и он жив станет; царевича же кровь и царицына все замерзли, и они сказали, что им живым не быть». Воеводы дали знать о том в Москву; царь Федор послал в Астрахань Астафья Пушкина и велел ему учинить розыск и «тех ведунов пытать накрепко, по чьему умышлению царевича и царицу и татар испортили. И пытав их, государь велел пережечь».

По приезде в Астрахань Пушкин принялся за пытки, но ничего не мог доискаться. Тогда пришел арап и посоветовал вложить колдунам в зубы конские удила, повесить их за руки и бить не по телу, а по стене против них, «и они все почали сказывати. Воеводы же, пытав их, велели жечь; а жег тот же арап своим мастерством. А как стали их жечь, и тутo слетелися сорок и ворон многое множество. и как их пережгли- и они (птицы) все исчезли. А на пытках те ведуны сказывали, что портили царевича и царицу и татар - пили из них из сонных кровь». Вероятно, смерть татарского царевича, его жен и людей произошла от тайной отравы, но была приписана ведунам, на которых (как мы знаем) нередко падало обвинение в том, что они высасывают человеческую кровь. Летописец передает это событие по тем слухам, какие ходили о нем в народе, и потому обставил свой рассказ суеверными подробностями, очевидно заимствованными из народных преданий о колдунах и вампирах.

Приведенные на пытку, ведуны «морочили» своих палачей, отводили им глаза и до тех пор оставались нечувствительными к мукам, пока хитрый лекарь не научил ударять по стене. По воцарении Бориса Годунова он подозрительно смотрел на окружающих его бояр, из которых многие вели свой род от Рюрика, а другие были в свойстве с вымершим царским домом. Опасаясь крамол, он охотно выслушивал доносчиков, награждал их поместьями и деньгами и тем самым поощрял боярских холопей к шпионству и ложным изветам на своих господ.

Наиболее легкий способ обнести кого бы то ни было в государственной измене и заставить верить своему доносу - было обвинение в чарах против государева здоровья. Таков извет сделан был на Романовых. Летописец рассказывает об этом так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил ему: «.что ми царь повелит сделать над государи моими, то и сотворю!» Дворецкий обрадовался и возвестил царю Борису; а «Борис велел ему сказать многое свое жалованье. Семен же умысли со вторым и наклаша всякого коренья в мешки, и повелел ему положите в казну Александра Никитича. Той же Второй, сотворя тако, прииде доводить на государя своего». Последовал обыск, коренье было вынуто, привели Романовых Федора Никитича с братьями, отдали их под стражу, пытали и потом сослали в отдаленные места [158 - Федор Никитич был пострижен и сослан в Антониев Сийский монастырь, а Александр Никитич - в Усолье-Луду к Белому морю. Есть еще известие, что Михайло Молчанов «за воровство (в древнем значении этого слова) и чернокни-жество был на пытке кнутом бит». - Карамзин. И. Г. Р., XII, примеч. 49.].

О Василии Шуйском в хронографе Кубасова сказано, что он «к волхвованию прилежаше»; а по свидетельству Петрея, он, желая поддержать себя на престоле, собирал отовсюду колдунов и колдуний и для их ведовских дел приказывал вынимать из живых коней сердца и вырезывать плод из беременных женщин: когда колдуны чаровали и творили заклятия, царские войска одерживали верх над неприятелем, а когда чары прекращались - в то время одолевали поляки.

При царе Михаиле Федоровиче, в 1632 году, была отправлена во Псков грамота с запрещением, под смертною казнию, покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целию навести чрез то на Русь моровое поветрие

[159 -Патриарх Константинопольский извещал однажды Михаила, чтобы он остерегал свое здоровье от грамот турецкого царя и его подарков, потому что султан имеет на него досаду за мир с Польшею: так не было бы какого «насылочного дурна». - Истор. Рос. Соловьева, IX, 449.].

В то же царствование 1625 года велено было выслать в Москву из Верхотурья протопопа Якова, вместе с «воровским кореньем», так как во время обыска у него найдены были в коробье трава багрова, три кореня да «комок перхчеват бел», а в допросе он сам показал, что снадобья эти дал ему казак Степанко Козьи Ноги. Подобный же случай известен нам от XIV столетия, когда на берегах Вожи схвачен был поп, пробиравшийся из орды с мешком «злых и лютых зелий»; «истязавше много», отправили его в заточение на Лачь-озеро.

В 1628 году, по доносу архимандрита нижегородского Печерского монастыря и по указу патриаршему, был розыск над дьячком Семейкою, который держал у себя «недобрые ересные» тетради да приговору несколько строк. Семейко показал, что тетради он поднял в одной каменной башне, а заговор дал ему стрелец и писан он «к борьбе» (то есть на охрану в бою). По осмотру тетради оказались гадательные, называемые Рафли, по которым (как известно) ворожили во время судебных поединков («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячок сослан в монастырь, где велено было сковать его по ногам в железа и приставить к черным работам, а причастия не давать ему впредь до патриаршего разрешения, исключая только смертного часу.

В 1660 году подана была челобитная на другого дьячка, Ивана Харитонова, в том, что он травы рвет и коренья копает по лугам, и свадьбы отпущает, и жены с младенцами к нему часто приходят. При челобитной приложены в улику два заговора, писанные Харитоновым: один на заживление ран, а другой на умиление «сердца сердитых людей».

Из этих данных следует заключить, что до начала XVIII столетия белое духовенство немного чем превосходило в умственном развитии другие классы общества и разделяло с ними одинаковые предрассудки. Статья о ложных книгах говорит: «Суть же между Божественными писан(ь)ми ложная писания - насеяно от еретик на пакость невежам попом и диаконом: льстивые зборники сельские и худые маноканонцы (номоканонцы) по молитвенником - у сельских, у нерассудных попов, лживые молитвы, врачевал(ь)иые, о трясовицах и о нежитех и о недузех, и грамоты трясавскыя пишут на просфирах и на яблоцех, болезти ради; все убо то невежди деют и держат у себя от отец и прадед, и в том безумии гинут».

В грамоте на основание Львовского братства (1586 г.) сказано: «.а если бы был который поп чаровник или ворожбит книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держал, или в месте, или в селе, или бы сам до ворожек ходил или кого посылал. оповедати его епископу, да приметь суд по правилом св. отец». Здесь, конечно, указаны случаи не только возможные, но и бывалые в жизни. Процессы о вынутых травах, кореньях, заговорных письмах и других волшебных снадобьях составляли в XVII веке весьма обыкновенное явление.

В 1666 году послан был в Кирилло-Белозерский монастырь, на исправление, посадский человек Аничка Громников зато, что учился «заговорным словам» - с целию отомстить недружбу; велено было везти его скованным и бережно, а в монастыре держать под началом до государева указу. В тревожное время восстания Стеньки Разина известны два случая сожжения за чародейство в 1671-1672 годах. Когда Юрий Долгорукий двинулся с войском к Темникову, то жители вышли к нему навстречу с крестами и иконами, молили о прощении и выдали двух попов как главных заводчиков смуты и старицу, которая «войско себе сбирала и с ворами вместе воровала, да с нею же принесли воровские заговорные письма и коренья». Воевода приказал их пытать и огнем жечь, и «вор-старица в расспросе и с пытки сказалась: зовут ее Аленою, родиною-де она города Арзамаса Выездные слободы крестьянская дочь и была замужем тое ж слободы за крестьянином, и как-де муж ее умер - и она постриглась и была во многих местех на воровстве и людей портила; а в нынешнем 1671 году пришел она из Арзамаса в Темников и сбирала с собою на воровство многих людей. и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и его учила ведовству». Попов повесили, а «вора-старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья» сожгли

в срубе. Точно так же в Астрахани был заживо сожжен бунтовщик Кормушка Семенов - за то, что у него найдена тетрадка с заговорами.

В 1674 году в Тотьме сожжена в срубе, при многочисленном стечении народа, женка Федосья, оговоренная в порче; перед самою казнию она заявила, что никого не портила, а поклепала себя при допросе, не стерпя пытки. Судебный розыск сопровождался в эту эпоху страшными истязаниями; жестокость пыток была такова, что, с одной стороны, она действительно вынуждала обвиняемых к оговариванию себя в небывалых преступлениях, а с другой - заставляла их прибегать к помощи чар и заклятий, дабы тело свое сделать нечувствительным к боли.

Так, в 1648 году устюжанин Ивашка, прозвищем Солдат, когда во время розыска вынули у него из-под пяты какой-то камень, повинился, что сидел с ним в тюрьме разбойник Бубен и учил его ведовству - как от пытки оттерпеться: надо-де наговаривать на воск эти слова: «Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы имярек не слыхал жесточи и пытки!».

В разрядной книге 1675 года записаны два кратких известия: одно- о Григории Косагове, на которого духовник его подал извет, будто он держит у себя еретические книги, и по тому извету царь приказал Косагова наслать к патриарху для исследования и очной ставки с обвинителем; другое - о боярине князе Федоре Куракине, которому велено было не съезжать со своего двора до государева указу, - за то, что он держал у себя в доме «ведомую вориху девку Феньку, слепую и ворожею»; самую Феньку вместе с дворовыми людьми Куракина велено было пытать жестокою пыткою комнатным боярам да дьяку тайных дел, и которых людей станет она оговаривать - тем давать с нею очные ставки и пытать их накрепко.

В 1677 году приведен был в съезжую избу бобыль Олонецкого уезда Калинка Ортемьев и вынуты у него из узлов: травы, коренье, табак, кость, жженная с воском, змея и летучие мыши; а в расспросе и с пытки показал, что все эти снадобья дал ему коновал Симон-немчин. Велено было пытать его вторично и допрашивать с великим пристрастием и что он покажет - о том донести государю. Чем кончилось это дело - не известно. Другой подобный же процесс, вызванный волшебными «узлами» (наузами), был в 1680 году. Иноземец Зинка Ларионов сделал донос на нескольких крестьян в лихих кореньях и подал в приказную избу поличного «крест медный да корешок невелик, да травки немного -завязано в узлишки у креста». Из числа обвиняемых Игнашка Васильев признал крест своим и на расспросе показывал: корень тот «девесилной, а травка-де ростет в огородах, а как зовут ее - того он не ведает; а держит он тот корешек и травку от лихорадки, а лихих де трав и коренья он не знает и за дурном не ходит».

По осмотру посадского человека Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины - от сердечные скорби держат, а травишко держат от гнетенишные скорби (лихорадки), а лихаго-де в том ничего нет». Другой подсудимый объявил, что ему положили в зеп травы в то время, как он был на кружечном дворе пьяный, в беспамятстве. Крестьян, оговоренных иноземцем Зинкою, пытали, а потом били батогами, чтоб вперед неповадно было напиваться до беспамятства и носить при себе коренья [160 -Замечательно, что рядом с этими преследованиями за держание при себе трав и корений сам благочестивый царь Алексей Михайлович приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в купальскую ночь для сбора сереборинного цвету, интериновой и мятной трав и дягильного корня, а сибирским воеводам предписывал разведывать про лекарственные травы и присылать их в Москву Такое противоречие легко уживалось, потому что зелья бывают разные: и лихие, и добрые, а недостаток научных сведений и дух взаимного недоверия заставляли всякой раз, когда находили у кого-нибудь неведомый корень или траву, подозревать злой умысел.].

Обвинения в чародействе нередко возникали из чувства личного недоброжелательства, ненависти и мести; при этом хватались за первое неосторожное слово, сказанное в раздражении, запальчивости, спьяну или ради шутки. От времен царя Алексея Михайловича дошло до нас судное дело между Никитою Арцыбашевым и Иваном Колобовым. Сначала Арцыбашев, в поданной им челобитной, обзывал Колобова кудесником и утверждал, будто видел у него «волшебные заговорные письма», которыми тот испортил его жену и околдовал бояр и воевод; а потом

противники помирились и подали заявление, что желают прекратить это дело, что Никита возбудил его затейкою, исполняя свою недружбу, так как между ними и до-преж сего были многие тяжбы в поместном приказе и взаимные иски о бесчестье.

В 1636 году в ошмянскую городскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: был Юрко у него в доме, пил горелку со своими знакомыми и задумал сделать ему зло - «здоровья позбавити». Как только вошел Гошко в светлицу, то Юрко «с чародейскою приправою» подал ему из своих рук стакан водки, молвя: «Привитайте!» Жид взялся за стакан, но с великого страху руки у него затряслись, и он пролил горелку. Тогда Юрко погрозил ему пальцем и сказал «Это тебе не пройдет даром!», а Г ошко, припомнив, что на него Войтюлевича «от многих людей поголоска идет, же чарами своими шкодит», начал протестовать перед людьми на тот случай, если бы ему, его жене или деткам учинился какой ущерб в здоровье. «Что ж с того? - отвечал Юрко. - На мне не все угонишь!»

На ту пору вошел в светлицу сын хозяина, четырехлетний мальчик; люди же сказывают: «Кгды чаровник при своих делах будет удареный», то его чары будут недействительны, и потому Гошко бросился на Юрка и стал его бить; их тотчас же развели, и Юрко отправился домой. Как нарочно, к вечеру того же дня сын еврея Гошка впал в тяжкую болезнь, которая (как свидетельствует сделанный осмотр) так иссушила его, что только и остались кожа да кости. Виновником этой болезни отец признал Юрка Войтюлевича и подал на него жалобу; как велось это дело и чем оно окончилось, мы не знаем.

В книгу полоцкой ратуши 1643 года занесен процесс по обвинению в чародействе Василия Брыкуна. Обвинителями его были полоцкие мещане.

a) Януш, сын Толстого, жаловался, будто Василий Брыкун, прийдя на Велик день с улицы, делал на стенах нарезки и похвалкою своею чаровницкою молвил жене Якова Толстого: «Конечне сгинешь! не того зацепила!» Так и случилось: «... мусела она на тот свет идти, нарекаючи на Брыкуна».

b) Яско Павлововович доносил поссорился он с Брыкуном, и тот молвил ему в очи: «Ты, Яско, сгинешь с маетностью своею, также и дом твой; будешь волочиться - где день, где ночь!» И что же? - слова эти сбылись в течение одного года.

c) Иван Бык подал заявление, что Брыкун похвалялся перед ним, его женою и детьми: «Будете один от другого, увадзевшись з' собою, бегать з' дому своего!»- и вслед за тем двое сыновей его ушли неведомо куда, дай с женой та же беда: «, бежит на лес, детей своих не любит!» Как-то Бык стал усовещевать Брыкуна: «Незбожный человече! покуль я того маю терпеть от тебе, што мои дети и жена будут бегать?», а случилось то у ворот, где были складены дрова. «Не только жена и дети, - отвечал Брыкун, - но если скажу на тые дрова, которые склал ты под моею стеною, заразом и з'грунту выверну их вон!» - и вту же минуту дрова действительно полетели сажени на три от земли.

d) Исаку Кондратовичу молвил однажды Брыкун: «Ты конечне за два годы усе твое добро з'дому як метлою выметешь, и сам вязенья натерпишься!» Так и сталось: в тот же день вечером издохла у него корова, а в продолжение года погибло до тридцати лошадей, коров и свиней, и сам он попал в тюрьму. А лиходей еще насмехается: «Знай, говорит, Брыкуна! не сварься со мною; ото ж тобе за мое!»

e) Мещане слободы Белчицкой Хома Гуща и Петр Демидович заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворал целый год, а умирая, говорил «Ни от кого иду на тот свет в той моей хворобе, только от Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то он «витал Демидовича пивом по полудню, а до вечера трохе не разорвало его, аж мусили люди Брыкуну кланяться, абы одходзил».

Обвинители подтвердили свои изветы присягою. Выставленные ими свидетели показали:

a) Павел Иванович - что восемь лет тому назад умер у него отец и при последнем своем издыхании нарекал на Брыкуна: пил он с Брыкуном горелку, и с того приключилась ему болезнь, а когда скончался - тело его распухло;

b) Игнат Семенович: «. готовили у нас на дому пиво; на ту пору пришел Брыкун - и пиво испортилось (si§ zepsowalo, ze przez pi^c dni jak braha chodzilo); вылили его свиньям, но и свиньи подохли! Стал я на Брыкуна сердиться, а он пригрозил мне: ты и сам

высохнешь!»;

с) Василий Харакович: «.позвали меня в гости на мед; был там и Брыкун с женою; я обнял его жену, а он закричал: облапь ты лучше печку! - ив ту же минуту (сам не ведаю для чего) полез я в печь, прямо в дымовую трубу, и пробыл там часа три».

Из прочих свидетелей одни показали, что во время попоек от «привитанья» Брыкуна бросало их оземь; другие - что действием его чар они заблудились в лесу и едва не погубили своих коней; наконец, третьи - что хотя лично они не видали от Брыкуна ничего злого, но слышали от людей, будто он - чаровник и wiedzma.

Пан Саковский прислал письменное удостоверение (аттестацию), что Брыкун просил у него взаймы денег и, получивши отказ, молвил ему: «Раздашь свои деньги людям, да назад не сыщешь!» Так и сделалось: с той самой поры ни один должник ему не платит! Адвокат со стороны обвиняемого произнес в его защиту речь, в которой, между прочим, высказал следующие возражения: «Говорят, что Брыкун- чаровник, что молва об этом существует уже десятки лет; но почему же никто не доносил на него прежде? Почему в тот самый год, как умерла жена Якова Толстого, не было сделано никакого протеста?

Муж ее не жаловался.

То же следует сказать и относительно Кожемяки; когда он скончался, ни жена, ни дети его не протестовали. Яско Павлович считает Брыкуна виновником своей бедности, но спросите его: когда он был богат? Лет пять как появился он в Полоцке, а до того возил дрова на продажу - тем только и кормился, и с каким состоянием пришел сюда, с таким и остался. Да и мало ли на свете людей обедняло и за долги сидят в тюрьмах? Что же, во всем этом виноват Брыкун? Вот и Кондратович позабирал денег в долг, растратил их и за неплатеж попал в тюрьму; так неужели ж Брыкун этому причиною? Иван Бык жалуется, что у него в дому несогласие и ссоры; и не диво: сам он человек упрямый, а жена его и дети- тоже! Что же касается рассказа о дровах, то это - просто вымысел».

Показание Хараковича защитник объяснил опьянением, а не чарами: «Мало ли чего пьяным не грезится!» Так же критически отнесся они к прочим пунктам обвинения. При обыске найдены были у Брыкуна узелки с песком и перцем, и когда их представили на суд, то несчастный побледнел и затрясся от страху. Гго пытали огнем и встряскою (ciagnieniem па drabine), но он ни в чем не сознался. Суд приговорил Брыкуна к сожжению, вместе с найденными у него волшебными наузами, и назначил день казни. Брыкун не дожил до этого дня: он перерезал себе ножом горло. Труп его вывезли в поле и сожгли рукою палача.

В 1606 году поданы были в Перми две любопытные жалобы; оба челобитчика сделали извет: один - на крестьянина Тренку Талева, что тот напустил икоту на его жену, а другой - на посадского Семейку Ведерника, который будто бы напустил икоту на его товарища по торговле; обвиняемых пытали и вкинули в тюрьму. Тренку жгли на розыске огнем, и были ему три встряски, а Семейку приводили к пытке два раза.

Мнимые преступники жаловались в Москву государю на поклеп и несправедливое истязание, почему велено было произвести повальный обыск; попы по священству, а посадские люди и волостные крестьяне под присягою должны были показать: пускают ли порчу Тренка Талев и Семейка Ведерник? Ибуде обыскные люди очистят их, скажут, что они тем не промышляют, то немедленно отпустить их на свободу.

Томительная икота и доныне в северных губерниях России считается нечистым духом, которого чародеи насылают по ветру на своих ворогов и супротивников; бес поселяется в человека и мучит его. Обвинения в наслании икоты продолжают волновать сельское население и еще недавно вызывали вмешательство местных судов.

То же воззрение распространяется и на болезни, сопровождаемые конвульсиями, каковы падучая и Виттова пляска. Страдающие этими недугами известны в народе под общим названием «кликуши». Под влиянием глубоко коренящегося суеверия кликуши выкрикивают проклятия и жалобы на тех, кого подозревают в своей порче. В старину появление кликуш было величайшим несчастием для всей общины; их болезненный бред принимался с полным доверием и вызывал судебные преследования.

По одному оклику беснующейся бабы брали оговоренного ею человека к допросу, подвергали пыткам и вымучивали у него признание в небывалом преступлении. Кликушество сделалось наконец самым обыкновенным и верным способом мстить за

обиды и недружбу: стоило только прикинуться кликушею, чтобы подвергнуть своего врага страшным истязаниям и даже смертной казни. Сверх того, кликуши служили орудием корыстолюбивых дьяков и воевод, которые нарочно подущали их оговаривать богатых людей и потом, пользуясь обвинением, обирали чужое добро.

В 1669 г. предписано было дознаться в Шуе, какие и от кого именно бывают порчи посадским людям, их женам и детям, да накрепко расспросить Микишку, какое воровство он ведает за Григорьем Трофимовым, что его-де надо «в срубе сжечь». В следующем году ото всего посаду города Шуи подано было такое явочное челобитье: «В прошлых и в нынешнем годех приезжают в Шую к чудотворному образу Преев. Богородицы Смоленския со многих городов и уездов всяких чинов люди молитися - мужеский и женский пол и девич; а привозят с собою всяких чинов людей, различными скорбьми (одержимых). и которые приезжие люди и шуян посацких людей жены и дети одержими от нечистых духов, страждущие, в Божественную литургию и в молебное время мечтаются всякими различными кознодействы и кличут в порче своей стороны на уездных людей, что-де их портят тот и тот человек. И в прошлом году страдала от нечистаго духа шуянина посацкаго человека Ивашкова жена Маурина, Иринка Федорова, а кликала в порче своей на шуянина посацкаго человека, на Федьку Якимова; и по твоему великаго государя указу, по тое Ивашковы жены Маурина выклички, тот Федька Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертью (конечно, на пытке). А ныне та Иринка и уездные люди, страждущие от нечистых духов, кличут в порчах на иных шуян посацких людей» - на Ивашку Телегина с товарищи [161 - В другой челобитной сказано: «.а после того Оринка в порче кличет на Федькину жону на Онтонидку, Фадееву дочь, будто Онтонидка ее Оринку портила после мужа своего Федьки Якимова».].

Заявление это сделали шуяне в съезжей избе воеводе - для того, как они выразились, «чтобы нам всем шуяном посацким людишкам в том не погибнут, и в пене и в опале не быть; а кто тех страждущих, скорбных людей портит, про то мы не ведаем».

В 1671 году заявил в шуйской земской избе посадский человек Федька Саратовцев:

«... была-де у них свадьба, женился брат его Степка, и на той-де свадьбе учинилась над матерью их Федоркою и над снохою Овдотьицею скорбь - почали быть без ума и без памяти, стали кликать в порче; а отпускал-де ту свадьбу от всякого лиха Гришка Трофимов, сын Панин».

В 1674 году поступило явочное челобитье от шуянина Гришки Юешина на Федосью, жену Степана Иконника, которая бранила его всякою бранью и поносными словами, да взвела на него злохитрым своим умыслом, будто он ее испортил. Чтобы противодействовать этой нравственной заразе, Петр Великий указом своим 1715 года повелел хватать кликуш обоего пола и приводить в приказы для розыска, действительно ли они больны или нарочно накидывают на себя порчу. В указе приведен следующий пример притворного кликушества: в 1714 году в Петербурге плотничья жена Варвара Логинова стала кричать, что она испорчена. Взятая к допросу, она повинилась, что кричала нарочно: случилось ей быть в гостях и вместе с своим деверем; там произошла ссора, и деверя ее прибили. Желая отомстить за родича, Варвара умыслила обвинить своих недругов в порче, спустя несколько дней после драки стала выкрикивать дома и в церкви, раза по два и по три в неделю, как бы в совершенном беспамятье.

В 1770 году в Яренском уезде Вологодской губернии несколько баб и девок притворились кликушами и по злобе на разных лиц стали оговаривать их в порче. Оговоренные были схвачены, привезены в город и там под плетьми вынуждены были признать себя чародеями и чародейками. Одна из этих мнимых преступниц (по ее собственному сознанию) напускала порчу по ветру посредством червей, полученных ею от дьявола; она доставила судьям и самих червей, а те препроводили их в сенат; оказалось, что это - личинки обыкновенных мух. Сенат отрешил за такое невежество городские власти от мест, а кликуш за их ложные обвинения присудил к наказанию плетьми; да и впредь подобных кликалыциц предписал наказывать и оговорам их не верить.

Влиянием колдовства объяснялись не только болезни, но и всякие житейские неудачи. В 1660 году заявил в съезжей избе на Тюмени кречатий помощник Дмитрий Головин: «,в прошлом-де году он, Митька, не добыл кречета, потому что-де на него хвалили кречатьи

помощники Федька Онохин с братом с Ивашком с Меншим и говорили ему, что-де тебе не добыть кречета, и над ним-де Митькою Федька с братью ведовал; да кто подле них и рыбу ловит, иноде ничего не добудут, Да пашенной же крестьянин Ивашко Букин сказывал ему Митьке: за то-де над тобою Ивашко Онохин и похимостил (поколдовал), что-де ты его бранил; а он-де, Митька, его, Ивашка, не бранивал».

Царские свадьбы в старину так же редко обходились без подозрений в злом чародействе, как теперь не обходятся без них свадьбы поселян. Великий князь Симеон Гордый по кончине первой жены своей в 1345 году сочетался браком с Гвпраксией, дочерью одного из князей Смоленских, но через несколько месяцев отослал ее к отцу - для того, что «великую княгиню на свадьбе испортили: ляжет с великим князем, и она ему покажется мертвец».

Третья жена Ивана Грозного, Марфа Васильевна Собакина, дочь новгородского купца, занемогла еще невестою, стала сохнуть и через две недели после брака скончалась, что также приписано порче злых людей. И первые заботы о семейном счастии царя Михаила Федоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марье Ивановне Хлоповой, он взял за себя княжну Марью Владимировну Долгорукову; но она вскоре умерла, и летопись утверждает, что царица была испорчена: «,грех же наших ради от начала враг наш диявол, не хотяй добра роду хрестьянскому, научи врага человека своим дьявольским ухищрением испортиша(ти) царицу Марью Володимеровну, и бысть государыня больна от радости (то есть со дня свадьбы, которая совершилась 18 сентября) до Крещения Господня», а в Крещенье предала душу свою Богу.

Известна печальная судьба первой невесты царя Алексея Михайловича, дочери Рафа Всеволожского. Котошихин говорит, что избранную невесту испортили жившие во дворце матери и сестры знатных девиц, упоив ее из зависти отравами; а по свидетельству Коллинса, когда, по принятому свадебному обряду, расчесывали и окручивали невесте волосы, то назначенные к тому женщины нарочно завязали ей косу так крепко, что бедная девушка упала в обморок. Тогда ее огласили страдающею падучей болезнею; отца ее высекли кнутом и вместе с дочерью сослали в Сибирь; но после царь узнал истину и назначил своей бывшей невесте двойное содержание.

Рассказ Коллинса подтверждается отчасти и нашими официальными актами: в 1647 году царь Алексей указал послать в заточение в Кириллов монастырь под крепкое начало крестьянина Мишку Иванова «за чародейство и косный развод и за наговор, что обьявилися в Рафове деле Всеволожского». Из челобитной боярина Матвеева, на которую укажем ниже подробнее, видно, что враждебная ему боярская партия, стараясь помешать браку царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловною Нарышкиною, прибегнула для этого к обычному оговору в волшебстве.

Понятно теперь, почему так заботливо старались оберегать на царских свадьбах и жениха, и невесту, и их платье («стряпню»), и места для сиденья, и подаваемые яства и напитки. Ежедневная жизнь царской семьи обставлялась теми же заботами: зорко следили за всякими попытками к чародейству и порче, и беспрерывно возникали дела о волшебстве.

От XVII века сохранились в архивах некоторые из этих любопытных дел. Из них мы узнаем, что на Москве, в разных концах города, жили бабы-ворожейки, или колдуньи, к которым приезжали боярские и иных сословий жены просить помощи против супружеской ревности, советоваться о своих любовных интригах и о средствах, как умерять мужнин гнев или изводить недругов.

В 1635 году одна золотная мастерица выронила во дворце платок, в котором был завернут корень. По этому поводу произвели розыск. Мастерица на вопрос: где она взяла корень и зачем ходит с ним к государю? - отвечала, что корень нелихой, а носит его при себе «от сердечной боли, что сердцем больна». Жаловалась она одной женке, что до нее муж лих, и та женка дала ей корень обратим (то есть обращающий на любовь), а велела класть его на зеркальное стекло и, глядясь в то зеркало, приговаривать: «Как люди в зеркало смотрятся, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся!» Тогда муж будет к ней ласков и милостив [162 - Такова была вера в силу «приворотных кореньев». Из розыскных дел видно, что и любовь Петра Великого к

Екатерине, и расположение его к Меншикову объяснялись в народе тем, будто бы она и Меншиков обвели государя кореньями.]. На царском же дворе она никого портить не хотела и с иными корешницами не знается. Золотную мастерицу и ту женку, на которую она сослалась, пытали и потом отправили в ссылку в дальние города.

Другое подобное дело было в 1638 году; оно возникло вследствие ссоры нескольких мастериц из-за какой-то пропажи. Под влиянием личного озлобления сделан был извет на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошок на след государыни царицы и говорила: «Только б мне умилить царское и царицыно сердце, а другие мне дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она к бабе-ворожейке, что людей приворачивает и у мужей к женам сердце и ревность отымает; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу в «естве», а мылом умываться самой и уверяла, что после того муж станет молчать, что б она ни делала, хотя б воровала (любилась) с другими.

Наговоры были следующие: «Как де соль в естве любят, так (бы) муж жену любил!», «Сколь-де мыло борзо смоется, столь бы (скоро) муж полюбил; а какова рубашка на теле бела, столь бы муж был светел!» И другой мастерице та же колдунья давала наговоренную соль - для того, чтобы муж ее был добр до детей. Кроме того, дознались, что Дарья Ламанова приносила к бабе-ворожейке оторванный ворот от своей рубашки; ворожея сожгла ворот на шестке и, спросив, прямое ли имя Авдотья [163 - Царицу звали Евдокией Лукьяновной; это была вторая жена Михаила Федоровича.], наговорила и велела тот пепел сыпать на государский след, чтобы царь, царица и их ближние люди были милостивы к Дарье и ко всем ее челобитьям.

Привлеченная к делу колдунья объявила, что зовут ее Настасьицею, родом черниговка, замужем за литвином Янкою, а учила ее ведовству другая баба. Привели эту последнюю, и на допросе она показала, что умывает малых детей, уговаривает болезнь жабу и наметывает на живот горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляет таким ремеслом, есть на Москве многие ворожейки - Ульяна Слепая и другие, к которым ходят всякие люди.

Собрали и остальных ворожеек, допрашивали, грозили, пытали огнем, и вот все, что узнали из их показаний: если кто страдает лихорадкою или сердечной тоскою, тому они наговаривают на вино, чеснок и уксус; от грыжи наговаривают на громовую стрелку и медвежий ноготь и с той стрелки и ногтя заставляют больных пить воду, причитывая следующие слова: «Как де старой женке детей не раживать, так бы у раба Божия (имярек) грыжи не было!» Если у кого пропадет что-нибудь, тому ворожейки гадают по сердцу, как оно трепещет; у которых торговых людей залежится товар, тем приказывают умываться наговорным медом, а на мед они наговаривают: «Как-де пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к торговым людям покупатели сходились!»

Мастерицу Дарью и ведунью Настасьицу допрашивали с пыток: не было ль к ним подсылу от польского короля, чтоб они портили царя и царицу? Недаром-де в последние годы великая государыня стала недомогать и печалиться, царевичи Иван и Василий Михайловичи померли, а промеж царя и царицы в любви стало не по-прежнему - не делала ль чего Дарья к отвращению их государей между собою? Ни мастерица, ни ведунья в этих умыслах не сознались. От жестоких истязаний Настасьица и Ульяна Слепая померли во время производства розыска; прочие ворожейки разосланы были по дальным местам; Дарью Ламанову с мужем сослали в Пелым, а прикосновенных к делу мастериц велено было отставить от двора и впредь в царицыном чину им не числиться.

В одном сыскном деле, хранящемся в архиве Оружейной палаты, постельница Домна Борисова дала показание, будто царица Евдокия Лукьяновна как скоро найдет где людские волосы - тотчас сучат из них свечки и жжет, а потом жалуется, что ее портят постельницы [164 - В книгу полоцкой ратуши за 1643 г. занесено заявление, что неведомый человек, чаруя над его домом, подбросил к нему в кадку с водою пучок женских волос.].

При царе Алексее Михайловиче в 1648 году дворницы золотной мастерицы Ульяны Яхониной, вдова Аленка Федотова да Иноземцева жена Марьица, обе, напившись пьяны, стали промеж себя драться, попрекать одна другую кореньем, и Марьица говорила Аленке: «Ты-де мне сказывала, что видела золотную мастерицу Анну

Коробанову, как она сквозь перстень проволакивала полотенце тонкое и с тем-де полотенцем та Анна всходила вверх (во дворец) - в светлицу».

Случившийся при этом боярский сын Федор Яхонин отдал Аленку и Марьицу решеточным сторожам, за пристава, и донес о слышанной им побранке царицыну дворецкому да дьяку. Аленка и Марьица потребованы были к допросу, но обе заперлись, что таких слов говорено не было. После нескольких очных ставок последняя показала: «Сказывала ей Аленка Федотова, будто-де мастерица Анна Коробанова сквозь перстень проволакивала полотенце, а те-де речи слышала она у ней Аленки у пьяной, как она Ман(ь)ку бранила, рнясь тому, что-де ее Манкин брат родной живет у мастерицы у Анны Коробановой». К сожалению, конец этого розыскного дела утратился, и к каким открытиям оно привело - остается неизвестным.

Из старинных актов, уцелевших в сибирских архивах, видно, что при царе Алексее Михайловиче ссылались в Якутск и Енисейск люди, обличенные в чернокнижии и в «тайном богомерзком общении с нечистою силою»; местным властям наказывали содержать подобных преступников как можно строже, сажать их в тюремные каюты отдельно, приковывать к стене на цепь и отнюдь не допускать к ним никого постороннего.

Встречается еще любопытное известие, что чародеев истомляли жаждою; так, в одной грамоте предписано было не давать воды Максиму-мельнику, сосланному в Сибирь за волшебство, потому что «он, Максим, многажды уходил в воду». Знаменитый Никон, низверженный с патриаршего престола и заточенный в белозерском Ферапонтовом монастыре, задумал отомстить своим врагам, возбудив в Алексее Михайловиче опасение волшебных чар и недоверие к ближним боярам.

В октябре 1668 года явился от него в Москву монах Флавиан и подал письмо, в котором говорилось: отпущен-де Флавиан к государю объявить про великое дело, что на Москве изменники царские хотят очаровать его государя. Бояре, в присутствии самого Алексея Михайловича, спрашивали старца Флавиана, в чем состоит великое дело. Тот отвечал: на Петров пост пришел в Ферапонтову обитель Воскресенского монастыря чернец Палладий и объявил Никону, что был он в Москве на Кирилловском подворье и сказывал ему черный поп Иоиль про окольничего Федора Ртищева; просил-де его Ртищев: «Сделай то, чтоб мне великого государя быть первым бояриным». Иоиль возразил «Мне этого сделать нельзя, а есть у тебя во дворе женка-цыганка, которая умеет эти дела делать лучше меня!» «Женке говорить про то нельзя, - сказал Ртищев, - потому что она хочет за меня замуж». Вслед за тем Никон прислал письмо, в котором излагал речи Палладия, но вместо Ртищева и цыганки указывал на боярина Богдана Матвеевича Хитрово и женку-литовку. По свидетельству этого письма, Иоиль говорил Палладию: «Никон меня не любит, называет колдуном и чернокнижником, а за мною ничего нет, только я умею звездочетие - тоу меня гораздо твердо учено! Меня и в верх государь брал, как болела царевна Анна, и я сказал, что ей не встать, что и сбылось; и мне государь указал жить в Чудове, чтоб (быть) поближе. Мне и Богдан Хитрой - друг и говорил мне, чтоб я государя очаровал, чтоб государь больше всех его, Богдана, любил и жаловал, и я, помня государеву милость к себе, ему отказал; и он мне сказал нитттkни же! Ия ему молвил: да у тебя литовка-то умеет; здесь на Москве нет ее сильнее. И Богдан говорил: это так, да лихо запросы велики - хочет, чтоб я на ней женился; и я бы взял ее, да государь не велит».

Призваны были к допросу Иоиль и Палладий; первый объявил, что приходил к Палладию лечить его и, кроме болезни, ни о чем другом с ним не разговаривал, а у Хитрова никогда и на дворе не бывал; Палладий подтвердил то же и добавил, что приписанных ему речей Никону вовсе не сказывал: «Вольно старцу Никону меня поклепать, он затевать умеет!» Иоиля подвергли обыску и нашли у него книгу «счету звездарского», напечатанную в 1586 году в Вильне, книгу письменную лунам и дням, планетам и рождениям человеческим, тетрадку о пускании крови жильной и рожечной и записку, кого Иоиль вылечил. Разноречие между показанием Флавиана и письмом Никона и разные обвинения, которые в то же время пали на бывшего патриарха, заставили извет его оставить без внимания.

В царствование Федора Алексеевича замечательно дело о заточении ближнего

боярина Артамона Сергеича Матвеева, любимца покойного государя. Враги не могли придумать лучшего средства для отдаления Матвеева от двора и правительства, как обвинив его в чародействе. Это тем легче было исполнить, что боярин Артамон Сергеич любил сближаться с иноземцами и ценил научные знания; десятилетний сын его, Андрей, учился языкам греческому и латинскому под руководством переводчика Посольского приказа Спафари; а в тот век достаточно было иметь при себе какую-нибудь иностранную книгу и медицинские пособия, чтобы возбудить подозрение в волшебстве.

По свидетельству Олеария, во время пожара, бывшего в Москве при царе Михаиле Федоровиче, у одного немца-живописца нашли череп и только поэтому хотели сжечь его как волшебника; при стрелецких смутах доктор фон Гаден заплатил жизнию за то, что у него в доме нашлись сушеные змеи. Вследствие подговора Давыдко Берлов, лекарь, и Карло Захарка, проживавший в доме Матвеева, донесли на него, будто бы он вместе с доктором Стефаном и переводчиком Спафари, запершись в палате, читали черную книгу, ив то время явилось к ним множество нечистых духов. По этому доносу Матвеев был сослан на заточение в Пустозерский острог, боярство у него отнято, а имения отобраны в казну.

Матвеев несколько раз писал в Москву к государю, патриарху и боярам, стараясь оправдаться во взведенном на него преступлении, но попытки эти не имели успеха. В одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны следующие строки, из которых видно, что подобные доносы в старой, допетровской, Руси были самым обыкновенным явлением, характеристической чертою тогдашнего быта: «При великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, говорит Матвеев, такожде ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославского (будущего тестя царя Алексея), будто он имеет у себя перстень волшебный думного дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришел в конечное разорение: был за приставом многое время, животы пересмотриваны и запечатаны были, и ничего не найдено. и за свою невинность освобожден. А при великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче також-де завистию и ненавистию извет был составной же и наученой о волшебстве на боярина С. Л. Стрешнева, и за тот извет страдал невинне, честь (то есть боярство) была отнята и сослан был на Вологду, а животы и поместья и отчины и дворы не отняты. Да и на многих, великий государь, таких воровских писем было, а на иных и в смертном страху были. Аия, холоп твой, от ненавидящих и завидящих при отце же твоем государеве великом государе немного не пострадал такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули в грановитых сенех и в проходных и хотели учинить Божией воле и отца твоего государева намерению и к супружеству - второму браку препону, а написали в письме коренья».

Князь М. Щербатов заметил, что «наипросвещеннейший муж в России, князь Василий Васильевич Голицын (известный наперсник царевны Софии), гадателей призывал и на месяц смотрел о познании судьбы своей». Отзыв этот подтверждается официальными документами. Во время крымского похода князь Голицын, извещая Шакловитого о безымянном письме, в котором писано было к малорусам, чтоб пребывали с крымцами в миру: «Москва-де вам не верит, и большого вашего хотят убить», - прибавляет: «.и то, чаю, ведали они по чарованью некоему».

В 1689 году, по его челобитью, пытан был в Земском приказе Иван Бунаков за то, что вынимал княжий след. Из деловых бумаг розыскного приказа узнаем, что князь Голицын совещался с колдунами и, опасаясь, чтобы не остыла к нему любовь Софии, прибегал к чарам: какой-то знахарь давал ему травы, и князь сыпал их для «прилюбления» в яства, подносимые царевне, а потом того знахаря велел сжечь в бане, дабы не было от него проносу. Такое показание дал Сильвестр Медведев, а ему про то сказывал иконник Васька Владимиров. Ваську взяли к допросу, пытали, и он повторил те же самые речи.

Обращалась к колдунам и прорицателям и царевна София; для предварительного испытания она обыкновенно посылала их к Медведеву, который и сам занимался астрологией, гадал по звездам и предсказывал будущее. Между волхвами особенным доверием ее пользовался Димитрий Силин, вызванный царевною из Польши лечить болезненные очи царю Ивану Алексеевичу; года с три жил он в келье Медведева,

уверял, что умеет глядеть в солнце и угадывать, что кому будет, знал заговаривать грыжу, пособлять жене и мужу и вылечивать от болезней живота.

Силин врачевал на Москве многих, в том числе и князя Голицына: щупал ему живот и нашел, что князь «любит чужбину, а жены своей не любит». Этому пришельцу Медведев открыл, что царевна хочет выйти замуж за Голицына, Шакловитого намерена сделать первым у себя правителем, а его, Медведева, патриархом, и просил посмотреть в солнце: сбудется ли это? Силин два раза всходил на Ивановскую колокольню и будто бы видел, что «у государей венцы на главах, у Голицына венец мотался на груди и на спине, сам он стоял темен и ходил колесом, царевна была печальна и смутна, Медведев был темен, а Шакловитый повесил голову».

Когда Петр начал торжествовать над своею сестрою, Медведев бежал в монастырское сельцо Микулино с тремя стрельцами; там они виделись с волхвом Ваською Иконником и советовались, что делать. Волхв уверял их, что он владеет Сатаною и если царевна даст ему 5000 рублей, то все останется по-прежнему; но ему уже не поверили. В тайных сношениях с Шакловитым и в волшебных чарах на царское здоровье был обвинен и стольник Андрей Безобразов. Уже в преклонных летах был он отправлен (в 1689 г.) воеводою в крепость Терки; месяца полтора плыл он реками Москвой и Окою до Нижнего Новгорода, где, застигнутый морозами, остановился и послал челобитную к государям и письма к разным влиятельным лицам, умоляя освободить его от такой дальней службы и воротить в столицу. Из Нижнего бежали от него крепостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семенов, обокравши наперед своего господина, как это видно из поданных им явочных прошений. Они явились в Москве в Розыскной приказ и сделали на Безобразова извет, что он сносился с Шакловитым и на пути к Нижнему посылал по городам и селам людей своих отыскивать ворожей и волхвов - верст за двадцать и далее; посланные приводили к нему разных колдунов: в Москве - мельника Сеньку Антонова, в Коломне -волхва Ганьку, в Касимове - женку-татар-ку и бабу Аксютку, в Нижнем - коновала Дорошку Кабанова, портного Ивашка Матвеева и дворника Оську Охапкина, и те колдуны и колдуньи ворожили на костях, деньгах и на воде о здравии царя Петра Алексеевича и матери его Наталии Кирилловны, умышляючи злое дело, и о бунте и победе на бояр.

Волхв Дорошка «накупился у Безобразова напустить по ветру тоску на царя и царицу, чтобы они сделались к нему добры и поворотили бы его к Москве»; для этого, снабдив Дорошку запасом и вином, Безобразов отправил его к Москве с человеком своим Ивашком Щербачовым и велел этому последнему указать ему государя Петра Алексеевича и царицу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царские имена, Петр и Наталия, на семи старых полотняных лоскутках и, вставив лоскутки в восковые свечи, на место фитилей, посылала те свечи по церквам и приказывала, затепля, ставить их перед иконами да смотреть, пока они догорят.

По этому извету послали за обвиняемым в Нижний Новгород; жену его призвали к допросу, коновал Дорошка был взят на ее дворе, где укрывался он от розыска, а Щербачов пойман в подмосковной деревне Безобразова; захвачены были и другие оговоренные лица. Жена Безобразова сначала запиралась и отвергала все обвинения, но потом на очных ставках вынуждена была сознаться, что получала от мужа письма к Шакловитому и что ведала, с какою именно целью прислан был на Москву коновал Дорошка. Кабанов объявил, что он заговаривает руду и лечит всякие болезни тайными заговорными словами, - шептали, что учился этому мастерству у другого нижегородского коновала Федора Бобыля; что привез с собою бобы для ворожбы, росный ладон для охраны новобрачных от ведунов, богородицкую траву от сердечной болезни и коричную - для леченья лошадей; что в Москву приехал он вследствие данного Безобразову обещания- сделать царя Петра добрым к нему и милостивым. В то время, как шли великие государи из саввинского походу, Щербачов возил его в село Хорошево, и он, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускал по ветру; да и в село Преображенское для того же вражеского дела они ходили, но не дошед того села - воротились назад. То же подтвердил и Щербачов. Мельник Семен Антонов, сысканный в Московском уезде, повинился в ворожбе у Безобразова только после двоекратной пытки.

Наконец привезли самого Безобразова с тремя колдунами: коновалом Бобылем, дворником Охапкиным и портным Матвеевым. Очные ставки с пыткою вынудили у него признание в справедливости всех сделанных изветов; вместе с ним пытаны Кабанов (дано 17 ударов), Бобыль (35 ударов), Охапкин (10 ударов); прочие ведуны подыманы только для страху. При этом некоторые из них объявили и свои шепты (заговоры), а другие показывали, что никакой ворожбы не знают, а ворожили «издеваючись».

Очевидно, все преступление состояло в суеверных попытках помощию чар и заговоров призвать царскую милость на опального боярина. Бояре приговорили: Безобразову отсечь голову, жену его сослать в Тихвинский Введенский монастырь, а двор их, поместья и вотчины отобрать бесповоротно; коновалов Дорофея Кабанова и Федора Бобыля сжечь в срубе; остальных колдунов и Щербачова бить нещадно кнутом на козле и сослать в Сибирь вместе с их женами и детьми. Казнь совершилась 8 января 1690 года. Доносчики были награждены: им выдано из описной казны Безобразова по сто рублей на человека, оба они освобождены от крепостной зависимости и взяты в задворные конюхи.

Но дело этим не кончилось; оно тянулось еще около двух лет; розыски производились воеводами в Коломне, Касимове, Переяславле Рязанском и Нижнем Новгороде. Один ведун оговаривал другого, другой - третьего и так далее. Воеводские розыски были ужасны: привлеченных к делу ворожей и колдунов пытали по нескольку раз со встряскою. Некоторые из них винились в ворожбе на бобах, воде и деньгах; другие же, несмотря на истязания, ни в чем не сознавались и умирали под пыткою или в тюрьме до окончания следствия.

Реформа Петра Великого не могла поколебать векового предубеждения против колдунов и ведьм. В ту эпоху, когда она совершалась, во всей Западной Европе, служившей для нас образцом и примером, вера в колдовство составляла общее достояние умов и подчиняла своим темным внушениям не только простолюдинов, но и духовенство, ученых и самые правительства. Между тем как у славян, соответственно простоте их быта, далекого от строгих юридических определений, книжной учености и богословской схоластики, предания о волшебстве удерживались в устных, отрывочных и безыскусственных рассказах, на Западе мы встречаем целый ряд ученых богословских трактатов о духах злобы и их связях с людьми, трактатов, обработанных систематически и доведенных до изумительного анализа всех мелочных подробностей. Эта средневековая литература дополняла и формулировала народное суеверие, скрепляла его своим авторитетом и имела огромное влияние на общественные нравы, судебные процессы и законодательные установления.

Уполномоченные от высших правительственных властей, инквизиторы ездили по различным областям Италии, Франции, Г ермании и других земель, где только проносилась молва о чародействе; следственные комиссии приступали к делу со всеми ужасами пыток и вынуждали самые чудовищные признания. Число жертв, погибавших от руки палача, превосходит всякое вероятие.

От издания буллы Иннокентия VIII (1484 г.), направленной против колдунов и ведьм, до окончания казней за волшебство в одной Германии насчитывают более ста тысяч человек, осужденных на смерть, в Англии за все время, пока продолжались там подобные преследования, погибло более 30 000 человек [165 - В продолжение 1485 г. Кумон, в графстве Вурлиа, сжег за колдовство 41 женщину; в следующем году он продолжал действовать с тою же ревностью, так что большая часть народа разбежалась. Алциаст говорит, что в это же время инквизитор сжег в Пиемонте 100 колдунов и своими преследованиями вывел наконец из терпения жителей, В 1515 г. в Женеве казнено 500 человек под именем протестантских колдунов; в Равенсбурге в четыре года было сожжено 48 человек по решению Менго, автора известного сочинения Malleus malefi carium; ученый инквизитор Реми хвалился, что он в продолжение 15 лет казнил 900 человек.]. Не подлежит сомнению, что не одни пытки заставляли признаваться в небывалых сношениях с чертями; что бывали и добровольные самообвинения, исходившие из того болезненно суеверного настроения, отдаваясь которому человек всякое непонятное ему действие и всякую тревожившую его мечту готов был приписать сверхъестественным, демоническим силам. С особенною

наглядностью раскрывается это в тех процессах, где были замешаны дети.

Под обаянием предрассудков, всосанных с молоком матери, впечатлительная фантазия детей принимала сновидения, горячечный бред и мечты напуганного воображения за живую действительность. В знаменитом процессе 1669 года в шведской деревне Мора малолетние дети смело и настойчиво утверждали, что они околдованы и были в сношениях с дьяволом. Такое гибельное заблуждение действовало нередко как нравственная зараза и, зародившись в умах некоторых мальчиков или девочек, немедленно сообщалось от них всему детскому населению.

Во Франции в одном благотворительном заведении в продолжение полугода почти все воспитанницы объявили себя ведьмами, рассказывали о сообщении своем с чертями, о своих полуночных сборищах, пирах и плясках. Несчастных детей так же безжалостно пытали, как и взрослых. Сожжение и казни ведьм продолжались почти до конца XVIII столетия. В истории Англии известен процесс 1716 года, когда Гике и его девятилетняя дочь были повешены за то, что предались дьяволу и производили бури; в 1728 году в венгерском городе Сигедине сожгли тринадцать колдуний; в 1749 г. в Вирцбурге сожжена как волшебница Мария Рената; в католическом кантоне Гларусе подобная же казнь совершена над ведьмою в 1786 году.

Ясно, что при Петре Великом влияние Западной Европы не могло подействовать смягчительно на дух нашего законодательства. В артикулах Воинского устава 1716 года предписывается: если кто из воинов будет чернокнижник, ружья заговорщик и богохульный чародей, такого наказывать шпицрутеном и заключением в оковы или сожжением. В толковании к этой статье прибавлено, что сожжение определяется чернокнижникам, входящим в обязательство с дьяволом. Лиц, пойманных с волшебными заговорами и гадательными тетрадками или уличенных в их переписке, продолжали подвергать телесным истязаниям; самые заговоры и тетрадки (на основании указа царя Федора Алексеевича) посылались на просмотр к ректору Славяно-греко-латинской академии.

В 1726 году были представлены к ректору Еедеону для увещания и вразумления иеродиакон Прилуцкого монастыря Аверкий, у которого найдены волшебные письма, и дворовый человек Василий Данилов, обвиненный в сношениях с дьяволом, по наущению которого похищена им золотая риза с образа Богородицы.

По образцу западных теорий в курс богословия внесено было объяснение различных видов волшебства; так, в лекциях, читанных в академии в 1706 году, встречаем целый отдел de contractibus diabolicis. «Contractus diabolicus (сказано в этих лекциях) est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magiam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et malefi cium»; колдуны, по словам ученого профессора, могут с корнем вырывать крепчайшие деревья, переставлять засеянные поля с одного места на другое, делаться невидимками, превращаться в различные образы и совершать многие другие чары.

Судные дела XVIII столетия до сих пор остаются неизданными и малодоступными для исследователя; но даже из тех немногих материалов, на которые можно сослаться в настоящее время, нетрудно убедиться, как сильно живучи народные суеверия и как долго еще после реформы Петра Великого продолжались преследования мнимого чародейства.

В 1750 году возникло, например, дело о сержанте Тулубьеве, который обвинялся в совершении любовных чар. Обстоятельства этого дела так изложены в промемории тобольской консистории: ширванского пехотного полка сержант Василий Тулубьев, квартируя в городе Тюмени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступил в блудную связь с ее дочерью Ириною; а потом ее, Ирину, насильно обвенчал со своим дворовым человеком Родионом Дунаевым, но жить с ним не позволил. Чтобы закрепить любовь и верность Ирины, он на третий день после венца брал ее с собой в баню и творил над нею разные чары: взяв два ломтя печеного хлеба, Тулубьев обтирал ими с себя и со своей любовницы пот; затем хлеб этот смешал с воском, печиною, солью и волосами, сделал два колобка и шептал над ними неведомо какие слова, смотря в волшебную книгу. Он же, Тулубьев, срезывал с хоромных углов стружки, собирал грязь с тележного колеса, клал те стружки и грязь в теплую банную воду и приготовленным настоем поил Ирину; поил ее и вином, смешанным с порохом и росным ладаном;

наговаривал еще на воск и серу и те снадобья заставлял ее носить, прилепив к шейному кресту, а сам он постоянно носил при себе ее волосы, над которыми также нашептывал. Подобными чарами Тулубьев так приворожил Ирину, что она без него жить не могла и, когда ему случалось уходить со двора, бегала за ним следом, тосковала и драла на себе платье и волосы.

Консистория определила: лишить Тулубьева сержантского звания и сослать его на покаяние в Енисейский монастырь, а брак Ирины с Дунаевым расторгнуть; как блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключению, «но понеже она извращена к тому по злодеянию того Тулубьева, чародейством его и присушкою, а не по свободной воле, - для таких резонов от посылки в монастырь ее освободить».

Но рано или поздно дух суеверия должен был уступить перед успехами ума и общественного просвещения. Философское движение второй половины XVIII века вызвало более светлые взгляды на природу и человека, потрясло вековые предрассудки, заставило сознаться в бесполезной жестокости пыток и утвердило великую идею веротерпимости; вместе с этим оно погасило костры инквизиции и остановило преследования мнимых колдунов и ведьм во всей Европе. У нас, на Руси, это благотворное влияние европейской науки выразилось в законодательных памятниках Екатерины II.

Г. А. Глинка. Древняя религия славян

Вступление

Не столько недостаток в записях, относящихся до древнего славянского баснословия, сколько нестарание о развитии находящихся о сем предмете сухих сказаний тому причиною, что мы не имеем до сего времени систематического описания сих богов. Бывшие вскоре по просвещении христианством славянских племен писатели имели причину мало упоминать или совсем умалчивать о идолослужении, тогда еще не совсем истребившемся, и, может быть, многими уважаемом как вера их отцов. Но нам баснословное вероучение разыскивать, развивать и сколько можно полнее представить нет опасности: ибо сие повествование для нас не иное что как пища любопытства; и если что-либо сего важнейшее из оного можем почерпнуть, то из создания человеком себе богов, естественно по своему образу, то есть по своему народному свойству, нравам, образу жизни, степени просвещения, и даже деятельности фантазии, сея первой произвестительницы всех во всяком роде вымыслов, лучше можем узнать умное и нравственное обличив наших родоначальников. Изображения, дела, самыя даже названия богов известного народа, суть сколько свойств оного. У индийцев, народа кроткого, боги кротки и добры; злые же лишены власти, по крайней мере, не иначе распространяют ее, как украдкою от надзирающих над ними добрых богов. Счастливое ахайское небосклонение веселость нравов жителей, живое воображение, лицеобразовало богов и с ними соединенные их деяния забавными, приятными, а можно думать, и во времена идолопоклонства греков, за приятные и часто полезные сказки, почитаемыми. Варварство, царствовавшее в Тавриде, вознесло на степень богини Диану (может быть, так названное греками божество и иначе там именовавшееся), требующую крови странников.

Разнообразно для каждой на земном шаре страны отверстые естественные небеса, различные воздушные явления, растворение воздуха, от него происходящее плодоносив земли, как в количестве так и в качестве произведений, самый землелог тех стран, присовокупленные к свойству народа, способствовали к соображению сих мечтательных существ. Почему рассматривая рассудительным образом баснобожие древних славян, уповательно, что откроем несколько завесы древности, скрывающей от нас свойство их умоначертаний об окружавших их вещах, дальность познаний, нравы и хотя несколько самый образ их мыслей.

Описывая произведение фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, если

при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственною под древнюю стать фантазиею. Правда, стершиеся или слинялые места в древних картинах, подправленные новыми красками, хотя и на старинную стать, уменьшают цену картин; но лучше ли ничто, нежели что-либо? И не лучше ли Фидасова Венера с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели когда б осталось одно только ее туловище, и то, может быть, местами еще выбитое?

Известно, что исправки, или коррекции, древних греческих и латинских писателей их учинили лучшими, но все ли исправки сделаны впопад на авторово слово или мысль? И может быть, иные не сделали под видом правок рукописи, исправленным самого автора в словах и мыслях, за что бы он сам в состоянии нашелся поблагодарить.

Я переселяюсь в пространные и разнообразные области фантазии древних славян; бродя по ним, стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы, и сии последние, сообразуясь их устроению, дополнять материальными сего же царства и по законам воображения или мечтания.

Хотя же происхождение богов или феогония славянская для нас не сохранилась; чему в свое время, конечно, быть надлежало; однако же из свойств богов или, лучше, естественных вещей, их деяний и явлений можем заключить и о мечтаемом оных происхождении. «Едда» несколько ясно повествует о чине, порядке в происхождении цельтийских богов; из греческой феогонии родословная оных для всякого сведомее, нежели немецкому молодому барону его собственная. Славяне жили в соседстве с теми и другими, и станется, в своих мечтаниях подражали и тем и другим, а может быть и подлинниками в оном обоим были. Итак, я, следуя как греческим разделителям богов, так особенно вникая собственно в славянское баснобожие, и почти изгладившихся касательно сего черт доискиваясь, разделяю из самого свойства сих богов на выспренних, преисподних, земных и водных.

1. Итак, в число превыспренних богов поставлю обоженные существа, вне земли находящиеся, а на оную только показывающие свои действия, ощутительные человеку. И таковые боги будут:

Перун, движение эфира, гром.
Златая Баба, тишина, покой.
Световид, солнце, жизненная теплота.
Знич, начальный огонь, эфир.
Белбог, благо и доброе начало.
Сильный бог, крепкий бог.
Дажбог, благополучие.
Живот, сохранение жизни.
Лед, война.
Коляда, мир.
Услад, удовольствие.
Лада, красота.
Дети ее:
Леля, любовь.
Полеля, брак.
Дидо, супружество.
Дидилия, деторождение.
Мерцана, заря, богиня жатвы.

2. Земные те, коих свойства отвлечены от земных полезных произведений, для жизненных человека потреб, или токмо к удовольствиям оныя служащих, и которых они, кажется, были покровителями.

Тригла, земля.
Волос, Могош, боги, покровительствующие скоту.
Купало, земные плоды.
Родомысл, податель благих советов.
Съва, богиня плодов.
Зевана, богиня звероловства.

Чур, бог межей.
Проне, или Прове, бог прорекания.
Родегаст, бог странноприимства и городов.
Коре, бог пьянства.
Ясса.
Позвизд, бог бурь и ветров.
До го да, зефир.
Зимцерла, или Зимстерла, весна.
Зимерзла, зима.

3. Преисподние боги, кои изображают собою месть и казнь, наследующую за беззаконием и пороком.

Ний, владычествующий над преисподними странами.
Чернобог, бог отмщения.
Яга баба.
Кикимора, бог сна.

4. Водные, коих власть простирается над водами, оные суть: Царь морской. Русалки. Чудо морское. Водовики, водяные черти.

Духи:
Лешие. Куды.
Домовые. Черти.
Стени. Бесы.
Лизуны.
Полубоги, или богатыри:
Полканы. Волхв.
Волоты. Волховец.
Славян. Рудоток.
Озера обоженныя:
Ильмер.
Студенец.
Реки:
Буг.
Дон.

Впрочем, к чистоте рассудка славянского народа может отнестись то, что их вера, из многих языческих (не говорю всех) есть чистейшая. Ибо их боги суть естественные действия, благотворением своим имеющие на человека влияние и служащие к страху и казни беззакония, равномерно как природные свойства и совершенства обоженные.

Сие проникнув, творец «Владимириады» так говорит в оной:

В чем Север признавал священны божества;
То были действия и свойства Естества,
Людские слабости, сердец слепые страсти.

И еще можно бы к сему было прибавить добрыя и благотворныя деяния.

Во всем их баснобожии нет ни одного бога, которого бы можно было счесть обоженным человеком, как то мы находим у греков (я не говорю о римлянах, все от них занявших), и образцов их финикиан, египтян и ассириян. А сие должно приписать естественному свету их ума, что смертные не могут быть бессмертны. Положение простое, но, мнится, худо вразумленное народами, хвалящимися своим просвещением и нашими во многом учителями.

Впрочем, кажется, не неизвестно было Всевышнее Существо славянам, Существо Всемогущее всесотворящее, и словом, Бог богов и оному-то собственное наименование было Бог. Прочие же были ему как бы подчиненные, или больше, лицеобразованные свойства природы. Бог, яко податель света, теплоты, плодородия земли и оживитель природы, назван Световидом; а отвлеченно оный же будет бог просвещения и света ума. Бог, причиняющий гром, молнию, наречен Перуном; он же в отвлеченности есть бог, устрашающий яростью эфирно-огненных ударов, беззаконников. Белбог, или добрый бог, есть податель всяких благ. Крепкий бог, одно из свойств Вышняго, божество подлинно нравственное. Но все сие из описания в

особенности каждого бога будет видно с очевидною ясностью. Упомяну только нечто о богине Ладе и ее детях. Ничего нет, кажется, остроумнее, чтобы красота, Лада, была матерью четырех чад своих; число их полно; прибавить нечего, но убавление несовершенство. У красоты, Лады, первый сын Леля, то есть любовь; за Лелею следует второй, Полеля, или брак; что нравственнее, как любви быть оканчиваемой браком; но сего еще недовольно; следует сын, бог супружеской жизни, и оный есть Дидо, коего супруга Дидилия, богиня деторождения, покровительствует сию нескверную жизнь. Нет ничего прекраснее сего семейства; потому что нет ничего вообще одобреннее, и оно есть сама истина, в разных лицах представленная.

Вот картина, показывающая, что славянское баснобожие было рассудительное, боги же их из отвлеченных понятий были лицеобразованы, и притом часто остроумно и всегда верно. Если отнимем мы баснословные названия, то ныне и мы не иначе мыслим, и предки наши; кажется даже, что сей способ мыслить всем просвещенным народам общий. Красота, любовь, брак, замужество, деторождение суть у всех человеков понятия и действия сцепляющиеся. Солнце благотворит земной природе; гром наводит страх; златая природа, общая людей мать; благость, крепость, подаяние благ, животодательство, свыше проистекающие, суть идеи древних, на коих они создали храм своего многобожия.

Боги выспренние

Перун

Грозное славянское божество. Он почитался произвестителем всех воздушных явлений. Рука его управляла громом и молниями. Кажется, что славянскому Перуну столько же прилично, как и Гомерову Зевсу, приложение «погонятеля облаков». Сие божество особенно было почитаемо в Киеве и Новгороде. В первом храм его сооружен был на холме над Боричевым потоком. Г. Херасков во «Владимириаде» так описывает сей храм:

Сей храм, ужасный храм, над Боричевым током,
Стоял, сооружен на холме превысоком;
Курений восходил перед кумиром дым,
Запекшаяся кровь видна была пред ним.
И он же и в другом месте:
Созижден высоко Перунов гордый храм,
Он тени распростер далеко по горам:
Пред ним всегда горит неугасимый пламень,
При входе утвержден краеугольный камень,
И камнем гибели народом наречен;
Он черной кровью отовсюду омочен;
На нем несчастная та жертва трепетала,
Свирепости жрецов которая питала:
Там смертоносные оружия висят,
Сосуды кровию наполнены стоят.

Владимир по принятии над Россией самодержавия в честь сему божеству соорудил многие храмы. Стоявший же над Боричевским потоком, может быть, им только возобновлен и украшен, будучи построен еще из самых древних времен. Самое наименование сего ручья не произошло ли от отеческого имени Перуна?

Первоселенцы киевские, будучи сарматского происхождения и пришедши туда, вероятно, от Скандинавского полуострова, принесли с собою цельтских богов. Боричем, может быть, назывался Перун, как и Один, сын Бора, отчего и холм, и поток, или ручей, названы Боричевыми; ибо Бор был отец богов, или лучше отец Одина, владыки скандинавских богов. Самые цельтийские жрецы утверждали, что они происходят от сего Бора.

Перун, в настоящем значении сего слова, берется за громовую стрелу, или,

естественнее, за молнию, за электрическую струю, или за громовую искру. Но, вероятнее, кажется, нарицательное слово получило начало свое от собственного наименования бога грома. Перун, кажется, происходит от слова «Торым» или «Торум», которое на сарматском языке значит «всевышнее существо», «бог». Истукан сего божества был сделан не из одного вещества. Стан был вырезан из дерева; голова вылита из серебра; а уши и усы изваяны из золота; ноги же выкованы из железа; в руке держал нечто, похожее на молнию, которую представляли вместе составленные рубины и карбункулы. Перед ним горел неугасимый пламень, за небрежение коего жрец наказывался смертью, состоящею в сожжении его как врага божества сего.

Во «Владимириаде» он описан несколько отличнее от сего; однако ж совершенно соответственно столь высокому божеству:

Сей мрачный храм вмещал ужасного кумира,
На нем златый венец, багровая порфира;
Извитые в руке перуны он держал,
Которыми разить во гневе угрожал;
Златые на челе имел велики роги,
Серебряную грудь имел, железны ноги;
Горел рубинами его высокий трон,
И богом всех богов именовался он.

Из сего описания явствует, что он был ужасное громомечущее божество; а потому в смысле нравственном беззаконных казнитель и истребитель. Он также почитался владыкою между богами, и крепким словом, произвестителем всего ужасного в природе для человека.

Пространный шар земной лица его трепещет.
Разит перунами, он молниями блещет,
Убийство на челе, смерть носит на очах.
Его венец змеи, его одежда страх.
(«Владим.»)

А потому и жертвы были сообразны с воображаемыми свойствами царя богов. В честь ему закалывали скотов. Суеверие же, по глупости почитаемое существенною частию, самого себя ему жертвовало, т. е. бородою и головными волосами, обривая их.

Из посвященных ему вещей были целые леса и рощи, из коих взятие всякого сучка почиталось достойным смерти святотатством.

Исключая многие страны и города, в коих были сему богу посвящены божницы, великолепнейшая была в Киеве над Боричевым потоком, князем Владимиром воздвигнутая или лучше украшенная. Другая, не менее великолепная, была в Новгороде, которая сооружена дядею его Добрынею, пожалованным им в Новгород посадником или наместником. Обе они получили свой конец по просвещении России христианством, равно как и кумиры Перуновы, и свержены: киевский - в Днепр, а новгородский - в Волхов.

Здесь приложу я, кстати, отрывок древняго или древнюю стать сочиненного гимна:

Боги велики; но страшен Перун;
Ужас наводит тяжела стопа,
Как он в предшествии молний своих
Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозные тучи ведет за собой.
Ступит на облак - огни из-под пят;
Ризой махнет - побагровеет твердь;
Взглянет на землю - встрепещет земля;
Взглянет на море - котлом закипит.
Клонятся горы былинкой пред ним.
Страшне! Свой гнев ты от нас отврати!
Бросив горсть граду во тысячу мер;
Только ступил, уж за тысячу верст;
Лишь от пяты его облак зардел;
Тяжка стопа гул глухой издала.
Кой горы, море и землю потряс,

И лишь сверкнуло возкраие риз.

Златая мать

Как Перун был бог гневной, так противно оному Златая мать, или, иначе, Баба, была богинею тишины и покоя. Истукан ее был сделан из золота в виде женщины; а от сего и наименование свое получила, равномерно как и от свойства, приписываемого ей. На руках она держала младенца, который почитался ея внуком и от коего названа Бабою, т. е. Бабушкою. Сей внук был Световид. Вокруг истукана находилось великое множество музыкальных орудий, на коих во время ея празднества были ей воспеваемы хвалы. Храм же ея славнейший был сооружен при реке Обиго, или Обеге. Здесь она давала ответы; а потому храм сей почитался прорицалищным и был в великой славе. Она столь была свято чтима, что мимо ея истукана никто не смел пройти, не принесши чего-либо на жертву, и если ничего не имел, то по малой мере клочок от своего платья с земным поклонением подносил. Сия богиня, кажется, была то же, что цельтийская Фригга, или Фрея, которой одной приписывается пророчество: «Единая Фригга весть будущая, но никому сего не открывает», - слова Одина, приведенные в «Эдде».

Световид

Божество, бывшее у славян в великом почитании. Он имел на Севере два славных храма: один на острове Ругене в городе Ахроне, а другой в Холмограде, который полагается на самом том месте, где село Бронницы, на находящемся у оного холме, на коем теперь построена церковь Св. Николая.

Истукан его был сделан из дерева величины огромной. Он имел четыре лица, на каждую страну света по одному. Бороды не имел; кудри у него были завитые; одежда на нем была короткая. В левой руке был лук, а в правой рог, выкованный из металла. При бедре имел превеликой в серебряных ножнах меч; в стороне висели седло и узда коня его, также непомерной величины. Сей истукан стоял посреди храма, завешенный великолепными красного цвета занавесками. Он давал ответы через уста жреца однажды в год. В то время сей главный жрец входил в святилище сего бога, удерживая свое дыхание, и при надобности в оном или выходил вон, или выставлял только из святилища голову. Сей единогодный праздник справлялся с продолжительными торжественными обрядами.

Оный начинался по окончании жатвы, что будет в месяце серпене, или августе. И тогда народ собирался перед капищем, пригонял множество скота, как в жертву своему богу, так и для празднования сего знаменитого их праздника. За сутки до торжественного дня сам начальствующий жрец выметал храм сего бога. На следующий день жрец брал из руки световидовой рог, за год наполненный вином, предсказывал о плодородии следующего по тому, сколько в нем убыло; ибо верили, что если много из рога убыло, то год будет бесплоден; если же мало, то ему надлежало быть плодородну. И сие вино выливши пред стопами Световида, наполнял рог сей новым и выпивал в честь оного, моля, чтобы даровал во всем изобилие, богатство и победу на врагов. Потом наполнив сей священный рог новым вином, влагая в его руку, моляся купно со всем народом; после чего приносимы ему были многочисленные жертвы от волов до овец. По совершении сих жертв, вносили огромной величины круглый пирог, сделанный из пряничного теста, в коем мог поместиться человек. В сей пирог служитель световидов, вошедши, спрашивал народ: видит ли его? - Люди ответствовали, что нет, - тогда, обратясь к Световиду, молил его, чтобы на предбудущий год хотя несколько его увидели. Здесь кажется, жрец, спрятавшись в пироге, представлял солнце в удалении от нашего полушария, или зимнее время; и потом молил Световида о его возвращении. Поелику не только имя, но и все признаки являют, что сей бог был изображение светила, одушевляющего наш мир. Четыре лица есть четыре годины, или времена года. Стрелы и лук, как у греческого Феба-Аполлона, значили лучи солнца. Белый конь, ему посвященный, знаменовал видимое движение сего благотворного светила; рог в руке - обилие, повсюду проистекающее от его священной теплоты; меч же означал его как бога - защитника и покровителя славян.

После сего обряда с великим благоговением приносили в жертву множество скота; и тогда жрец, сделав народу пространное поучение, поощрял оный к прилежному почитанию и жертвованию сему богу; а за сие обещал им земное плодоносив, здравие, победу на врагов на суше и море. Иногда же сему идолу приносили в жертву пленных своих неприятелей как богу защитнику своему на бранях; сей бесчеловечный обряд отправлялся таким образом: невольника (по всему видно, что из ратных людей) одевали в панцирь или во всеоружие; сажали на оседланного коня, коего ноги привязывали к четырем сваям, равно и несчастного к лошади, и положа под оною дров, сожигали их обоих. Жрецы уверяли народ, что такая жертва приятна Световиду. Кажется, что сим хотели они возбудить в народе вящую жестокость к врагам своим, в коей надеялись пользоваться победами его над ними, приносившими жрецам немалую прибыль; ибо от всякой военной добычи Световиду наверно приносилась не больше как третья часть. Что самое кажется быть весьма естественно, соображаясь токмо с тогдашними обстоятельствами, где идолопоклоннические священники одни имели свободный доступ в таинственное святилище наук, грубое же невежество было общею долею простонародья; а посему влияние первых на сих последних долженствовало быть всемогущественно и которое не допускало их проникнуть корыстолюбивые жрецов виды. По окончании всех обрядов богослужения и жертвоприношения народ начинал есть, пить и веселиться.

Световиду посвящен был белый конь, на коего никто, кроме первого жреца, не мог сесть. У сего коня, даже до волоса, все было священно, и под опасностью потеряния жизни не позволялось ни из хвоста, ни из гривы ни одного выдернуть. Уверяли, что Световид ездил на оном побеждать их неприятелей. А сие подтверждалось тем, что когда под вечер коня оставляли вычищенного, поутру находили его запотелого и загрязненного; из чего заключали, что Световид ездил на нем для поражения их супостатов. Смотря же по тому, больше или меньше была умучена лошадь Световида, таковому и успеху брани быть думали. Сей конь также служил прорицателем, начинать ли или не начинать, равно ли хорошо или несчастливо будет продолжение войны. Для гадания ставили перед храмом шесть коней по два в ряд и в известном расстоянии. К каждым двум привязывали по копью поперек так высоко, как только лошадь может перешагнуть. Прежде, нежели лошадь начинали вести между копий, жрец с известными обрядами молился Световиду, читая многие нарочно для него сочиненные молитвы. Потом с благоговейными обрядами брал коня за узду и вел через три поперечные копья. Если лошадь шагала наперед через них правою ногою, и притом через все три не запутавшись, то обещали себе окончание войны самое благополучное. В противном же случае трепетали о всяком несчастий; а смотря по сему, отлагали и самую войну.

Храм световидов был весьма богат; ибо сверх разных вкладов получал он из военных добыч третью часть, и триста всадников сражались собственно от Световида, полученную добычу всю приносили. Ругенского световидова храма и истукана его участь была та, что Вольдемар, король датский, в 1169 году по Р.Х. взявши остров Руген и город Ахрон, капище разорил и ограбил, а истукана ободравши, приказал рассечь и сожечь. Что касается до Холмоградского световидова храма, то оный одну участь имел с прочими идольскими капищами, будучи разрушен по восприятии Россиею святого крещения.

Знич

Под сим божеством славяне разумели начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую к произведению и охранению всех существ. Славяне о сем начальном и жизнедательном огне были таких же мыслей, как парсы или гебры о своем священном огне, полагая его оживотворителем всех живых существ. И в самом деле:

В адаманте он блистает,
В яхонте же он зарит;
Он в холодном льде пылает
В темном облаке гремит.
Еордые главы сибирских

Возносит кедры к облакам;
В травках обитает низких;
Красоту дает цветам.
Крепость, бодрость в льва влагает;
В тигра же стремленье, жар.
Все родит, растит, питает,
И всему собой сам дар.
Он душа природы всей;
Он начало всех вещей.

Славяне повсюду его видели; удивлялись ему; но, не будучи Эйлерами, не могли истолковать и объяснить его: могла ли им по их простоте и малому просвещению взойти такая тонкая мысль, что этот начальный огонь, начальная теплота, есть даже причина самого огня, самой теплоты: это эфир? то тонкое вещество, по всей природе разлиянное, образующее адамант и в нем находящееся, дающее цвет розе, рост кедру, блистающее в самом льде, и коего слабое в вещи сотрясение производит теплоту, а сильный жар или растопляющий оную, или пламенем ея пожирающий? - Они, подобно другим живущим в простоте народам, сделали из сего непонятного для них существа себе божество, наименовав его Зничем.

Теперь станем говорить о сем начальном огне как о божестве славянском. Знич не имел никакого изображения; но токмо был неугасимо горящий огонь, наподобие Вестина огня в Риме. Храмы, в коих содержался сей священный огонь, находились во многих городах.

Сей неугасимый огонь получал себе жертвы, которые, как световидовы, состояли из части корыстей, от неприятеля полученных. Ему жертвовали также и пленными. А из сего заключить можно, что действию Знича приписывали военный жар и храбрость. К оному также прибегали находившиеся в тяжких болезнях, желая получить облегчение. Служители Знича, показывая себя воодушевленными или вдохновленными сим божеством, во имя его немоществующим давали ответы, содержащие в себе средства к излечению их. В заключение приложу из «Владимириады» описание сего божества:

Тогда отважный Знич, блистающ весь извне;
Вещал: намеренья сии ненравны мне.
Я хижинам свещу и озаряю троны;
Во существе огня я россам жизнь дарю,
Питаю, грею их, их внутренности зрю.

Белбог

Само название означает его благим. На других наречиях славянского языка назывался также Бельций Буг, что значит то же самое.

Изображался он покрытым кровию, и обсевшим по оной великим множеством мух, что, кажется, было знамением питателя тварей, в правой руке держал кусок железа.

Храм он имел на острове Ругене в городе Ахроне, где ему, точно как и Световиду, воздавалось почтение, особенно же от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Ему не жертвовали кровию, но в честь его отправлялись пиры, игры и разные забавы. Под сим божеством наши праотцы разумели благодеяния, ниспосылаемые тварям природою, сохраняющею их. То правда, что чернь почитала ею ощущаемое, то есть самый истукан; но служители, или истолкователи их веры, конечно, разумели в смысле отвлеченном благость природы, дщери благого царя и общего всех миров отца.

Сильный бог

У всех древних народов телесная крепость почиталась даром свыше ниспосланным; а потому таковые люди у греков были полубоги, т. е. рожденные отцом или матерью бессмертно, и обратно, коим-либо из двух смертных. Греки их звали героями, что славяно-руссы обозначали словом богатырь. Сие слово, по изъяснению одного нашего

знатока отечественной истории, есть татарское батырь, и значит силач; можно бы было сему поверить, если бы прежде сообщения русских с татарами оное не было в употреблении; вернее же, оно составлено из славянского бог, сарматского тир или тирар (по его же истолкованию) пасынок; что самое как названием, так и смыслом ближе к понятию богатыря подходит; и я лучше верю, что татарское батырь есть русское перепорченное богатырь.

Под сим божеством чтили славяне дар природы телесной крепости; это был лицеобразованный греческий Марс, или Арей. Изображение его было в виде мужа, держащего в правой руке дротик, в левой же серебряный шар, как бы через то давая знать, что крепость обладает всем миром. Под ногами его лежала львиная и человеческая головы, поелику и та, и другая служат эмблемою телесной крепости.

Дажбог

Сие божество было также благородное, податель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. Жертвовали ему только усердными молитвами и испрошением у него милости; ибо благотворение не требует ничего, кроме прошения и признательности. г. Херасков прилично именует его во «Владимириаде» - «Дажбог плодовитый», когда верили, что от него получают всякие блага, как от неиссякаемого источника. Божницу он имел в Киеве. Он служил эмблемою благополучия, которое обоготворяли древние римляне.

Живот

Сие божество было в почтении у Полянских славян, имя его означает жизнедателя или сохранителя жизни. Это был другой Вишну славянский. А как и самое название греческого Зевса или Юпитера производят от греческого слова «жизнь», то не почерпнули ли оба народа первоначальные понятия о сих существах из одного начала? И не преобразили ли греки своего в существо грозное, когда поляне имя и соединенное с ним понятие живохранителя и животодавца сберегли? Сие божество было у полян из первостатейных и имело свои храмы. Впрочем, понятие о существе животохранящем кажется мне точнее и чище, нежели понятие о боге-лекаре, Аполлон ли то был или сын его Ескулапий. О сем божестве упоминается только в польских древностях; почему его и называю собственным божеством Полянских славян.

Лед

Ему славяне молились об успехах на сражениях, и он почитался начальствующим над воинскими действиями и кровопролитием. Сие свирепое божество представлялось во образе страшного воина, вооруженного в славянскую броню, или всеоружие. При бедре меч; копье и щит в руке. Сие божество имело свои храмы; война доставляла ему жертвы. Идучи против неприятелей своих, славяне молились ему, прося о помощи и делая обещания по побеждении неприятелей принести ему обильные жертвы. Вероятно, что сие божество больше, нежели другие первостепенные, получало кровавых жертв; и в смысле более почтенном, храбрости, бессмертия и мужества. Впрочем, древних славян нельзя упрекать человеческими жертвами, между тем, как мы видим древних греков таковые жертвы приносившими и, что еще ужаснее, жертвовавшими своими единородцами, детьми. Обагряемый человеческою кровию у германцев Ирмензулов храм, сирийский Молох, норманские камни доказывают, что в первобытной грубости, или по впадении в оную, почти всеми народами обладало кровавое суесвятство. Сверх сего славяне (не говоря о всех поколениях, но разумея привыкших к брани и кровопролитию) приносили в жертву своим богам только врагов.

Из древних летописцев видно, что за отдалением от храмов Леда чтили его в мече или сабле, вынутой из ножен и воткнутой в землю, поклоняясь ему и моля о помощи.

Здесь, кажется, кстати упомянуть о славянских до Рурика бывших богатырях. Древнейший есть князь Славен. Сие имя, кажется, нарицательное, значащее славянский

князь, либо собственное, но данное ему от приобретенной им славы; ибо славяне до него носили свое имя. Дети его, славный Волхв, воевавший с народами, обитавшими по берегам реки Волхова, прежде именовавшейся Мутною рекою, и братья его, Волховец и Рудоток. Знаменитый Буривой, воевавший с варягами (морскими разбойниками, может быть норманскими, а не русскими), мудрый Гостомысл, его сын, богатырь и законодатель.

Но каковы славянские и славяно-русские были богатыри, то видно из следующего сказочного богатырского повествования:

Начинается сказка
От Сивка от Бурка
От веща коурка,
На честь и на славу
Отецкому сыну,
Удалому витязю,
Храброму рыцарю,
Доброму молодцу,
Русскому князю, что всякие силы
Сечет, побивает;
Могучих и сильных
С коней вышибает;
А бабу Ягу
На полати бросает;
И смерда Кащея
На привязи держит;
А змея Горыныча
Топчет ногами;
И красную девку
За тридевять морей,
В тридесятой земле,
Из-под грозных очей,
Из-под крепких замков,
На белу Русь увозит.
А выдет ли молодец
В чистое поле?
Он свистнет, он гаркнет
Свистом богатырским,
Криком молодецким:
«Ты, гой еси, конь мой!
Ты, сивка, ты, бурка,
Ты веща коурка!
Ты стань передо мною,
Как лист перед травою».
На свист богатырской,
На крик молодецкой,
Откуда ни возмется
Конь сиво-бурой
И сиво-коурой.
Где конь побежит,
Там земля задрожит;
А где конь полетит,
Там весь лес зашумит.
На полете конь из рта
Пламенем пышет;
Из черных ноздрей
Светлые искры бросает;
И дым из ушей,

Как трубами, пускает.
Не в день и не в час,
Во едину минуту
Перед витязем станет.
Удалой наш молодец
Сивку погладит.
На спинку положит
Седельце черкасско,
Попонку бухарску,
На шейку уздечку
Из бедова шелку
Из шелку персидскова.
Пряжки в уздечке
Из Краснова золота
Из аравитскова,
В пряжках спенечки
Из синя булата,
Булата заморскова.
Шелк не порвется;
Булат не погнется;
И красное золото
Ржаветь не будет.
У доброва молодца
Щит на груди,
На правой руке перстень;
Под мышкою палица Серебряная;
А под левою меч
Со жемчужиною.
Богатырская шапка;
На шапке сокол.
За плечами колчан
С каленными стрелами.
В бою молодец
И битец, и стрелец:
Не боится меча,
Ни стрелы, ни копья.
Он садится на бурку
Удалым полетом;
Он ударит коня
По крутым по бедрам,
Как по твердым горам.
Подымается конь
Выше темнова лесу
К густым облакам.
Он и холмы, и горы
Меж ног пропускает;
Поля и дубравы
Хвостом устилает;
Бежит и летит
По землям, по морям,
По далеким краям.
А каков добрый конь;
То таков молодец:
Не видать, не слыхать,
Ни пером описать,
Только в сказке сказать.

Вот изображение русского богатыря! Вот пример древнего русского эпического стихотворства!

Коляда

Под сим богом разумели наши предки мир и сопутствующее с оным блаженство, а посему праздники в честь сему божеству отправлялись играми и весельем. Оные начинали в конце месяца студеня, или 24 декабря. Зимою, может быть, для того были установлены ему праздники, что славяне никогда в сие годовое время не воевали, но наслаждались покоем по военных трудах. Сему присноюному, веселому, всеблагому и повсюду развевающему обилие божеству жертвовали пением, пляской, играми и разными забавами. Праздники же, ему посвященные, препровождали в пирах и веселостях. Нынешние загадывания девушек о Святках, кажется, и тогда существовали; ибо когда лучше думать о любви и замужестве, как не во время отдыха, покоя, наслаждаясь обилием богатой осени? Впрочем, сему божеству молилися, прося у него мира, тишины и изобилия в земных плодах и скоте. Равно по учинении с неприятелем мира ему приносилось благодарение, и праздновали его праздники пирами и весельем. Празднования нарочные начинались в честь ему с вечера на 25 студеня. Остаток оных еще и поныне между нами уцелел. В сей вечер собираются девушки (инде же молодые ребята) и, приходя под окно к каждой избе, поют следующую песню, которая, судя по слогу, кажется быть очень древняя. Вот она:

Виноградье красно почему спознать?
Почему дом Устина Малафеевича?
У его вот у двора все шелкова трава,
У его-то у двора все серебряной тын;
Ворота у него дубовыя;
Подворотенки рыбья зубья.
На дворе у него да три терема:
В первом тереме да светел месяц;
Во втором терему красно солнышко;
В третьем терему часты звезды.
Что светел месяц, то Устинов дом;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звезды, малы детушки.
Да дай боже Устину Малафеевичу
С борзых коней сыновей женить;
Да дай боже Улите Хавроньевне
С высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиков;
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
Наша коляда всего пол-алтына.

По пропетии сих песен колядовщицы получают несколько денег или, больше, из пшеничного теста напеченные безделушки; а молодым ребятам колядовщикам в иных местах выносят по ведру или больше пива, которое они сливают в возимую с собою бочку.

Все так называемые святочные игры суть останки древних в честь бога мира празднований. В сие время девушки гадают о своих суженых, т. е. роком определенных будущих мужьях своих; поют именуемые по святкам подблюдные святошные песни, которые я здесь для того не привожу, что они слишком известны всякому из моих читателей.

Услад

Радость на челе, румянец на щеках, уста улыбающиеся, увенчанный цветами, одетый нерадиво в легкую ризу, играющий в кобзу и пляшущий на голос оныя есть бог веселья и жизненных услаждений, сопутник Лады, богини приятностей и любви.

Услад, прельщающий воззрением одним.
(«Владим.»)

Он был почитаем покровителем всяких удовольствий и увеселений. Кажется, что сие божество начально изображало душевные и телесные удовольствия; но как все отвлеченное между народом преобращается в чувственное и грубое, умственное же в вещественное, то и Услад почитаем был богом роскоши, пиров, утех, увеселений, забав и особенно столовых, явственных услаждений, как Коре пьянства. Человек чувственный все любит приноровлять к своим страстям, кои обратно приписывает всему извлеченному чувственности и страстей. Наконец, скажу, при всяких пиршествах (в коих, точно как и в питье, полагалось в древности все человеческое блаженство) сие божество было призываемо и умоляемо.

Лада

Леля, Полеля, Дид, Дидилия. Вот прекрасное семейство, какового не могло выдумать и греческое игривое воображение! Что естественнее, как красота с своими детьми, любовию, браком или сочетанием, супружественной жизнью и деторождением?

Богиня красоты и любви всего более чтима была в Киеве. Владимир, до крещения своего будучи влюбчив и повсюду собирая красавиц, весьма чтил сию царицу любви. Он ей воздвигнул великолепный и преукрашенный на Горе храм. Г. Херасков так оный описывает:

Храм Ладин, пестрыми гордящийся столпами,
Сплетенными из роз обвешан вкруг цепами.
Богиня, отрока державшая в руке,
Являлась в бисерах и в миртовом венке;
У ней распущены власы, подобно злату;
За щедрости ея цветы приносят в плату.
(«Владим.», песнь III)

И в другой песне:

И в нем (храме) величество небес изображает.
Ступеней седмь, и седмь вкруг идола столпов.

Из сего списания пиита видно, что храм ея был великолепный, и, может быть, великолепнее Перунова.

Лада изображалась в виде молодой прекрасной женщины, в розовом венке; волосы у нее были золотоцветные; одетая в русскую одежду, опоясанная золотым поясом и убранная жемчугами. Она держала за руку младенца, который есть бог любви Леля.

И златовласая с младенцем зрима Лада.
(Херасков)

Служение сей приятной богине было сходственное с ея свойствами. Ей пели в честь песни и приносили курение ароматов и цветы.

Российский эпический творец так оное описывает:

Девицы, окружив кумира в стройном чине,
Со умилением воспели честь богине:
«О, нашей юности хранящая цветы!
Дай, Ладо, мирное супружество нам ты!»
Мастики перед ней как облак воскурили
И имя Ладино стократно повторили.
В то время возгремел кимвалов громких звук;
Девицы жертвенны, составив цепь из рук,
Когда произвела приятный голос лира,
Плясанье начали при песнях вкруг кумира.
Приходят пред алтарь и жрицы, и жрецы,
Носящи для девиц богинины венцы,
Которых на главы священно возложенье,
Обязан князь чинить любви во уваженье.
Владимир оросил, начав обряд такой,

И руки, и чело священною водой.

Вот описание служения богине любви, не требующее никакого дополнения: потому что в другом месте автор «Владимира возрожденного» дополнил оное так:

Краснее утренней зари отроковицы
Несут уже цветы во храм любви царицы;
Преобращается в помост прекрасный луг,
И девы юные кумира стали вкруг.
Корящих звезд число они изображают,
Который луну блестяшу окружают.
Едина между сих сияет паче всех.
Ей первой жребием готовился венец,
Который на девиц взлагает князь иль жрец.

Развивая немногие слова, оставшиеся в наших летописях о баснобожии славян, можно заключить, что сей богине наивеличайшее воздавалось в Киеве почитание в княжение Владимира до просвещения его божественным светом христианства. Будучи, по словам древних летописцев, женолюбив, воздавал великую честь богине любви, и, может, при нем установлены обряды служения, описанные творцом «Владимириады»; и сие потому, что оные обряды служили ему пособием к избранию прекраснейших из девиц.

Леля

Божок пламенный, рассыпающий или мечущий из руки искры. Сила его состояла в воспламенении любви. Он есть сын красоты, как и естественно красота рождает любовь. Изображался он в виде златовласого, как и мать его, пламенного, крылатого младенца: свойство любви воспламенять. Он метал из рук искры: любовь воспаляет сердца не искрами ли как бы исходящими из очей, из уст прекрасной или, лучше, любимой (потому что в языке любви красотою называется, что каждому из неразделимых в особливости страстно нравится) особы? Безотлучно находился при своей матери: весьма натурально любви всегда быть при красоте; красота всегда производит любовь. Он старший сын Лады: при соединении двух полов любовь все прочее предваряет. Впрочем, г. Херасков дает ему по подобию Эрота лук и стрелы:

Сын Ладин в воздухе взвивается крылами
И напрягает лук пернатыми стрелами.

После следует брак, который есть второй сын Лады и именуется Полеля.

Полеля

Второй сын богини любви. Всякая чистая и на добродетели основанная любовь влечет за собой брак. Почему славяне вымыслили или, лучше, истину прикрыли покровом сего вымысла. Сие божество, улыбающееся в шипковом венке, подает рукою простертою шипковый же венок, а в другой держит рог пития верности. Он есть нагой, как брат его, но одет в тонкую ризу или рубаху. Сие божество также имело свои божницы в Киеве, хотя и в других местах было чтимо. Херасков так его определяет:

Полель веселостей богиню провожал;
В нем Киев брачные союзы обожал.

Дид

Вот третье чадо матери любви, жизнь супружняя; сей, так же как и брат его, всегда молод. Потому что супружняя связь, натурою установленная для размножения человеческого рода, не должна ослабевать или стареться. Супруги перестают быть супругами только тогда, когда жар любви мало-помалу угасает: тогда они становятся друзьями. Сию последнюю связь разрывает одна только смерть. Он одет в полную славянскую одежду; венок на нем из васильков; он ласкает, держа в руках двух горлиц.

Сей бог имел свой в Киеве храм, и ему молилися замужние и женатые о благополучном

супружестве и деторождении.

Дидилия

Также из семейства Лады. Она почиталась не только покровительницею благополучных родов, но и разрешительницею неплодных женщин. Почему и прибегали к ней для моления как чреватые, так и бесплодные. Истукан ее представлял молодую прекрасную женщину, имеющую на голове наподобие венца украшенную жемчугами и каменьями повязку; одна рука у ней была разжата, а другая сжата тылеснею, или кулаком. Наизнатнейший сверх других храм ея был в Киеве. Сею богинею оканчивается ладино семейство, изобретение коего весьма натурально, полно, верно и прекрасно. Греки дали Венере одного Эрота или Любовь: Кимен и Гименей были ей чуждые; а над родами начальствовала Юнона. Но славянское воображение, будучи вернее, хотя и не настолько живо и летуче, составило из всех сих одну семью совершенную.

Мерцана

Под сим названием славяне разумели зарю. Следовательно, ей можем придать те же приложения, кои Гомер, списывая с природы, прилагает к своей заре; он ее называет «рудожелтою зарею», иногда же «златобагряною». Оная у него появляется по два раза на день. Когда Феб выезжает на небо; тогда утром, поднимая мрачный покров ночи своими розовыми перстами, показывает на малое время свою златобагряную одежду. Как же скоро Феб въедет на небо, то снова скрывается; а в другой раз, как скоро Феб приблизится к западным вратам своего дома, она, ему оные отворив и встретив, дожидается, пока проедет, и до тех пор ея златобагряная риза бывает видна, доколь опять не отпустит она завесы ночи. Но славянская заря при отправлении сего служения Световиду выходит иногда ночью резвиться над нивами, порхая над созревающими класами. И тогда зовут ее Зарницею. А как верили, да и теперь еще верят, что зарница способствует к большому обилию и к скорейшему созреванию жатв, то и почиталась покровительницею нивяных плодов. А посему молили ее об урожае хлеба. Признак ее, как богини жатвы, класовой венок; как заря, румяна и в златобагряной одежде, которая состоит из обширнейшего покрова, или фаты, прикрывающей задние полголовы, у груди приколотой или простирающейся до земли. Сия богиня особенно сельскими жителями почиталась.

Боги земные

Триглава

Также сокращенно именовалась Тригла. Сия богиня не имела храма в городах и селениях, а находился он на полях киевских; истукан же ея представлял женщину о трех головах. Славяне, кажется, благоразумно поступали, не вмещая храма богини, изображавшей землю, среди жилищ. Три ея главы означают три начала, составляющие земной шар, т. е. земля, вода и воздух: ибо существование огня полагалось вне земли. Сему доказательством служит Прометей, похитивший огонь с неба. Нет ничего лучше сей догадки, как поставить храм земли под открытым небом, поелику самое изображение сего храма и богини значило землю. Сверх сего три ея главы могут представлять собою горы, долины и леса. В смысле же отвлеченном, богиня сия, кажется, изображала продолжение времени, настоящее, прошедшее и будущее.

Волос

По причине пользы, получаемой от скота, коего сей бог почитался покровителем, после Перуна, бога ужаса, Волосу, подателю через сохранение скота великих польз и благ людям, воздавалось величайшее почитание. Самое имя означает его велечтимым:

ибо Велес, через толкование слова, значит «велий есть», т. е. великий, а Волос, володеющий, т. е. «обладатель». Сие высокое почитание к нему славян видно в летописях из договоров Святослава с греками, когда в соблюдении мира греки присягали целуя, крест и Евангелие, а Святослав, вынув из ножней саблю, клялся над нею Перуном и Велесом, богом скотьим. Имя Велеса, как хранителя скотов, еще и поныне сохраняется в созвучном оному имени св. Власия, или попросту Власа, которого деревенские жители называют коровьим богом, точно так, как св. Егория - коневьим и овечьим. Он с бычачьими рогами, в простой одежде, держит в руке чашу с молоком: ибо он предпочтительно покровительствовал крупному рогатому скоту. В жертву ему приносились коровы и быки. В Киеве воздвигнуты были ему божницы, равномерно и в других городах имел свои капища. Херасков говорит так о сем идоле:

Там Велес паствы бог, —
что согласуется с моим описанием.

Могош

И сей по Нестору есть также бог скотов, однако ж надобно заметить различие между Могошем и Велесом. Первый крупного скота бог, другой же мелкого, как то: овец, коз и проч. А как польза от мелкого скота получаемая состоит, во-первых, в шкурах и потом в мясе, то и изображение сего бога будет тому соответственное: с мохнатой козлиной бородою, с бараньими рогами, в шубе бараньей навыворот, в руках палка или пастуший посох, в ногах у него быть положен барашек. Сей бог также имел по городам свои храмы; а почитаем был всего более поселянами.

Купало

Веселый и прекрасный бог, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды; на голове имеющий венок из цветов купальниц, бог лета, полевых плодов и летних цветов, Купало. Он почитается третьим по Перуне и вторым по Велесе: ибо по скотоводстве земные плоды всего более служат к содержанию и продовольствию человеческой жизни и составляют его обилие и богатство. Мерцана любила нивы, слетая ночью на оные, играя и резвясь над ними, а может и с самыми класами, любимейшими ея растениями, которых созреванию способствовала: сие же самое божество пеклось о изобилии и благополучном созрении всяких полевых произрастаний. Вероятно, что по приведении в зрелость класов, Мерцана их оставляла и препоручала дальнейшее о них попечение Купале. И он-то должен был сохранять их от непогод, сильных ветров и покровительствовать земледельцам, собирающим их. Или поелику Мерцана только ночью сходила для любования ими, то станется, что дневное попечение брал на себя Купало. Как бы то ни было, но самые жертвы, приносившиеся ему перед начатием жатвы, доказывают, что он сверх других полевых произведений покровительствовал также и нивяным.

Празднование ему установлено было месяца червеца 23 и 24 дня. Тогда молодые люди обоих полов в венках и опоясаниях (гирляндах) из купальниц и других цветов вокруг расположенного огня при пении песен плясали, почасту через оный перескакивая. Песни же сии были или в честь Купале, или в оных припевалось только его имя. Таковые песни еще и по сие время по некоторым деревням и селам продолжаются. По восприятии Россиею христианской веры прошло более восьмисот лет, и со всем тем следы древнего баснобожия все еще не могут изгладиться: столько человеку любезны боги образованные им по своему подобию, страстям и нравам!

Родомысл

Божество славян варяжских, покровитель законов, податель благих советов, мудрости, красных и умных речей. При начатии градских совещаний или сходок, относящихся к благоденствию града или к отвращению угрожающей общей напасти, ему молились, принося жертвы. При всяком важном предприятии, требующем мудрости,

Родомысл был призываем. Сие божество имело в городах при Варяжском море свои храмы. Истукан его представлял человека в размышлении, упершего в лоб указательным перстом правой руки; в левой же руке щит с копьем. Сие божество кажется быть то же, что у цельтов Биддер, бог мудрости и красноречия.

Сьва

Собственно богиня осени и садовых плодов. Изображалась в виде нагой женщины с полными сосцами, имеющей волосы висящими до подколенок и держащей в правой руке яблоко, а в левой гроздь. Суеверие, делавшее себе из всего богов, из благорастворения воздуха, умеренности погод и обыкновенного плодоносного года, образовало себе особенное божество, будто бы благословляющее сады его и огороды, и оному молилось и просило его о покровительстве. Впрочем, изображение сей богини остроумно. Нагота ея изображает состояние природы в плодопроизводную часть года; полные сосцы и длинные волосы - общую всех тварей питательницу, во всем преизобилующую; яблоко служит эмблемою матери, нежащей милых чад своих, гроздь же - уповающей всех роскошью. Сьва была божеством не только плодов садовых, но и самого времени их поспевания, осени. Она особенно почиталась от славян, живших при Варяжском (Балтийском) море.

Зевана

Богиня звериной ловли. И подлинно, славянам, жившим почти во всей России среди лесов и промышлявшим ловлею зверей, сия богиня была не последней важности. Векши (векоши и ногаты) и куницы (куны) составляли в древности не только их одежду (здесь говорится о славянах древлянских, т. е. живших по лесам), но еще и вместо ходячей монеты употреблялись. Сия богиня изображается в куньей шубе, которой верх покрыт беличьими шкурами. Сверху надета вместо епанчи кожа медведя, коего голова служит вместо шишака. В руках лук натянутый с тупой стрелою или капкан, подле нее положены лыжи и битые звери, также рогатина и нож. В ногах лежит собака. Сей богине молились ловцы, прося у нее счастия в звероловстве. Храмы ей сооружены были в лесах. В честь нее приносилась часть добыч, получаемых охотою.

Чур

Почитался богом межей. Он не имел храмов; но был божество умственное. Его просили о сохранении межей на полях. В рассуждении виду, может быть, не представляли ли его камни, положенные для определения между полями границ? Слово «чур» и нынче употребляется, означая воспрещение какого-либо действия. Сие слово у колдунов таинственное, коим они призванного черта опять прогоняют.

В заключение скажу, что я не ручаюсь за свое слововос-произведение: я намекнул только мою догадку, а догадка для сего не есть еще самоистинна.

Прове

Он же именуется Проно. Сии оба слова имеют сходные между собою значения. Прове или Проветь - провещающий, пророчествующий; Проно же от слова «прознать», т. е. предведать или проникнуть. Почитаем был Прове вендскими и померанскими (т. е. поморскими, приморскими, поморянскими) славянами. Они его считали вторым по Световиде, коему воздавали величайшее почитание.

Истукан сего божества стоял на высоком густолиственном дубе, перед которым поставлялся жертвенник для жертвоприношений; вокруг же дуба усеяно было по земле двуликими, триликими и четвероликими болванами. Кажется, что под сим божеством славяне разумели предопределение, управляющее миром и распоряжавшееся будущим. Впрочем, не жрец устами бога предсказывал, но думали, что сам Прове, вселясь в

жреца, говорил его устами. Ему приносили в жертву пленных: по заклании жрец точил кровь их в чашу и прикушивал; а от сего и верили, что он получал через то большую силу к предсказанию. По окончании жертвы и получении благоприятного предречения кумирообожатели начинали есть, пить и веселиться.

Радегаст

Был обожаем также варяжскими славянами. Он почитался защитником городов. Истукан его был наподобие варяжского славянина, вооруженного копьем, держащего в левой руке щит с изображением на нем воловьей головы; в шлеме, на коем представлен был петух с распростертыми крыльями. Все сии признаки означают в нем блюстителя города: копье, поразите ля врагов; щит, градоправителя и защитника, воловья голова, силу и крепость; петух, бодрость и бдение в сохранении городов, которые у старинных славян (точно, как у греков и италианцев древних) составляли каждый в особенности особливое государство.

Радегаст, как и самое имя его, объясняет, значит «поразите ля неприятелей». Ему сверх других жертв приносили кровь человеческую. Будучи равномерно почитаем прорицателем через жреца, должен был уделить часть варварской жертвы своему служителю, который при выточении из несчастного жертвуемого крови его оную прикушивал, как бы через то сообщаясь с богом. По окончании жертвы и предсказания начинался общественный пир, после которого играли на музыкальных орудиях и плясали. Здесь заметим мы однажды навсегда о всех при Варяжском море обитавших славянах, что боги их были так же бесчеловечны, как и они сами. Славяне при поселении их на сих берегах, и смешавшись с поморскими финцами, промышлявшими наездами и грабежами по морю Варяжскому, переняли у сих варварский их промысл и так же разъезжали по морям для грабительств. А сие самое упражнение уменьшило или совсем истребило в глазах их ужас и отвращение к противоестественным жертвам, поелику, по известным законам природы, привычка от усиления делается второю натурою. Самому Световиду, богу кроткому и благотворному, дерзали приносить кровь человеческую; наконец, прибавим еще, что при заклании как животных, так и людей мечтали приносить в жертву богам душу, которая у всех непросвещенных народов полагалась в крови; а посему кровь и была святейшим пожертвованием идолу.

Коре

Вот и покровитель охотников до пива и меду. Нагой, одутловатый, венок на нем сплетен из хмелевых плетней с листьями; перевязь на нем хмелевая же. В правой руке держит ковш, из которого хочет пить; вокруг него лежат груды черепьев от разбитых кувшинов; сам же сидит на утлой, вверх опрокинутой дном бочке.

Славяне молились ему, выступая на пьянственные поединки. Ибо в древности не только у славян, ной в целой Европе тот немалым почитался богатырем, кто мог перепить всех. Тогда не как в наши вычищенные времена, пьянство не только не приносило стыда, но еще тот должен был терпеть посмеяние, кто или не пил, или не мог пить много.

Цесарь то же самое говорит о германцах, что они пьяной напиток, известным образом сваренный (пиво), пьют до излишества, и кто больше других выпьет, тот большую получает честь. Но не сказали ли так же и персы в честь Александру, что он храбр, прекрасен, умен и всех перепивает? Сей порок у греков долгое время (да едва ли еще и теперь) почитался добродетелью или, лучше, похвальбою и молодечеством.

Анакреонт, воспевая любовь, вместе с нею славит свои роги, из которых прежде пивали, и в виде сих самых рогов были бокалы, сделанные из металла или дерева. Но наши предки, особенно воины, любили в торжественных пирах пить из черепов убитых ими злейших их врагов, в знак торжествования над оными. И сей обычай собственно не славянский. Почти все полупросвещенные народы, главнейшее упражнение свое полагавшие в войне, так поступали. Примером тому цельты (датчане), норманцы (шведы) и проч. Да и ныне обычай сей сохраняется у многих диких народов.

Ясса

Божество славян Полянских и гертов.

Позвизд

Свирепый бог непогод и бурь. Русский эпический поэт о нем так говорит:
Там Посвист; бурями, как ризой, вкруг увитый.
И вот старинное о нем понятие:
С брады дожди льют проливные,
Из уст валят туманы злые.
Тряхнет ли Позвизд волосами?
Валит на землю полосами,
Нив истребитель, крупный град.
Махнет ли хладною полою?
Звездчат снег хлопьями валит.
Летит ли облачной страною?
Пред ним предидет шум и свист;
Полк ветров, бурь за ним несется,
Взывая к небу прах и лист;
Столетний дуб трещит и гнется;
Бор клонится к земле травою,
Трепещут реки в берегах.
Крутится в голых он скалах?
Свистит, ревет, гулит, ярится.
Ударит ли в утес крылом?
Вздрогнет гора; утес валится:
И в пропастях катится гром.

Итак, Позвизд имеет вид свирепый, волосы и бороду всклокоченную, епанчу долгую и с крыльями нараспашку. Ему, как и виргилиеву Эолу, местопребывание должно дать на высоких горах. Он имел близ Киева храм на поле: потому что суеверие думало, что этот вымышленный и образованный с деяний природы бог мог залетать в сей построенный ему постоялый дом. Киевляне распространяли власть его; они почитали его не только богом бурь, но еще и всяких воздушных перемен, как добрых, так и худых, полезных и вредных. Почему и просили о даровании красных дней и об отвращении непогод, которые почитались находящимися под его властью и управлением. А и того еще вероятнее кажется, что они молили его не столько о подаянии им блага, сколько чтоб не причинял им зла, по которой самой причине и всем вредоносным богам воздавалось почитание. В «Владимириаде» Позвизд таким образом похваляется своею силой:

Я двигну облака и воды возмущу,
Реками дождь и град на землю низпущу.
Мне в бурях к свойственной свирепости прибегну;
Я грады низложу, двор царской опровергну,

Догода

Вот милое божество, противоположное свирепому Позвизду! Младый, румяный, русокудрый, в васильковом венке с голубыми, по краям позолоченными крыльями бабочек, в сребролестящей голубоватой одежде, держащий в руке шипок и улыбающийся на цветы, летя над оными и помахивая им, есть славянский бог приятного весеннего времени; тихий, прохладный ветерок, Догода. Он имел свои храмы, и ему жертвовали песнями и плясками.

Зимстерла

Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божницы, и праздники ее были в месяце цветене (апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна. Сия богиня хотя и скрывается иногда, но в свое время появляется снова в прежней своей молодости. Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое русское платье, подпоясанною поясом розовым, переплетенным золотом; на голове у нее из роз венок; в руках держа лилею, нюхает. Грудь ея вся открыта; на шее ожерелье из цикорей. Перевязь через плечо цветочная. Ей приносимы были в жертву цветы, кои, собирая в ковшницы, поставляли перед ея кумиром, равно как и капище в ея праздники убиралось и усыпалось цветами.

В богиню сию, равно как и в дары ее, всегда влюблен Догода.

Зимерзла

Богиня суровая. Дышущая холодом и морозами. Одежда на ней наподобие шубы из сотканных вместе инеев. А как она царица зимы, то порфира на ней из снега, изотканная ей морозами, чадами ея. На голове ледяной венец, унизанный градами. Богине сей молились о умерении ее жестокости.

Преисподние, или подземные, боги

Чернобог

Ужасное божество, начало всех злоключений и пагубных случаев, Чернобог изображался облаченным в броню. Имея лицо, исполненное ярости, он держал в руке копье, готовое к поражению, или больше - к нанесению всяких зол. Сему страшному духу приносились в жертву сверх коней не только пленные, но и нарочно ему предоставленные для сего люди. А как все народные бедствия приписывались ему, то в таковых случаях молились и жертвовали ему для отвращения зла. Сего ужасного лжебога г. Херасков так описывает:

Шумящ оружием приходит Чернобог;
Сей лютый дух поля кровавые оставил,
Где варварством себя и яростью прославил;
Где были в снедь зверям разбросаны тела;
Между трофеями, где смерть венцы плела,
Ему коней своих на жертву приносили,
Когда россияне побед себе просили.

Сильный бог был бог телесной крепости, мужества; Лед - бог войны, храбрости и военных доблестей, бог победоносныя славы. Но сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством. Тем воздвигала жертвенники благодарность, как бы за ниспосланные ими дары воинские, и молились им, прося дать силу для защиты себя и отогнания врагов: но сему ужасному духу сооружал храмы Страх и Ужас. Его просили только об отвращении зла, как оного источник; но благости в нем не уповали найти и не искали ея.

Из некоторых описаний видно, что храм его построен был из черного камня; истукан выкован из железа, перед коим стоял жертвенник для сожжения ему жертв. Помост его храма, сказывают, был напоен кровью; что и вероятно, когда представляли его таким зверским и кровопийственным существом.

Ний

...зрю огненного Ния:
В нем ада судию быть чаяла Россия.
Он пламенный держал в руках на грешных бич.
(«Владимириада»)

Вложенное в человека самою природою умопредставление бессмертия души и

надежда жизни по смерти, которой счастливое или злополучное состояние зависит от порочной или добродетельной настоящей жизни, подало средство всем народам к вымышлению богов, мстящих по смерти за беззакония, в сей жизни учиненные. Равно как проведшим здесь жизнь свою благочестиво, но гонимым лютым роком без жалости и страждущим невинно, награда, уготовляемая им в будущей жизни, состояла в особенных народом любимейших удовольствиях.

Цельтийский рай богатырей, или Валгалла, услаждал рыцарский дух угодников своих воинскими играми как битвами, на коих убитые при наступлении обеденного времени опять пробуждались от смертного усыпления и шли с победителями без всякой вражды за один стол, где угощали их вкуснейшими из кабаньего мяса приготовленными яствами и потчевали до избытка пивом; по окончании же всегда возвращались снова к рыцарским своим упражнениям. Но нечестивые все были во власти Мидгара и Ферниса, или самое существование их исчезало.

Славяне полагали (по примеру многих других народов) место казни для беззаконников внутри земли. Судьею и исполнителем казней определили им особенного неумолимого и безжалостного бога Ния,

Имеющего свой внутри земли престол
И окруженного кипящим морем зол.
(«Владимириада»)

Сей судия мертвых почитался также насылателем.
... ночных ужасных привидений.
(«Владим.»)

Из устных преданий, оставшихся в старинных сказках, видно, что истукан Чернобогов был выкован из железа. Престол его составлял краеугольный камень, из черного гранита высеченный. В знак своего владычия имел на голове зубчатый венец, в руке свинцовый скипетр и огневидный бич.

Жертвовали ему не только кровию животных, но и человеческою, особенно же во время каких-либо общественных злоключений.

Стрибог

Божество, наказывающее беззаконников в преисподней, и бич злодеяний в сем мире. Он также истребитель всего видимого, подобно индийскому Сибе, или разрушителю, точно, как бог Живот, сохранитель, сходствует с индийским божеством Вишну. Его мести предавались заслужившие проклятие.

Яга баба

Это очень злая, старая и мощная колдунья, или волшебница, вид у нее страшный. Она не столько в аде живет, сколько на этом свете. Дом ее - избушка на курьих ножках, стоит и сама повертывается. Древние наши богатыри всегда ее нахаживали лежащею на лавке; нос ее висит через грядку (шест в избе, для вешания укрепленный). Сия старая колдунья не пешком ходит, но разъезжает по белу свету в железной ступе (т. е. колеснице самокатной); и когда она в ней прогуливается, то понуждает оную бежать скорее, ударяя железною же палицей или пестом. А чтоб для известных ей причин не видно было следов ее, то заметаются они за нею особенными к ступе проделанными мелом и помелом.

Кикимора

Бог сна и ночных привидений. Их представляли себе множество; а посему и можно их почесть за служителей и послов Ниевых. Происхождение им дают от рода человеческого; они живут также и в домах; простолюдины верят, что они по ночам в потемках прядут, и хотя их самих нельзя видеть, но утверждают, что слышно движение веретена. В самом же деле, или кошка в то время курнычит, или червяки точат дерево, либо ползают тараканы. Впрочем, сии духи не опасны; они никому не причиняют зла,

хотя иногда и беспокоят, однако ж не столько, как домовые, которых простой народ считает самыми беспокойными проказниками. Кикиморы, по мнению тонких в сей материи знатоков, суть рода женского и от сообщения с домовыми духами продолжают и свой, и последних род. В домах живут они будучи туда посланы на урочное время; но отечество их преисподняя.

Водные боги

Царь морской

Владычество над морями препоручили идолопоклонствующие славяне особенному божеству, назвав его царем морским. Будучи столько же древен, как и самое море, имеет венец из морского папоротника; разъезжает по морям в раковине, везомой морскими псами; в одной у него руке весло, знак укрощения волн, в другой же острога, знак их возбуждения. Обиталище его во глубине океяна, где чертоги и престол так изображены г. Ломоносовым:

В недосязаемой от смертных стороне,
Между высокими кремнистыми горами,
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол:
Столпы вокруг его огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы.
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистого лазуря,
Палаты из одной изсечены горы;
Верхи под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни покров черепокожных
Бесчисленных зверей во глубине возможных.
Там трон жемчугами усыпанный янтарь,
На нем сидит волнам седым подобный царь.
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда царская, порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред трон.
(«Петриада»)

Его особенно чтили поморские славяне, варяги, т. е. морские наездники, умоляя о счастливом по волнам плавании.

Чудо морское

Служитель и вестник царя морского. Оный, кажется, быть совершенно подобен Тритону греков.

Полудухи

Сие общее название даю я таким мечтаемым существам, коих воображали себе ни совсем бестелесными, ни телесными, и кои как бы в своих стихиях обитали, иные же в лесах, в реках, в омутах и проч. Они суть:

ЛЕШИЕ, обитатели и хранители лесов. Сии особливого свойства. Когда идут по лесу, то равны с лесом, когда же по траве, равны с травою; а иногда являются они людям в образе человеческом.

ВОДЯНЫЕ ДУХИ, или Дедушки, живут в глубоких местах рек, где имеют великолепные домы. Они уносят купающихся по тем местам людей, особливо же мальчиков, коих и

приучают жить у себя в домах; а сии впоследствии времени заступают место сих Дедушек. Равно как и лешие уносят молодых детей и, воспитав их в своих лесных обителях, делают по себе преемниками.

ДОМОВЫЕ, кои живут в домах и дворах. Ежели в котором дому Домовой полюбит хозяина, то кормит и холит его лошадей, о всем печется и у самого хозяина бороду плетет в косы. Чей же дом не полюбит, там разоряет хозяина в корень, переводя у него скот, беспокоя его по ночам, и ломая все в доме.

РУСАЛКИ, полудухи женского рода. Живут они обыкновенно в речках, из которых часто выходят в красную погоду на берег, где, сидя, чешут свои зеленые волосы гребнем; но лишь заприметят кого-либо идущего, тотчас бросаются на дно ручьев.

Богатыри

Они почитаемы были не как боги, но как люди, одаренные перед прочими высшими дарами неба, или как у греков их полубоги. Таковы были:

ВОЛОТЫ, исполины непомерной величины и силы. Из сказок древних видно, что сверх силы имели они еще дар неуязвимости. Впрочем, заметить должно, что древние славяне под именем волотов разумели римлян. Слава силы и могущества римского народа представила их воображению оных великанами; а потому и наделали себе из римлян особенных великорослых непобедимых существ.

ПОЛКАН, также богатырь, но только чудного телосложения. Он до половины был муж; а от пояса до низа конь. Бегал крайне быстро; облечен был в латы; сражался стрелами. Кажется, что многие были Полканы.

СЛАВЕН. Князь Славен, брат Вандала, почитался полубогом. Ему приписывали силу, мужество и храбрость чрезмерные. Он по прибытии с своим родом и славянами построил на реке Волхов город Славянск; по разорении коего варягами через несколько времени снова был сооружен, но уже под именем Детинца, по разрушении же Детинца воздвигнут был на его месте Новгород.

ВОЛХВ С БРАТЬЯМИ. Волхв с братьями Волховцем и Рудотоком были дети Славена, все трое богатыри. Но Волхв был великий волшебник. Он не только разъезжал по реке Волхову, так по имени его названной, а до того именовавшейся рекою Мутною, и по Русскому морю, но даже плавал для добычи в Варяжское море. Когда же он был в Славянске, то при приближении неприятелей, оборачиваясь в великого змея, ложился от берега до берега поперек реки, и тогда не только никто не мог проехать по оной, но даже и спастись не было возможности.

Озера и реки

Озера: ИЛЬМЕР и СТУДЕНЕЦ, реки: БУГ и ДОН были обожаемы наравне с прочими божествами. Им посвящены были огромнейшие по берегам черные леса, куда под смертною казнею не только не отваживался заходить стрелок или птицелов для своих промыслов, а рыбак отнюдь не дерзал ловить рыбу, но и самую воду не иначе дозволялось из них черпать береговым жителям, как чтоб то были чисто убранные в цветные одежды молодые девы, которые брали воду с благоговением и глубоким молчанием. Сии красные молодицы верили, что священные леса преисполнены нескромными духами, которые всякое громкое слово, как знак неуважения к божеству, переносили блюстителям языческой религии, а кроткие вздохи любви нашептывали в уши любовников их. В жертву им приносился предпочтительно тучный вол по цвету вод, когда они ужасным ревом волн своих и завыванием свирепых ветров наводили ужас на людей, предрекавших себе из того пагубу. Храмов в честь обожаемых рек и озер древние славяне не строили; но священнодействия отправлялись обыкновенно на берегу. Великолепнейшие торжествования производились весною, когда воды, разрушив зимние свои оковы, являлись изумленным обожателям своим в полном величии. Народ падал ниц. Моления начинались. Погружали людей в воду с великими обрядами; энтузиасты же религии в жару усердия своего добровольно топились в

священной реке или озере из благоговения. Отрывки, уцелевшие до нас из старинных рукописей и простонародных песен в честь водных божеств, подтверждают сказанное мною здесь, а Ломоносов думает, что славяне и самое название бога произвели от священной реки Буга.